

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1884.

АВГУСТЪ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета (Дроздова), въ послѣдствіи митрополита Московскаго (1809—1819) (продолженіе) И. Корсунскаго.

Отзывы печати о журналѣ „Вѣра и Разумъ“ (окончаніе) . Т. Стоянова.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи П. Линицкаго.

Имѣютъ-ли религію животныя? По поводу 1-й главы въ сочиненіи Эд. Гартмана: „Das religiöse Bewusstsein der Menschheit im Stufengang seiner Entwicklung“ (1882). А. Шостына.

Письма философа Сенени (продолженіе). * * *

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Отпошеніе г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода на имя Преосвященнѣйшаго Амвросія, епископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Предложеніе Преосвященнаго Амвросія, епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, Харьковской духовной консисторіи.—Журналъ Съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго 6—7 іюня 1884 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ правленія Харьковской духовной семинаріи.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІА ОКРУЖНАГО ШТАБА, ПЪМЕЦКАЯ, № 26.

1884.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, нравль христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жпзни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко въ природѣ чловѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія пзвѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ бытѣ.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по шести и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Фералонтова.

Такъ какъ нѣкоторыя статьи этого журнала, особенно касающіяся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связи съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года; то лица, желающія слѣдить за послѣдовательною связью этихъ событій, могутъ пріобрѣтать „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, въ редакціи новаго журнала, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI, 3.

Дозволено цензурою. Августа 15 дня 1884 года. Г. Харьковъ.

Цензоръ Протоіерей *Т. Павловъ.*

Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета (Дроздова),

въ послѣдствіи митрополита Московскаго

(1809—1819).

(Продолженіе *).

Съ утвержденіемъ Филарета въ должности ректора академіи, особливо же съ постепеннымъ приобрѣтеніемъ для него торжества въ борьбѣ съ окружавшею его интригою, въ немъ замѣчается все большій и большій подъемъ самочувствія, безъ всякаго однако же чрезъ то ущерба нравственной чистотѣ души его. Если прежде онъ выражалъ не разъ опасеніе за благополучіе самаго существованія своего въ Петербургѣ, боялся, какъ бы „не подтолкнули“ его ¹⁾; говорилъ, что онъ „не имѣетъ здѣсь пребывающаго града“, прямо разумѣя при этомъ Петербургъ; ²⁾ если даже въ самомъ началѣ ректорства своего, именно отъ 22 марта 1812 г., въ виду уже рѣшеннаго тогда удаленія отъ дѣлъ правленія могущественнаго дотолѣ Сперанскаго, ³⁾ Филаретъ писалъ родителю своему не безъ опасенія и за свою будущность: „мы живемъ въ вѣкъ превращеній и нечаянностей“: ⁴⁾ то послѣ, а

*) См. № 13, „Вѣра и Разумъ“, 1884 г.

¹⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 140. Письмо отъ 6 ноября 1810 года.

²⁾ Тамъ же, стр. 152 и 158. Письма отъ 14 октября 1811 и 26 февраля 1812 г.

³⁾ Самая катастрофа наденія Сперанскаго совершилась 29 марта, но уже болѣе мѣсяца до того времени его не требовали къ Государю съ докладомъ. (Ист. царств. Александра I. Т. 3, стр. 196), что, конечно, не безызвѣстно было Филарету по близости его къ высшимъ сферамъ, особенно же къ князю Голицыну, который продолжалъ непрерывно свои доклады Государю.

⁴⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 160.

особливо съ конца 1812 года, мы вовсе не замѣчаемъ этого. Тонъ рѣчи Филарета съ тѣхъ поръ становится все выше и выше. И это какъ въ письмахъ, такъ и во всей вообще устной и письменной рѣчи его, не исключая, конечно, и проповѣди. Филаретъ чувствуетъ теперь въ себѣ не простаго лишь ученаго бакалавра, а и лицо начальствующее,—человѣка, который имѣетъ извѣстную, но несомнѣнную долю силы и вліянія на дѣла, голосъ котораго теперь болѣе прежняго слышенъ вездѣ, гдѣ бы онъ ни раздавался по праву, ему принадлежащему, наконецъ—человѣка, на котораго взоры однихъ обращены какъ на главу, представителя и руководителя управляемаго имъ заведенія, а взоры другихъ,—какъ на начальника, верховнаго учителя и образецъ для подражанія (учащееся поколѣніе). Кромѣ того, съ вступленіемъ Филарета въ должность ректора высшаго духовно-учебнаго заведенія, кругъ его дѣятельности и отношеній, какъ само собою понятно, дѣлается несравненно болѣе прежняго обширнымъ и разнообразнымъ. Отсюда—поразительная многообъемлемость и изумительное разнообразіе содержанія его устной и письменной рѣчи,—со включеніемъ опять, конечно, и проповѣди,—за все время ректорства его, начиная съ 1812 г. и кончая первою половиною 1819 года. Къ тому же и время ректорства Филарета совпало съ періодомъ жизни нашей Церкви и отечества, наиболѣе чреватымъ событіями, имѣвшими значеніе не для одной только Россіи, но и для цѣлой Европы. И внутри и внѣ Россіи совершались въ то время событія, которыя не могли и не должны были быть чуждыми для ума и сердца всякаго истиннаго сына Церкви и отечества, не говоря уже о представителѣ и руководителѣ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, — о воспитателѣ самыхъ сыновъ Церкви и отечества, какимъ былъ Филаретъ, самъ отъ дней дѣтства своего воспріявшій въ сердцѣ горячую любовь къ Церкви и отечеству и на 24 году возраста своего громогласно, съ церковной кафедры, во всеуслышаніе, взывавшій: „о, да не осуществится вѣчно начертаніе сіе ¹⁾ въ тебѣ, любезное

¹⁾ О разрушеніи, гибели общества и государства въ слѣдствіе утраты вѣры, религіозныхъ началъ.

Отечество! Да царствуетъ въ тебѣ всегда вѣра: сіе едино есть на потребу для продолженія того благоденствія, которымъ ты наслаждаешься подъ скипетромъ Благочестивѣйшаго Монарха“¹⁾. Все это также опять и невольно и преднамѣренно, такъ или иначе, выражалось въ устной и письменной рѣчи Филарета за рассматриваемый періодъ вообще и въ частности — въ проповѣди его.

Уже съ поворотомъ общественнаго мнѣнія въ Россіи, совершавшимся съ конца 1811 г. и завершившимся великимъ подъемомъ народнаго духа и другими предварявшими войну 1812 года событіями въ Россіи, мало-по-малу тускнѣло и исчезало обаяніе лицъ высшаго гражданскаго и церковнаго управленія, считавшихся дотолѣ, благодаря либеральному образу мыслей и направленію дѣятельности своей, передовыми. 29 марта 1812 года палъ знаменитый государственный дѣятель и могущественный дотолѣ распорядитель судебъ Россіи, государственный секретарь М. М. Сперанскій, съ именемъ котораго связывалось переустройство Россіи на ненавистный теперь французскій ладъ. А вліяніе Сперанскаго, какъ намъ уже извѣстно, простиралось на область не только гражданскаго, но и церковнаго устройства Россіи въ то время. Онъ, вмѣстѣ съ Теофилактомъ, составилъ проектъ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, утвержденный Государемъ въ 1808 г.; онъ былъ вліятельнѣйшимъ членомъ имъ же организованной комисіи духовныхъ училищъ и т. д. Съ паденіемъ Сперанскаго рухнула главная опора одинаково съ нимъ настроеннаго и покровительствуемаго имъ Теофилакта²⁾. А отъ этого понятно, много легче стало на душѣ и у митрополита Амвросія и у Филарета. Вмѣстѣ съ подъемомъ патріотическаго духа воспрянулъ и ихъ духъ. Иначе первый не рѣшился бы ни слѣдовать указанію Филарета на 20-е правило VI вселенскаго собора для прекращенія либеральныхъ проповѣдей Теофилакта въ Петербургѣ, ни поощрять Филарета къ борьбѣ съ Теофилактомъ по дѣлу объ „Эстетическихъ разсужденіяхъ

¹⁾ Слово на 12 января 1806 года. Стр. 121 т. I сочиненій Филарета, изд. 1878 г.

²⁾ О покровительствѣ Сперанскаго Теофилакту см. „Воспоминанія Филарета“ въ „Правосл. Обозр.“ за 1868 г. т. 26, стр. 512—515.

Ансильона“. Да и тонъ рѣчи Филарета о Теофилактѣ теперь перемѣнился. Въ 1811 году онъ съ заботливостію и любезною предупредительностію отзывается на покровительственное заявленіе Теофилакта, что онъ, Теофилактъ, „въ проѣздъ чрезъ Коломну для посѣщенія своей епархіи, *назовется*“ къ отцу Филарета „*въ гости*“; пишетъ по этому случаю къ отцу своему: „я прошу Васъ предварить сей вызовъ просьбою. Думаю, что къ сему представится Вамъ хорошій случай, когда сей гость будетъ въ соборѣ, гдѣ, какъ мнѣ кажется, не неприлично будетъ встрѣтить его въ облаченіи съ крестомъ“ и пр.; или: „поспѣшите предстать сему знаменитому святителю и благодѣтелю (!) Вашего сына“ ¹⁾ и т. д. Онъ заботливо спрашиваетъ родителя о послѣдствіяхъ этого посѣщенія, пишетъ къ нему отъ 11 іюля того же 1811 года: „давно жду отъ Васъ увѣдомленія, какъ посѣтилъ Васъ преосвященнѣйшій Рязанскій. Покорнѣйше прошу не умедлнить“ ²⁾. Онъ „благодаритъ преосвященнѣйшаго Теофилакта за благоволеніе, которое оказалъ опъ“ его отцу „своимъ посѣщеніемъ“ послѣдпяго ³⁾. Другой тонъ звучитъ въ рѣчи Филарета о Теофилактѣ за послѣднюю половину 1812 и за 1813 годъ. Даже когда еще не кончено было дѣло объ „Эстетическихъ разсужденіяхъ Ансильона“, но когда всеѣмъ понятно было, что въ отношеніи къ Теофилакту вѣтеръ подулъ, какъ говорится, уже съ другой стороны, Филаретъ не безъ пропіи пишетъ родителю: „преосвященнѣйшій Рязанскій, по Высочайшей волѣ, отправляется для возстановленія устройства въ разоренныхъ злодѣемъ ⁴⁾ епархіяхъ, кромѣ Московской“. И это пишетъ онъ черезъ нѣсколько строкъ (того же письма) послѣ сообщенія о себѣ, что онъ не задолго передъ тѣмъ, бывъ у князя А. Н. Голицына, совершивъ литургію въ его домовоі церкви и повторивъ при семъ, по желанію Высочайшей особы, тамъ

¹⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 147—149. Письма писаны въ маѣ и іюлѣ 1811 года.

²⁾ Тамъ же, стр. 151.

³⁾ Тамъ же, стр. 152. Письмо отъ 14 окт. 1811 г.

⁴⁾ Разумѣется Наполеовъ. Письмо писано отъ 2 декабря 1812 года, по безславномъ удавленіи французовъ изъ Москвы.

присутствовавшей, свою „бесѣду о молитвѣ Господней“ ¹⁾, „слышалъ такія слова кротости, которыя растопляли его, какъ воскъ; такія слова благочестія, которыя воспламеняли“ его. Но я боюсь,—добавляетъ онъ при этомъ,—чтобы не впасть въ тщеславіе тогда, какъ желаю изъяснить мое удивленіе и благоговѣніе. Не знаю, что хочетъ Богъ сдѣлать со мною моимъ излишнимъ счастіемъ. Чувствую только, что вмѣстѣ съ нимъ болѣе и болѣе тяготѣетъ на мнѣ бремя обязанностей. Но да будетъ не по моей волѣ!“ ²⁾. А сообщеніе свое объ извѣстныхъ уже намъ послѣдствіяхъ дѣла объ „эстетическихъ разсужденіяхъ Ансильона“ Филаретъ уже безъ обиняковъ заключаетъ словами: „желательно, чтобы разность мнѣній, открывшаяся въ духовенствѣ, во всякомъ случаѣ соблазнительная, сокрылась изъ виду множества. Что принадлежитъ до насъ обитателей Лавры, мы единымъ сердцемъ и едиными устами, елико можемъ, проповѣдуемъ Христа распята, лже-эстетикамъ соблазнъ и лже-философамъ безуміе. Да будетъ онъ намъ недостойнымъ Божія сила и Божія премудрость!“ ³⁾. И черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія этого дѣла, именно въ мартѣ 1814 года, Филаретъ съ нѣкоторою долей самодовольства замѣчаетъ въ письмѣ къ родителю, что за свои „Примѣчанія“ на „Эстетическія разсужденія Ансильона“ онъ „получилъ благословенія отъ такихъ преосвященныхъ, которыхъ едва зналъ имя, и которымъ еще менѣе былъ извѣстенъ“ ⁴⁾. Затѣмъ, если прежде Филаретъ представлялъ себѣ комиссію духовныхъ училищъ учрежденіемъ недосыгаемымъ для себя, безусловно распорядительницею судьбы такихъ маленькихъ лицъ духовно-учебнаго вѣдомства, какимъ былъ доселѣ Филаретъ: то теперь онъ самъ приглашается къ участию въ ея засѣданіяхъ, а съ 30 августа 1814 года „по Именному Высочайшему указу назначается и постояннымъ членомъ“ ея ⁵⁾. Такъ уже отъ 29 апрѣля 1814 года онъ пишетъ родителю своему: „дѣла истинно полны руки: особенно нынѣ, когда курсъ нашъ окан-

¹⁾ См. ее на стр. 21 и дал. I тома сочиненій Филарета, изд. 1873 года.

²⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 167.

³⁾ Тамъ же, стр. 181—182.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 184.

⁵⁾ См. послужной списокъ Филарета.

чивается, и пересматриваются прежнія распоряженія ¹⁾. Пишу предположенія о исправленіяхъ. Одна такая записка на десяти листахъ вчера слушана уже въ комисіи Д. У. въ экстраординарномъ собраніи, въ которому, кромѣ преосвященнѣйшаго Митскаго ²⁾, и я приглашенъ временно. Она принята благосклонно. А сіе обязываетъ меня не терять случая, и болѣе и болѣе писать, что разумѣю и нахожу полезнымъ. Не забывайте испрашивать мнѣ отъ Господа благодать разумѣнія и служенія ближнимъ во благое ³⁾. Отъ 31 августа того же года ему же: „поблагодарите Бога, Который длить Ваше благословеніе на Вашемъ недостойномъ сыщѣ. Въ то же время, какъ данъ рескриптъ, по представленію К. Д. У. назначенъ пенсіонъ 1,500 р., то-есть, обращенъ въ пенсіонъ окладъ профессорскій. Осчастливленный сими событіями не столько радуется, сколько удивляется, вспоминая, съ какою опасностію и ненадежностію вступилъ въ дѣло, толь благополучно ныщѣ окончено. Опъ успокоивается также отъ заботливости о слабомъ своемъ здоровьѣ, видя, что, на случай утомленія, приготовленъ уже кусокъ хлѣба. Слава Богу о всемъ: Да дастъ Опъ заслужить сверхъ заслуги полученное, и оправдать желанія и милости Благословеннаго изъ благословенныхъ!—Участіе въ дѣлахъ К. Д. У. едва ли не продолжится“ ⁴⁾.

Знаменателенъ также, въ видахъ характеристики Филарета съ разсматриваемой стороны, и самый Высочайшій рескриптъ, о которомъ упомянуть опъ въ своемъ письмѣ къ родителю. Вотъ текстъ этого рескрипта: „Отецъ архимандритъ Филаретъ, Санктпетербургской духовной академіи ректоръ! Донесеніе объ успѣшномъ окончаніи перваго академическаго курса обратило Мое вниманіе на отличные труды ваши и способность къ образованію юношества. Начальство отдаетъ вамъ справедливость, вѣряя опытности вашей успѣхъ вто-

¹⁾ Разумѣется сокращеніе академическаго курса съ 6-лѣтняго до 4-лѣтняго. Не забудемъ при этомъ, что прежнія распоряженія сдѣланы были согласно планамъ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, составленнымъ Сперанскимъ и Феофиластомъ.

²⁾ Серафима Глаголевскаго.

³⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 186.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 189.

раго курса. Богъ да подкрѣпитъ силы ваши къ препесенію трудовъ на новомъ поприщѣ! По благимъ расположеніямъ души вашей, надѣюсь, что питомцы, призванные на служеніе Церкви, научатся отъ васъ ходить въ заповѣдяхъ Божіихъ, и просвѣтятся внутренно истиннымъ свѣтомъ Евангельскаго ученія. Прѣбываю вамъ благосклонный¹⁾. Подобный же рескриптъ Филаретъ получаетъ въ 1816 году при награжденіи панагіею²⁾, и еще болѣе лестный—въ 1818 году, когда Филаретъ былъ уже въ санѣ епископа (съ 5 августа 1817 года), при награжденіи орденомъ св. Анны 1-й степени³⁾. Но что же и при этихъ наградахъ и выраженіяхъ монаршаго благоволенія Филаретъ? При пожалованіи первой награды онъ пишетъ своей родительницѣ (по смерти родителя): „изъ прилагаемаго списка съ рескрипта видите, что еще Богъ меня милуетъ и Государь жалуетъ. Помолитесь со мною, чтобы Богъ воздалъ всемилостивому Государю своими небесными милостями, а меня сподобилъ бы достойно носить милости, вѣрностію и успѣшностію моего служенія“⁴⁾. По полученіи второй награды ей же пишетъ: „за сорадованіе о царской ко мнѣ милости приношу сыновнюю благодарность. Въ какомъ смыслѣ награда, скажетъ прилагаемый при семъ списокъ съ грамоты. Имѣвъ случай, я говорилъ предварительно, что доволепъ выше мѣры и прежними наградами: но, можетъ быть, думали, что сей знакъ отличія имѣють большая часть епископовъ, а другія возможныя по моему состоянію награды я уже имѣю“⁵⁾. Такъ скромепъ онъ былъ и при такомъ возвышеніи, при такихъ милостяхъ царскихъ, которыхъ никто изъ его современниковъ и въ его лѣта не удостоивался. Онъ съ увѣренностію говоритъ, что его голоса, его ходатайства послушаютъ не только завѣдующіе другими учебными заведеніями въ равномъ ему санѣ архимандритовъ, но и архіереи. Такъ напримѣръ пишетъ онъ относительно ректора Московской, то есть Церервинской семинаріи, архимандрита Евгенія

¹⁾ Тамъ же, стр. 190.

²⁾ Тамъ же, стр. 209.

³⁾ Тамъ же, стр. 230.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 208.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 229.

(Казанцева) въ 1814 году ¹⁾, относительно ректора Московской духовной академіи, архимандрита Филарета (Амфитеатрова) въ 1815 году ²⁾, относительно архіепископа Московскаго Августина (Виноградскаго) ³⁾, викарія Московской митрополіи епископа Лаврентія ⁴⁾, митрополита Московскаго Серафима ⁵⁾ и друг. Но въ то же время вотъ, напримѣръ, его выраженія о себѣ самомъ, относящіяся къ началу 1815 г., когда его слава была уже слишкомъ хорошо упрочена: „не изъ тщеславія какимъ-нибудь гнилымъ орудіемъ, каковъ ректоръ академіи, но съ благодареніемъ одному Богу, сказать могу, что имя нашего мѣста не хулится нынѣ, и нашею дорогою идти не стыдно. Такъ Богъ расположилъ и сердца мпोगныхъ высшихъ“ ⁶⁾. Да и изъ предшествующаго не менѣе сего можно видѣть, что при всемъ невольномъ признаніи выскоты своего положенія, у Филарета всюду проглядываетъ по отношенію собственно къ личности своей глубочайшее смиреніе, вполне свойственное строгому иноку, какимъ онъ былъ по истинѣ. Какъ выражался соотвѣтствующій положенію Филарета тонъ рѣчи его за разсматриваемый періодъ именно въ проповѣди, это лучше всего будетъ видно послѣ, при разсмотрѣніи самыхъ проповѣдей Филарета. Теперь же мы сдѣлаемъ общую характеристику этого тона словами человека, который былъ въ то время (въ 1814—1815 гг.) ученикомъ и слушателемъ Филарета въ качествѣ студента академіи, чтобы перейти къ дальнѣйшему въ своей исторической характеристикѣ. Мы имѣемъ въ виду слова извѣстнаго архимандрита Фотія (въ мѣрѣ Петра Спасскаго), который въ своей автобіографіи о Филаретѣ именно говоритъ между прочимъ, что его „рѣчь“ была „важная“ ⁷⁾, что онъ „говорилъ остро, вы-

¹⁾ Тамъ же, стр. 190.

²⁾ Тамъ же, стр. 197; срав. также 205, 228 и др.

³⁾ Тамъ же, стр. 188; 203 и др.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 233.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 194. Слова эти сказаны по поводу нѣкотораго пренебреженія къ духовной академіи и ректору ея—Филарету, обнаруженнаго однимъ знакомымъ его роднымъ.

⁷⁾ Такъ въ печатномъ изданіи записокъ (автобіографіи) Фотія (см. Чтенія въ Общ. люб. дух. пресв. за 1868 г. кн. IV, стр. 106 матеріаловъ для біографіи Филарета). Въ двухъ же экземплярахъ рукописныхъ, хранящихся въ бібліотекѣ

соко, премудро, но все болѣе къ уму, менѣе же къ сердцу. Свободно дѣлалъ изъясненіе священнаго писанія, какъ бы все шло изъ устъ его; привлекалъ такъ учениковъ къ слушанію себя, что когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое усердіе слушать его еще болѣе, безъ ястія и питія: оставлялъ онъ сильныя впечатлѣнія въ умы отъ ученій своихъ. Всѣмъ казалось истинно, пріятно, совершенно его ученіе“ ¹⁾. И еще: „сила, красота, достоинство и слава духовной академіи были одинъ Филаретъ“ ²⁾.

Кругъ дѣятельности и отношеній Филарета за время его ректорства былъ такъ обширенъ, разнообразіе этой дѣятельности и этихъ отношеній такъ изумительно, что недоумѣваешь, какъ на все это хватало такого тщедушнаго физически человѣка, какимъ былъ Филаретъ. По истинѣ *сила Божія въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Чтобы яснѣе разсмотрѣть эту дѣятельность и эти отношенія, мы расположимъ ихъ на извѣстныя группы, и прежде всего разсмотримъ его дѣятельность по академіи, вѣрвеной его управленію. Эта дѣятельность его была ученая, учебная, воспитательная, административная и хозяйственная. Мы помнимъ, что первоначальными предметами ученыхъ занятій Филарета въ академіи были: истолковательное богословіе (герменевтика) и церковная исторія съ церковными древностями. И между тѣмъ какъ первымъ предметомъ онъ занимался и читалъ его студентамъ во все время своего ректорства, другой предметъ онъ закончилъ чтеніемъ въ 1811—1812 учебномъ году, а съ 1812 года предметъ этотъ продолжилъ чтеніемъ въ академіи другъ и сотрудникъ Филарета Иннокентій (Смирновъ), вызванный въ началѣ 1812 года также изъ Троицкой Лаврской семинаріи ³⁾. Въ 1812—1813 учебномъ году мы видимъ ректо-

Моск. дух. академіи, вмѣсто того читаемъ: „рѣчь вѣстная“. Впрочемъ въ одномъ изъ этихъ экземпляровъ очевидно является поправка слова: „важная“, на слово: „вѣстная“. При этомъ считаемъ нужнымъ отмѣтить, что рукописные экземпляры эти, правленные рукою самого Фотія, поступили въ библіотеку академическую по смерти извѣстной почитательницы Фотія, графини А. А. Орловой-Чесменской.

¹⁾ Чтенія въ Общ.люб. дух. просв. цѣтов. мѣсто; рукоп. л. 48; другіе экземпляры л. 61.

²⁾ Чтенія, цит. см. стр. 107. Срав. 1 экз. рукоп. л. 54 и 2 экз. л. 71.

³⁾ Срав. письма Филарета къ роднымъ, стр. 157 и 163; также *Чистовича* цит. соч. стр. 211.

ра Филарета преподающимъ, кромѣ истолковательнаго богословія, еще каноническое право ¹⁾; но въ слѣдующіе годы, за множествомъ учебныхъ, административныхъ и другихъ заботъ, Филаретъ остался лишь при занятіяхъ богословіемъ истолковательнымъ. И такъ какъ Филаретъ не умѣлъ и не могъ, какъ всегда, относиться къ дѣлу слегка, относился къ нему серьезно: то занятія его означенными предметами не могли быть и не были безплодны. Плодами этихъ учебныхъ занятій Филарета были слѣдующіе ученые труды его, доставившіе ему, не учившемуся въ высшемъ учебномъ заведеніи, въ 1814 году ученую степень доктора богословія, и доселѣ не теряющіе своего научнаго значенія: 1) *Introductiones, in singulos libros Veteris Testamenti, in supplementum libri classici conscriptae* ²⁾, впервые напечатанныя въ русскомъ переводѣ въ Читеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія за 1871—1872 гг.; 2) „Записки на книгу Бытія“, изданныя отдѣльною книгою въ 1816, 1819, 1835 и 1867 гг., преподаанныя же въ 1811 и слѣдующихъ годахъ, какъ практическое приложеніе теоріи истолковательнаго богословія или герменевтики ³⁾; 3) „Опытъ истолкованія псалма LXVII“, какъ труднѣйшаго изъ псалмовъ, въ тѣхъ же цѣляхъ, какъ и записки на кн. Бытія, преподаанный студентамъ академіи ⁴⁾ и напечатанный сначала въ 1814, а затѣмъ въ 1869 г. въ „Православномъ“ Обозрѣніи; 4) „Начертаніе церковно-библейской исторіи“, изданное съ 1816 г. не разъ отдѣльною книгою, и оканчивающееся временами библейскими, тогда какъ времена послѣ-библейскія обнимаетъ собою трудъ друга Филаретова, — Иннокентія (Смирнова), и т. д. Но кромѣ учебныхъ трудовъ, по занимаемымъ въ академіи кафедрамъ, Филаретъ совершалъ и другія ученые и литературныя работы, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Учебная дѣятельность Филарета по академіи не ограничивалась однимъ лишь непосредственнымъ наблюденіемъ за ходомъ преподаванія и усвоенія студентами наукъ, но и направлені-

¹⁾ Чистовича, стр. 191.

²⁾ Чистовича, стр. 191.

³⁾ Тамъ же, стр. 190.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 191

емъ этого преподаванія, энергическимъ стремленіемъ къ возможному усовершенствованію его. Чтобы видѣть всю широту взгляда его на это дѣло, достаточно прочесть составленное имъ въ 1814 году „Обозрѣніе богословскихъ наукъ въ отношеніи къ преподаванію ихъ въ высшихъ духовныхъ училищахъ“,—напечатанное въ томъ же году по опредѣленію Комисіи духовныхъ училищъ ¹⁾ и затѣмъ перепечатанное въ 1872 году въ Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. Еще раньше того, именно въ началѣ 1814 года, какъ мы уже знаемъ, Филаретъ составилъ и другія предположенія по учебной части въ измѣненіе и усовершеніе прежнихъ распоряженій по той-же части ²⁾.

Воспитательная дѣятельность Филарета по академіи была такъ же неусынна, какъ и другія стороны той же дѣятельности его, тѣмъ болѣе, что и здѣсь Филаретъ относился къ дѣлу искренно, серьезно, а не формально только. Съ этой стороны характеристиченъ отзывъ о Филаретѣ одного изъ бывшихъ воспитанниковъ его, извѣстнаго намъ архимандрита Фотія Спасскаго, который въ своихъ автобіографическихъ запискахъ говоритъ о себѣ, между прочимъ, что онъ „неизвѣстно отъ кого слышалъ, что Филаретъ сострадательнъ, милостивъ весьма, и его знаетъ; помысль ему и припелъ тогда: пойду я и буду его просить, дабы въ домъ отца отпустилъ меня лечиться. По сему случаю пришедъ, видѣлъ наединѣ Филарета къ себѣ сострадательность и милость. Идя же къ Филарету, призвалъ Господа въ помощь, сталъ у дверей въ прихожей комнатѣ его. По докладу вскорѣ, какъ вышелъ къ нему Филаретъ, вотъ видъ лица его былъ яко Ангела Божія; онъ сожалѣлъ о его болѣзни, взявъ на себя попеченіе искать средство къ его облегченію“. И далѣе, рассказавъ подробно о сострадательности къ нему Филарета въ его болѣзни и объ обстоятельствахъ облегченія своего отъ нея, „вину“ котораго онъ видѣлъ въ Филаретѣ, Фотій (въ мірѣ Петръ Спасскій) дѣлаеть общее, отчасти выше приведенное, заключеніе о воспитательной

¹⁾ См. *Чистовича*, стр. 271—272. Срав. письма Филарета въ роднымъ, стр. 191.

²⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 186; срав. *Чистовича*, цит. соч. стр. 226 и дал.

дѣятельности Филарета въ академіи: „сила, красота, достоинства и слава духовной академіи были одинъ Филаретъ. Петръ— студентъ его любилъ и думалъ, что во всю жизнь свою не обрящетъ себѣ другаго по сердцу болѣе. Ученики академіи, особенно же поступившіе изъ С.-Петербургской семинаріи, самые скаредные слухи разсѣвали о немъ. Больно было даже слушать ихъ. Скорбѣлъ Петръ, а пособить не могъ. Строгое его смотрѣніе, взысканіе обращали въ злое намѣреніе, приписывали его злобѣ, и любовь къ нему не многіе имѣли.... Ученики были достойны въ академіи; клевета ученическая не была дѣйствительна предъ лицомъ начальниковъ и учителей; успѣхи достойно были награждаемы похвалами; распоряженіе по отдѣленіямъ учениковъ было справедливо. Тщаніе учителей въ преподаваніи было примѣрное; всѣ были съ достаточными свѣдѣніями, и всякъ по своей части особенно. Зло все происходило въ порчѣ нравовъ у многихъ учениковъ: 1) что дозволено было ходить въ театръ и частно въ городъ преподавать ученіе въ домахъ другимъ дѣтямъ. Нѣкоторые, побывъ въ театрѣ, съ восхищеніемъ разсказывали видѣнное все на прелесть. Отъ имени Филарета позволеніе сказывали иные ходить въ театръ для навыка свободному произношенію и дѣйствию. Все усиленно иные влекли Петра въ театръ, но онъ говорилъ: не вѣрю, что Филаретъ благоволитъ кому-либо быть въ театрѣ, и совѣтуетъ отъ демоновъ театральныхъ во плоти имѣть пользование, не вѣрю. 2) Въ академіи было позволяемо читать вновь вышедшія сочиненія, какъ-то: Штиллинга, Экартегаузена и прочія романтическія и вольномысленныя сочиненія. А посему нѣкоторые, будучи вещью растлѣнные во нравахъ, читая повѣствовали такія скаредности по вечерамъ, что внушаемое ядовитое свѣдѣніе мерзостей скорбно было слышать... Пороки великіе были такъ, что иные въ скаредныя болѣзни впадали. За что Филаретъ, хотя по ученію лучшихъ бывшихъ, но изгналъ изъ академіи на всегда. 3) Въ ученикахъ академіи не было одинаго духа Христова, одинаго ума, одинаго ученія и единныя вѣры. При случаяхъ было явно все оказываемо. Выходили споры о тысяцелѣтнемъ царствованіи на земли Христа, о вѣчности мученія и о другихъ вещахъ духовныхъ; нѣкоторые любили уклоненіе отъ Св. Писанія, а другіе

тайственность вездѣ находить. Святыхъ Отцевъ не давали читать изъ академической библіотеки, ибо никто совѣта не подавалъ и примѣра. Толковники на Св. Писаніе были рекомендованы и выдаваемы нѣмецкіе и прочіе иновѣрные, болѣе ко вреду, нежели на все полезныя. Все-ли извѣстно было Филарету, не вѣдаю. Во все время слушанія его чтеній, ученій, никогда не замѣтилъ Петръ—студентъ, а послѣ учитель бывшій ¹⁾ и не могъ замѣтить даже единой тѣни противу ученія Церкви, ни въ классахъ въ академіи, ни частно. Не слышалъ отъ устъ его даже частно внушенія противу церковнаго ученія и Св. Отецъ“. Вообще періодъ воспитанія своего въ академіи (1814—1815) Фотій называетъ временемъ пребыванія или „житія подъ тонкимъ взоромъ архимандрита Филарета“. ²⁾ Изъ этихъ, по мѣстамъ, уродливыхъ, иногда грубо-противорѣчивыхъ, но въ общемъ довольно искреннихъ сообщеній о характерѣ воспитательной дѣятельности и отношеній Филарета по академіи ясно однакоже можно видѣть, что эта дѣятельность и эти отношенія были благостны, зорки, строги, но всегда направлены къ доброй цѣли и вмѣстѣ непринуждены: Филаретъ имѣлъ дѣло не съ 10—14 лѣтними мальчиками, а съ 20—40 лѣтними ³⁾. Дай Богъ, чтобы по больше было такихъ пачальниковъ!

Административная дѣятельность Филарета по академіи была не менѣе неусыпна. Не говоря уже о сношеніяхъ съ лицами и учрежденіями, высшими и низшими, о редакціи бумагъ по этимъ сношеніямъ и другихъ подобныхъ, самая распорядительность его въ отношеніи къ внутреннему быту академіи была всегда и неусыпно-дѣятельна и высоко-разумна. Такъ напримѣръ, въ самый первый годъ его ректорства, въ годъ знаменательный для Россіи войною съ непріателемъ сильнымъ и до нашествія на Россію побѣдоноснымъ, когда вся Россія трепетала отъ его нашествія, и въ Петербургѣ сильно беспокоились за безопасность жизни, имущества гражданъ и пр., вотъ какъ

¹⁾ По выходѣ изъ академіи въ 1815 году по случаю болѣзни, Петръ Свасскій 1815—1817 годы провелъ въ должности учителя Александро-Невскаго училища.

²⁾ См. цитов. экземпляръ рукописныхъ записокъ Фотія, хранящихся въ библіотекѣ Моск. дух. академіи, ч. 1, л. 54—56.

³⁾ См. тамъ-же, л. 47.

поступлено было въ духовной академіи по его распоряженію: „малодушествовали нѣсколько и наши воспитанники, пишетъ самъ ректоръ академіи своему родителю отъ 2 декабря 1812 года, — однако мы, взявъ нѣкоторыя на случай несчастія предосторожности, остались на мѣстѣ. Ни одна книга наша не была въ походѣ, между тѣмъ какъ нѣкоторые архивы странствовали, поѣдали деньги и сами погибали“ ¹⁾. А что касается до упомянутыхъ выше сношеній съ лицами и учрежденіями и пр., то вотъ слова письма самого-же Филарета къ дѣду отъ 13 февраля 1815 года: „простите, что рѣдко къ вамъ пишу, и даже поздно отвѣтствую. Разныя суеты такъ обременяютъ, и между прочимъ самая переписка такъ обширна, что иногда лежитъ вдругъ до 50 писемъ безъ отвѣта, изъ коихъ многія заключаютъ въ себѣ нужды и дѣла“ ²⁾. Или, отъ 6 апрѣля того-же года—родителю: „признаюсь, что пишу къ вамъ рѣдко: но что дѣлать? Никакъ не успѣваю исполнять столько, сколько бы нужно и желательно было. Надѣялся хотя въ первую треть сего года быть свободнѣе (свободою я называю то, когда имѣю одно дѣло, а не три или пять вдругъ): но и въ томъ обманулся и пр.“ ³⁾. Вообще у него всегда было „дѣла много и домашняго и чужаго“ ⁴⁾, по административной части. По хозяйственной части, кромѣ постояннаго надзора за академическою экономіею, участія въ дѣлахъ правленія по этой части и пр., на Филарета возлагались и особые труды. Такъ въ 1817 году „особенную заботу“ для Филарета составляло „строепіе для академіи большаго дома“ ⁵⁾. А чтобы видѣть, какъ относился и къ этому, чуждому, повидимому, для ученаго монаха и проповѣдника дѣлу Филаретъ, достаточно прочитатъ слѣдующія строки письма его къ родительницѣ отъ 24 сентября 1817 года, когда онъ былъ уже епископомъ-викаріемъ, чрезъ что заботы его еще умножились: „слава Богу, что наше строеніе, зданіе въ четыре этажа, на 45 саженьяхъ по прямой линіи, съ поворотами и дворовымъ строеніемъ, съ небольшимъ

¹⁾ Письма Филарета къ роднымъ. стр. 166.

²⁾ Тамъ-же, стр. 194—195.

³⁾ Тамъ-же. стр. 196.

⁴⁾ Тамъ-же. стр. 189. Письма отъ 31 августа 1814 г.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 217.

въ три мѣсяца отъ закладки, почти уже и покрыто. Большое время съ плечъ, хотя еще много будетъ дѣла со счетами и отдѣлкою. Слава Богу, что и здоровье мое отъ сего рабочаго лѣта не хуже прежняго, или можетъ быть и лучше, потому что строенье заставило меня много быть на воздухѣ и въ движеніи¹⁾).

Но кромѣ дѣятельности и отношеній по академіи, Филаретъ обнаруживалъ изумительную дѣятельность, входилъ въ разнообразнѣйшія отношенія съ лицами и учрежденіями внѣ академіи, по порученію-ли то и по просьбѣ лицъ власть имѣющихъ и въ какомъ-бы то ни было отношеніи почтенныхъ, или по собственному побужденію и по сознанию нравственнаго долга своего. Изъ чертъ этого рода дѣятельности и отношеній Филарета мы возьмемъ лишь болѣе выдающіяся и болѣе важныя для характеристики его дѣятельности проповѣднической собственности, и будемъ разсматривать ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. На первомъ планѣ при этомъ разсмотрѣніи должны быть поставлены отношенія Филарета къ его роднымъ и дѣятельная его переписка съ ними, не прекращавшаяся во весь петербургскій періодъ его дѣятельности, не смотря на то, что онъ еще до прибытія въ Петербургъ, какъ мы знаемъ, отрекся отъ міра. Это отреченіе отъ міра однако-же не уничтожало въ немъ сознанія своего нравственнаго долга передъ тѣми, которые дали ему жизнь и первоначальное воспитаніе. „Батюшка!—писать онъ, какъ мы уже отчасти знаемъ, къ своему отцу предъ постриженіемъ въ монашество,—Василья скоро не будетъ; по вы не лишитесь сына,—сына, который понимаетъ, что вамъ обязанъ болѣе, нежели жизнию, чувствуетъ важность воспитанія и знаетъ цѣну вашего сердца“²⁾). Въ перепискѣ съ родителями и родными видится вся чистая, какъ зеркало, жизнь Филарета, всѣ движенія души его, и пр. Въ письмахъ-же къ роднымъ онъ откровенно сообщаетъ о всѣхъ бывшихъ съ нимъ переменнахъ по службѣ, о своихъ неудачахъ и успѣхахъ, объ отношеніяхъ къ начальству и разнымъ лицамъ, о современныхъ событіяхъ и т. д. Не упускаетъ онъ случая при этомъ упомя-

¹⁾ Тамъ-же стр. 218—219.

²⁾ Тамъ-же стр. 106.

нуть и о каждой проповѣди, произнесенной имъ гдѣ-бы то ни было, о впечатлѣніи, произведенномъ ею на слушателей, о послѣдствіяхъ этого впечатлѣнія и пр.,—какъ-то отчасти мы уже и видѣли изъ предшествующаго. Онъ съ горячею любовію заботится объ устройствѣ положенія родныхъ, переписываясь по этому случаю и съ выкариемъ, а затѣмъ архіепископомъ Московскимъ Августиномъ, и съ начальствомъ Троицкой Лаврской, Виоанской и Московской Церервинской семинаріи, а также—Московской духовной академіи, пользуясь покровительствомъ митрополита Амвросія и князя А. Н. Голлицына для этой-же цѣли и т. д. Особенно-же заботливо относится онъ къ этому послѣ смерти родителя, послѣдовавшей въ началѣ 1816 года. Онъ старается замѣнить для сиротствующаго семейства покойнаго родителя. И здѣсь-то въ особенности видѣнъ въ немъ человекъ, стоявшій на высотѣ своего призванія въ должности ректора академіи и въ исполненіи соединенныхъ съ этою должностію обязанностей. То, что одушевляло его самого въ его жизни и многообразной дѣятельности, изливается въ его письмахъ къ матери, брату и др. Вотъ для примѣра письмо его къ младшему брату Никитѣ Михайловичу, обучавшемуся въ Виоанской семинаріи, писанное вскорѣ послѣ смерти родителя, именно отъ 28 марта 1816 года: „Что ты начинаешь чувствовать утѣшеніе въ общей нашей печали, тѣмъ и я утѣшаюсь. Нельзя быть безъ печали: но предаваться ей не должно. Богъ есть Отецъ всѣхъ, имѣеть-ли кто, или не имѣеть отца на землѣ. У него всѣ живы. Чего недостаетъ тому для утѣшенія, кто имѣеть Отцемъ Бога? Надобно только, чтобы мы старались быть истинными Его дѣтьми, чрезъ вѣру въ Него, чрезъ упованіе на Него, чрезъ молитву къ Нему, и чрезъ исполненіе заповѣдей Его. Вотъ неисчерпаемый источникъ утѣшеній“ ¹⁾. Или вотъ еще письмо къ нему-же отъ 6 марта 1818 года: „Любезный братъ! нѣкоторыя прискорбныя вѣсти изъ нашего края, о которыхъ нѣтъ нужды распространяться, побуждаютъ меня сказать въ остереженіе твое нѣсколько словъ. Берегись, сколько можно, знакомства и сообщенія съ людьми, конхъ нравы сомнительны. Когда видишь худой примѣръ, не соблазняйся

¹⁾ Тамъ-же, стр. 207.

мыслию, что люди ненаказанно дѣлають зло; зло ненаказанное вскорѣ готовить большую бѣду тому, кто сдѣлалъ оное. Старайся исполнять свое дѣло тщательно и вѣрно, сколько можешь, и затѣмъ мѣру успѣха и благосостояніе свое поручай Богу, прибѣгая къ Нему часто тайною сердечвою молитвою, и Онъ сохранитъ тебя... *Храни незлобіе, и вездѣ правоту, яко есть остатокъ человеку миру*“ (Псал. 36, 37) ¹⁾.

При характеристикѣ дѣятельности Филарета по хозяйственной части въ академіи мы упомянули о дѣятельномъ участіи его въ построеніи новаго громаднаго зданія для академіи. Постройка была такъ велика, что по смѣтѣ на одно лѣто 1817 года для сего требовалась сумма въ 500,000 рублей ²⁾. Корыстолюбивый руководитель дѣла постройки извлекъ-бы хорошія матеріальныя для себя выгоды изъ него. Но что-же Филаретъ? Уже въ началѣ апрѣля 1816 года, когда онъ далеко не былъ новичкомъ въ ректорской должности вообще и въ частности по дѣлу хозяйственному, онъ пишетъ своей матери, выражавшей безпокойство за его матеріальное благосостояніе въ виду значительныхъ тратъ на родныхъ: „О мнѣ вы беспокоитесь напрасно. По долгу сыновнему я желаю служить вамъ и служу, чѣмъ могу. Меня сіе не разстроиваетъ: а беречь моему состоянію не прилично“ ³⁾. Филаретъ дѣятельно исполнялъ иноческій обѣтъ нестяжанія. Такъ, вскорѣ послѣ вышеозначенной постройки, именно 12 ноября 1817 года, онъ пишетъ родительницѣ своей: „Удивитесь, когда скажу, что я становясь богатѣе ⁴⁾, становлюсь и бѣднѣе. Въ сентябрѣ я имѣлъ на себѣ тысячу рублей долгу, чего прежде и въ опасеніи не имѣлъ. Теперь, благодареніе Богу, опять не нуждаюсь“ ⁵⁾. И отъ 1 апрѣля 1818 года ей же: „Посылаю вамъ триста рублей... Изъ нихъ сберегите, что нужно, на дорогу, есть-ли по лѣту вздумаете въ Москву: ибо не вслухъ скажу вамъ, что и я, можетъ быть, побываю въ Москвѣ; но тогда отъ моихъ дорожныхъ издержекъ

¹⁾ Тамъ-же, стр. 221--222.

²⁾ Тамъ-же, стр. 217.

³⁾ Тамъ-же, стр. 207.

⁴⁾ Съ марта 1816 года Филаретъ изъ настоятелей бѣднаго Юрьевскаго монастыря переименованъ былъ въ настоятеля болѣе богатаго Новоспасскаго монастыря.

⁵⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 220.

едва-ли останется, что для васъ; потому что, какъ вамъ извѣстно, я беречь не умѣю“ ¹⁾. Такимъ образомъ вообще то, что проповѣдывалъ Филаретъ, не было лишь однимъ словомъ, а и вытекало изъ живаго и жизненнаго убѣжденія въ проповѣдуемой истинѣ, изъ самой жизни проповѣдника.

Изъ прежнихъ личныхъ отношеній Филарета, какъ мы помнимъ, ранѣе всѣхъ установились у него добрыя отношенія къ митрополиту Амвросію. Черезъ Амвросія-же онъ познакомился и съ другими лицами, такое или иное имѣвшими отношеніе къ его проповѣднической дѣятельности, такъ или иначе вліявшими на развитіе и усовершенствованіе его проповѣдническаго таланта. Отношенія самого Амвросія къ Филарету, послѣ окончанія борьбы съ Теофилактомъ, какъ само собою понятно, могли быть только лучше, а никакъ не хуже. И это дѣйствительно такъ было. Амвросій еще болѣе прежняго приблизилъ къ себѣ Филарета, какъ мудраго совѣтника, какъ человѣка, на котораго можно было ему положиться, которому можно было довѣрить какое угодно серьезное и трудное дѣло. Такъ скончался 11 ноября 1812 года митрополитъ Платонъ, — митрополитъ Амвросій приглашаетъ Филарета для чтенія и обсужденія духовнаго завѣщанія Платона ²⁾. Въ половинѣ іюля 1814 года, когда торжествующій Императоръ Александръ, по возвращеніи изъ-за границы въ Петербургъ, вознамѣрился передать митрополиту Амвросію, при рескриптѣ, св. сосуды, митрополитъ, не зная того, что и этотъ рескриптъ писанъ былъ Филаретомъ, его-же, Филарета, „потомъ просилъ написать благодарственную рѣчь Императору по этому случаю“ ³⁾. Ему-же онъ дѣлалъ и другія болѣе или менѣе важныя порученія ⁴⁾. За то онъ-же, Амвросій, и былъ самымъ горячимъ ходатаемъ за Филарета въ награжденіи его. Такъ, по его именно настоянію въ 1813 году Филаретъ получилъ орденъ св. Владиміра 2-й, а не

¹⁾ Тамъ-же, стр. 223.

²⁾ Тамъ-же, стр. 167.

³⁾ Воспоминанія Филарета, въ „Прав. Обзор.“ за 1868 г. т. 26, стр. 519.

⁴⁾ См. напр. письма Филарета къ роднымъ, стр. 134. Также Зап. Фотія въ Чт. въ об. я. д. проsv. за 1868 г. кн. IV, стр. 103 и дал. матеріаловъ для біографіи Филарета и др.

3-й степени ¹⁾. По его-же представлению въ 1817 году Филаретъ, не имѣя еще и 35-ти лѣтъ отъ роду, возведенъ былъ въ санъ епископскій ²⁾, и т. д. Объ Амвросіѣ Филаретъ и послѣ всегда говорилъ не иначе, какъ о благодѣтелѣ своемъ ³⁾, подобно какъ о Платонѣ. Установившіяся, при помощи Амвросія, еще въ 1810 году отношенія Филарета къ князю А. Н. Голицыну продолжались въ своемъ добромъ направленіи и во время ректорства Филарета, какъ то мы отчасти видѣли уже изъ предшествующаго. Въ 1812 году осенью, во время нашествія французовъ на Россію, князь Голицынъ устроилъ въ своемъ домѣ церковь, которую освятилъ Филаретъ и въ которой онъ съ тѣхъ поръ многократно проповѣдывалъ, и при томъ иногда въ присутствіи Высочайшихъ особъ и по большей части въ присутствіи лицъ высшаго круга обоего пола, чрезъ что еще болѣе расширялся кругъ знакомства и отношеній Филарета. Въ теченіи 1812 и 1814 годовъ Филаретъ произнесъ въ этой церкви 6 проповѣдей и одну изъ нихъ повторилъ въ присутствіи Высочайшей особы, по просьбѣ храмоздателя и по желанію этой особы ⁴⁾. Въ память освященія храма въ домѣ князя Голицына Филаретъ получилъ „красивый золотой крестъ наперсный отъ усерднаго храмоздателя“ ⁵⁾. Но не только проповѣдничествомъ, а и другими разнообразными трудами осложнялся для Филарета отношенія его къ князю Голицыну. Такъ, едва лишь изгнанъ былъ непріятель изъ предѣловъ Россіи въ 1812 году и по сему случаю возникла мысль объ устроеніи въ Москвѣ храма Христу Спасителю, какъ князь Голицынъ неоднократно требуетъ отъ Филарета „мыслей о внутреннемъ устроеніи предполагаемаго храма“. И Филаретъ, „между прочимъ, открылъ ему свои мысли о несовершенствѣ иконостасовъ по новѣйшему образу строенія, которые, будучи малы и скудны, противорѣчатъ мысли величія, которую долженъ бы пода-

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 176

2) Тамъ же, стр. 218. Срав. воспом. Филарета въ „Ивав. Обзор.“ за 1868 г. т. 26, стр. 519; *Сушкова*, цит. соч. стр. 45 и др.

3) *Сушкова* цит. соч. стр. 45.

4) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 166—167.

5) Тамъ же, стр. 166.

вать оltарь“ ¹⁾). Равнымъ образомъ, едва лишь, съ изгнаніемъ Наполеона изъ Россіи, возникла въ Петербургѣ мысль объ учрежденіи „Библейскаго Общества“, на подобіе Великобританскаго, какъ главный дѣятель и президентъ новоучрежденнаго общества, князь А. Н. Голицынъ привлекаетъ къ дѣятельнѣйшему участию въ томъ же обществѣ и Филарета ²⁾). И Филаретъ много положилъ труда на пользу этого общества. Такъ именно онъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ изданіи славянской Библии ³⁾); онъ редактировалъ многія брошюры, издаваемые Библейскимъ Обществомъ; принималъ дѣятельное руководительное участіе въ редакціи отчетовъ общества, рѣчей президента общества и т. п. ⁴⁾); наконецъ, особенно много послужилъ дѣлу перевода Библии на русскій языкъ ⁵⁾). Потомъ, рядомъ съ этими трудами, князь Голицынъ привлекалъ Филарета и къ другимъ, стороннимъ для должности Филарета по академіи, трудамъ. Такъ въ концѣ 1814 года іезуиты „обратили къ католической церкви“ племянника князя Голицына. Послѣдній просилъ Филарета посодѣйствовать возвращенію молодаго человѣка въ лоно православной Церкви. Филаретъ исполнилъ это святое дѣло съ обычною ревностію и честностію; а въ утвержденіе возвращеннаго православной Церкви сына ея, по предложенію того же князя Голицына, рѣшилъ написать свое извѣстное сочиненіе, выдержавшее не одно изданіе, подъ заглавіемъ: „Разговоры между испытующимъ и укрѣпленнымъ о православіи восточной Церкви“ ⁶⁾). „Сталъ писать,—говоритъ самъ Филаретъ въ письмѣ къ родителю отъ 6 апрѣля 1815 года,—не зная, что выйдетъ; перерылъ немало историческихъ, капоническихъ и отеческихъ книгъ для вѣрныхъ справокъ; иногда уставалъ до того, что заставлялъ вмѣсто себя читать и писать, а самъ только слушалъ и дикто-

¹⁾ Тамъ же, стр. 172.

²⁾ Тамъ же, стр. 171.

³⁾ Тамъ же, стр. 191. Срав. наше изслѣдованіе о подвигахъ Филарета въ дѣлѣ перевода Библии на русскій языкъ во 2 т. Филаретовскаго „Юбилейнаго Сборника“, стр. 231, примѣчаніе 1.

⁴⁾ Срав. тоже изслѣдованіе наше и тоже мѣсто въ немъ, срав. также письма Филарета къ роднымъ, стр. 191; 223 и др.

⁵⁾ См. тоже изслѣдованіе наше, помѣщенное во 2 томѣ Филаретовскаго „Юбилейнаго Сборника“.

⁶⁾ Спб. 1815. Срав. Сушкова, цит. соч. стр. 82—83.

валъ; и не знаю, когда бы кончилъ сіе, если бы не ограничился нужнѣйшимъ, оставя многое, чего, можетъ быть, нѣкоторые также бы желали. Но и такъ выходитъ около десяти листовъ печатныхъ¹⁾. За то князь, въ свою очередь, не оставался въ долгу предъ Филаретомъ. Онъ всячески способствовалъ его возвышенію во мнѣніи высшаго начальства и особъ царствующаго дома и расширенію круга его дѣятельности и вліянія; не менѣе митрополита Амвросія ходатайствовалъ о наградахъ и повышеніяхъ для него; наконецъ, когда преемникъ митрополита Амвросія Михаилъ (Десницькій), неблагоклонно относясь къ князю Голицыну, недовѣрчиво относился и къ покровительствуемому имъ Филарету, князь Голицынъ устроилъ перемѣщеніе послѣдняго на второклассную кафедру въ Тверь, съ повышеніемъ въ архіепископы и члены Св. Синода²⁾.

Еще въ 1811 году въ Петербургѣ открылось литературное общество, подъ названіемъ: „Бесѣда любителей русскаго слова“. Основателемъ общества былъ вице-адмиралъ А. С. Шишковъ. „Цѣль *Бесѣды* состояла въ томъ, чтобы, противодѣйствуя вліянію и нововведеніямъ Карамзина, сохранить первобытную чистоту отечественнаго языка и изгнать вкравшіяся въ него иностранныя слова и обороты“. Старикъ „Державинъ, соревнуя успѣху *Бесѣды*, отдалъ для засѣданій общества большую залу великолѣпнаго дома своего на Фонтанкѣ, у Измайловскаго моста. Находившіеся въ составѣ общества 24 члена, изъ коихъ къ каждому было приписано по нѣскольку сотрудниковъ, раздѣлялись на четыре разряда, чередовавшіеся между собою для чтеній. Попечителями въ разрядахъ были: графъ Завадовскій, Мордвиновъ, министръ просвѣщенія графъ Разумовскій и министръ юстиціи Дмитріевъ; а предсѣдателями: Шишковъ, Державинъ и другіе. Въ почетные члены были

¹⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 196; срав стр. 197.

²⁾ Поэтому Филаретъ обыкновенно и въ письмахъ къ князю Голицыну и другимъ лицамъ и при воспоминаніи о немъ вообще называлъ его также благодѣтелемъ своимъ. См. напр. воспоминанія Филарета въ „Православномъ Обозрѣніи“ за 1868 г. т. 26, стр. 520; письма его же, Филарета, къ Е. В. Новосильцевой, урожденной графини Орловой, во 2 томѣ „Біографическаго очерка графа Вл. Гр. Орлова“, составленнаго внукомъ его гр. Вл. П. Орловымъ-Давыдовымъ, стр. 277. Спб. 1878, — къ А. П. Муравьеву, стр. 147—148. Кіевъ, 1869 и др.

избраны многіе вельможи и особы высшаго духовенства¹⁾. Изъ числа первыхъ были графъ А. С. Строгановъ, князь А. Н. Голицынъ, М. М. Сперанскій и другіе. Изъ числа послѣднихъ епископы: Евгеній Волховитиновъ, Амвросій Протасовъ и другіе²⁾. Это еще въ 1811 году. Въ слѣдующемъ же году избранъ былъ и Филаретъ за свои проповѣди. Въ томъ же 1811 году, въ Москвѣ, въ противовѣсъ этому петербургскому обществу, учреждено было свое литературное общество, подъ названіемъ: „общество любителей россійской словесности“. Впрочемъ и то и другое Общество не чуждалось другъ друга. Такъ Карамзинъ избранъ былъ въ члены „Бесѣды любителей русскаго слова“, равно какъ въ свою очередь Шишковъ, Державинъ, Дмитріевъ и другіе были членами „Общества любителей россійской словесности“³⁾. Независимо отъ этихъ формально утвержденныхъ обществъ были въ Петербургѣ и частныя литературныя кружки, изъ коихъ ближайшее къ Филарету отношеніе имѣлъ кружокъ, собиравшійся у страстнаго любителя искусствъ и литературы А. Н. Оленина⁴⁾, какъ намъ извѣстно, рано познакомившагося съ Филаретомъ. Этотъ кружокъ, впрочемъ, имѣлъ связь и съ Шишковскою „Бесѣдою“, такъ какъ и А. Н. Оленинъ былъ членомъ „Бесѣды“, и многіе изъ членовъ ея были посѣтителями Оленинскаго кружка. И едва только въ 1810—1811 годахъ стало извѣстнымъ въ Петербургѣ имя Филарета какъ проповѣдника, члены означенныхъ обществъ и кружковъ начали привлекать его къ участию въ нихъ, а съ назначеніемъ его на должность ректора академіи даже и избирать его въ почетныя члены. Такъ уже въ началѣ мая 1812 года, когда одинъ изъ предсѣдателей „Бесѣды“, основатель ея А. С. Шишковъ, по поводу своего сочиненія: „О любви къ отечеству“, читаннаго въ „Бесѣдѣ“, назначенъ былъ на мѣсто удаленнаго въ ссылку Сперанскаго государственнымъ секретаремъ⁴⁾, Филаретъ пишетъ

¹⁾ Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время. Т. 3, стр. 62—63.

²⁾ Тамъ же, стр. 63—64. 65 и дал.

³⁾ Тамъ же, стр. 65.

⁴⁾ См. тамъ же стр. 199 Срав. *Стетинга*, „А. С. Шишковъ“ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1877 г., т. V, стр. 543. Впрочемъ, такъ какъ обязанности Сперанскаго

своему родителю: „не имѣя времени много писать, посылаю Вамъ, какія случились, печатныя новости. Одна есть рѣчь *о любви къ отечеству*, которой сочинитель недавно сдѣланъ государственнымъ секретаремъ, мнѣ пріятный знакомецъ ¹⁾. Хотя этотъ „пріятный знакомецъ“, какъ увидимъ послѣ, расходясь во многомъ съ Филаретомъ, наконецъ сдѣлалъ на него и жестокое нападеніе (въ 1824 г.), но въ разсматриваемое время онъ дорожилъ имъ, какъ церковнымъ витіемъ, чтобы поставить его на ряду съ другими витіями, въ противовѣсъ пововведеніямъ Карамзина. Онъ даже не только допустилъ его въ свою „Бесѣду“, какъ простаго участника, а и предложилъ къ избранію въ почетныя члены ея, вѣроятно впрочемъ не безъ содѣйствія такихъ лицъ, какъ кн. Голицынъ, Оленинъ и др. Говоря послѣ объ этомъ избраніи, другой хорошей знакомецъ Филарета А. С. Стурдза въ своей статьѣ: „Бесѣда любителей русскаго слова и Арзамасъ“, говорилъ о немъ, „что еще въ 1812 г. онъ уже стоялъ высоко на духовной каѳедрѣ, уже плѣнялъ слушателей своихъ силою и глубиною слова“, ²⁾ указывая тѣмъ на время его избранія въ члены „Бесѣды“. По крайней мѣрѣ въ журналѣ: „Сынъ Отечества“ за 1813 годъ мы находимъ ясныя и несомнѣнныя данныя на то, что въ семь 1813 году Филаретъ уже былъ почетнымъ членомъ „Бесѣды“. Здѣсь въ VI части, на стр. 122 мы читаемъ: „20 мая (1813 года) было чтеніе въ „Бесѣдѣ любителей русскаго слова“. Изъ многихъ, читанныхъ въ сей день сочиненій и переводовъ замѣтимъ: 1) *Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ успѣховъ Россіи въ войнѣ 1812 года*, сочиненіе одной духовной особы, извѣстной уже мно-

по должности государственнаго секретаря раздѣлены были, по удаленіи его, между 5-ю лицами, то на долю Шишкова собственно при этомъ выпало только составленіе манифестовъ, воззваній и пр. И онъ бле тищимъ образомъ выполнилъ эту задачу въ отечественную войну, какъ горячій патриотъ. Въ этомъ-то смыслѣ въ 1824 году, при назначеніи его въ министры народнаго просвѣщенія, Пушкинъ встрѣтилъ это назначеніе слѣдующими стихами:

„Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ среди народа.

„Священной памятью дѣнадцатаго года“. („Евстн. Евр.“ 1877 г., т. VI, стр 479).

1) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 161.

2) *Сушкова*, цит. соч. стр. 95

гими изящными произведеніями въ духовномъ краснорѣчій¹⁾; а въ VII и VIII части находимъ помѣщенными какъ письмо А. Н. Оленина къ Филарету отъ 5 января 1813 г., съ просьбою изложить письменно ранѣе того обдуманное и въ общихъ чертахъ уже до 5 января устно изложенное (въ Оленинскихъ бесѣдахъ) вышеупомянутое „Разсужденіе“, для прочтенія его въ „Бесѣдѣ любителей русскаго слова“, такъ и отвѣтъ Филарета на это письмо, содержаніемъ котораго служить то самое „Разсужденіе“²⁾. Печатавъ этотъ отвѣтъ или „Разсужденіе“ Филарета, издатель „Сына Отечества“ (Н. И. Гречъ) подъ строками замѣчаетъ: „Сочиненіе архимандрита и кавалера Филарета, Санкт-петербургской духовной академіи ректора, богословскихъ наукъ профессора и почетнаго члена „Бесѣды любителей русскаго слова“, читанное въ собраніи оной „Бесѣды“ 20 мая сего года“³⁾. Да и самое содержаніе какъ письма Оленина, такъ и „Разсужденія“ Филарета имѣетъ весьма близкое отношеніе къ вышеупомянутой рѣчи Шишкова о любви къ отечеству.

И. Борсунскій.

(Продолженіе будетъ).

1) А между тѣмъ въ 1813 году до 20 мая Филаретъ произнесъ только одну проповѣдь въ великій пятокъ; очевидно рѣчь о „многихъ“ проповѣдяхъ относится къ 1810—1812 годамъ.

2) См. „Сынъ Отечества“ за 1813 г. ч. VII, стр. 219—235 и ч. VIII, стр. 3—1.

3) „Сынъ Отечества“ за 1813 г. ч. VII, стр. 223 примѣч.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ

О ЖУРНАЛѢ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“.

Окончаніе *).

Во второй іюньской книжкѣ журн. „Вѣра и Разумъ“ мы представили благосклонному вниманію читателей сужденія рецензента „Чтеній въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ о церковномъ отдѣлѣ нашего журнала и высказали нѣсколько своихъ мыслей по этому поводу. Переходимъ теперь къ сужденіямъ того-же рецензента о философскомъ отдѣлѣ нашего журнала.

И прежде всего замѣтимъ, что сужденія его о философскомъ отдѣлѣ отличаются большею правильностію, твердостію и устойчивостію, чѣмъ его-же сужденія о первомъ, т. е. церковномъ отдѣлѣ. Вотъ эти сужденія. Желая показать отличіе нашего журнала отъ „Братскаго Слова“ и находя это отличіе въ томъ, что журналъ „Вѣра и Разумъ“ имѣетъ въ виду почти все образованное общество, „вообще мало знакомое съ ученіемъ Откровенія и Церкви и во многомъ сомнѣвающееся“, между тѣмъ какъ второй имѣетъ въ виду лишь одинъ расколъ, рецензентъ продолжаетъ: „другое, болѣе важное отличіе новаго журнала отъ „Братскаго Слова“, и даже вообще отъ другихъ духовныхъ органовъ, заключается въ его характерѣ—богословско-философскомъ. Во всѣхъ другихъ органахъ философскій отдѣлъ хотя и бываетъ, но временно, т. е. только временно номѣщаются тѣ или другія статьи

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 12.

философскаго характера, здѣсь-же это отдѣль спеціальный и постоянный“. „Такое нововведеніе, по словамъ рецензента, объясняется цѣлю журнала—говорить о вѣрѣ невѣрующему разуму“. Мы уже имѣли случай замѣчать, что намъ нѣсколько страннымъ представляется сопоставленіе нашего журнала съ журналомъ чисто спеціальнымъ, каковъ журналъ: „Братское Слово“,—какъ страннымъ показалось-бы сопоставленіе нашего журнала съ другими спеціальными журналами, напр.: медицинскими, юридическими, математическими. Конечно, все эти спеціальныя журналы могутъ имѣть и даже имѣютъ въ виду разъяснить истину и привести къ ней своихъ заблуждающихся читателей; тѣмъ не менѣе кругъ читателей ихъ обыкновенно бываетъ совершенно различный, и одна и та же истина выясняется у нихъ совершенно съ различныхъ сторонъ. Во всякомъ случаѣ подобныя сопоставленія мало помогаютъ читателямъ составить себѣ точную характеристику журнала и даже могутъ ввести ихъ въ обманъ. Но въ сущности мы ничего не имѣемъ противъ сопоставленія и даже готовы признать его правильнымъ. Столько-же или даже волюнѣ правильными мы признаемъ и дальнѣйшія сужденія рецензента, когда онъ, согласно съ программой нашего журнала, говоритъ, что наша образованная публика въ рѣшеніи высшихъ вопросовъ не довольствуется уже однимъ положительнымъ раскрытіемъ истины христіанской вѣры, а требуетъ научнаго ихъ разъясненія и сближенія съ изслѣдованіями разума, особенно въ виду возраженій по отношенію къ ней со стороны послѣдователей матеріалистическихъ воззрѣній въ наукѣ и жизни. Поэтому въ интересахъ истины вообще и истины вѣры христіанской въ частности, журналъ старается выяснитъ, что современное матеріалистическое направленіе не есть нѣчто невиданное въ исторіи просвѣщенія, нѣчто въ родѣ послѣдняго слова человѣческаго гения; но что оно есть повтореніе пріемовъ мышленія, извѣстныхъ въ философіи съ давняго времени, что на ряду съ этимъ направленіемъ всегда существовало другое, опирающееся на непреложныхъ основахъ духа человѣческаго,—что послѣднее направленіе имѣетъ несомнѣнное пре-

имущество предъ первымъ и путемъ строго логическихъ выводовъ приводитъ къ разумному убѣжденію въ основныхъ истинахъ христіанскаго ученія. Совершенно вѣрно также рецензентъ полагаетъ, что именно съ этою-же цѣлію журналъ приводитъ данныя изъ исторіи дохристіанской философіи, которая на всѣхъ пунктахъ своего развитія соприкасалась съ областію религіозною и была большею частію направлена къ рѣшенію тѣхъ-же вопросовъ, которые составляютъ содержаніе религіозныхъ вѣрованій и рѣшеніе которыхъ вызывается потребностями нашего духа (бытіе Бога, отношеніе Его къ міру, безсмертіе души человѣческой и т. п.). Наконецъ, рецензентъ совершенно правильно говоритъ, что редація журнала „Вѣра и Разумъ“ намѣрена показать, какъ рѣшались эти вопросы собственными усиліями человѣческаго разума, почему эти усилія обазывались безплодными и приводили лучшихъ мыслителей древняго міра къ сознанію невозможности познать истину, если она не будетъ открыта Богомъ,—какъ постепенно уяснялась въ сознаніи людей Богооткровенная истина, какъ она припрядалась, въ мысли образованнѣйшихъ отцевъ и учителей Церкви, съ древнею дохристіанскою философіею, какое она имѣла вліяніе на философію послѣдующаго времени и такъ далѣе.

Но эти общія или предварительныя положенія, о которыхъ говоритъ и программа нашего журнала, еще не показываютъ того, какъ осуществляетъ или думаетъ осуществить свои задачи журналъ, какимъ путемъ, какимъ направленіемъ мысли и какимъ методомъ онъ достигаетъ или желаетъ достигнуть своихъ цѣлей. Они ничего не говорятъ о той внутренней связи, которая существуетъ между всѣми этими положеніями и въ особенности о томъ значеніи, какое удачное осуществленіе и развитіе ихъ въ журналѣ должно имѣть, или по крайней мѣрѣ, можетъ имѣть въ отношеніи къ вѣрѣ, наукѣ и жизни; словомъ,—они ничего не говорятъ о *положительномъ* выясненіи истинъ разума въ связи съ современнымъ полупризнаніемъ или даже полнымъ отрицаніемъ ихъ, ничего не говорятъ о направленіи положительнаго міросозерца-

нія, которое хотѣлъ-бы изложить на своихъ страницахъ нашъ журналъ и при томъ примѣнительно къ современному отрицательному направленію нашего общества въ отношеніи къ высшимъ истинамъ разума. Рецензентъ, стараясь опредѣлить значеніе философскаго отдѣла нашего журнала, упоминаетъ о недостаточности, такъ называемыхъ, положительныхъ наукъ въ рѣшеніи высшихъ вопросовъ разума, равно какъ упоминаетъ о несостоятельности различныхъ модныхъ воззрѣній на различные роды общественной дѣятельности и на основы общественнаго благоустройства, о которыхъ тоже говоритъ нашъ журналъ въ первыхъ трехъ книжкахъ своихъ. Но когда рецензентъ, упомянувъ обо всемъ этомъ, какъ будто лишь этимъ однимъ хотѣлъ-бы исчерпать главное направленіе философскаго отдѣла нашего журнала, какъ будто говоритъ лишь объ одной философской полемикѣ въ немъ, то очевидно онъ впадаетъ въ одностороннія сужденія, именно онъ упускаетъ изъ виду положительное направленіе журнала или, по крайней мѣрѣ, недостаточно ясно освѣщаетъ его. Во всякомъ случаѣ, онъ недостаточно полно и недостаточно ясно говоритъ объ основномъ, главномъ и отличительномъ характерѣ журнала, по которому вмѣстѣ съ опроверженіемъ одностороннихъ міросозерцаній онъ хотѣлъ-бы выяснить и изложить другое, опирающееся на непреложныхъ основахъ духа человеческого, въ полной увѣренности, что послѣднее міросозерцаніе имѣетъ несомнѣнное преимущество предъ первымъ и путемъ строго логическихъ выводовъ приводитъ къ разумному убѣжденію въ основныхъ истинахъ разума вообще и христіанскаго ученія въ частности. Конечно, это недостаточное освѣщеніе и эта неполная характеристика журнала никакимъ образомъ не могутъ быть поставлены въ вину нашему рецензенту, не могутъ ронять его критическій талантъ; рецензентъ судитъ о философскомъ отдѣлѣ журнала на основаніи лишь двухъ—трехъ философскихъ статей, которыя скорѣе могутъ быть названы предварительными понятіями философскаго міросозерцанія, или необходимымъ введеніемъ въ область разумнаго міросозерцанія, чѣмъ положительнымъ развитіемъ и ученіемъ этого воззрѣнія

п этого міросозерцанія. По крайней мѣрѣ, самъ рецензентъ говоритъ напр., что „неоконченныя чтенія о философіи и ея возможности В. Кудрявцева вообще стоятъ въ тѣсной связи съ общимъ направленіемъ журнала, руководимаго, какъ видно, человекомъ опытнымъ“; но эта связь можетъ быть понята вполне только впоследствии, или, какъ говоритъ рецензентъ: „значеніе для журнала этихъ чтеній еще болѣе выяснится, если уважаемый авторъ будетъ помѣщать дальнѣйшія свои лекціи“. Безъ сомнѣнія, тоже надобно сказать и о статьяхъ уважаемаго профессора П. И. Липницкаго, равно какъ и о философскихъ статьяхъ другихъ писателей нашего журнала. Но то, чего не принимаетъ на себя, по осторожности или по неполнотѣ фактическихъ данныхъ, нашъ рецензентъ, то долженъ сдѣлать уже самъ нашъ журналъ, когда хочетъ ясно опредѣлить для своихъ читателей значеніе своего философскаго отдѣла, его задачу, цѣль, направленіе; словомъ, когда хочетъ ясно показать знамя, которому хотѣлъ-бы служить и вокругъ котораго хотѣлъ-бы собрать своихъ читателей,—т. е. попытаемся сдѣлать это мы сами; это, полагаемъ, во всякомъ случаѣ поможетъ нашимъ читателямъ яснѣе понять и точнѣе опредѣлить существенный характеръ философскаго отдѣла нашего журнала.

Рецензентъ справедливо говоритъ, что существенное отличіе нашего журнала отъ другихъ журналовъ состоитъ въ богословско-философскомъ характерѣ его. Во всѣхъ другихъ органахъ философскій отдѣлъ хотя и бываетъ, но временно, т. е. только временно помѣщаются тѣ или другія статьи философскаго характера, здѣсь же—это отдѣлъ спеціальнѣйшій, постояннѣйшій. Это совершенно справедливо. Но мы никакъ не можемъ согласиться съ предположеніемъ рецензента, что будто такое нововведеніе объявляется цѣлію журнала говорить объ одной лишь вѣрѣ невѣрующему разуму. По нашему мнѣнію, это значило бы сдвинуть горизонтъ журнала, ограничить задачи философскаго отдѣла одними лишь религіозными цѣлями и стѣснить свободу философіи, превративъ ее лишь въ служебное орудіе богословія; словомъ, это

значило-бы исключить изъ области философскаго міросозерцанія цѣлыя ряды высшихъ разумныхъ истинъ, подвергающихся въ наше время возможнымъ превратнымъ толкованіямъ и имѣющихъ для разумнаго человѣка высшей не только научный, но и жизненный интересъ. Поэтому высказанное рецензентомъ предположеніе о цѣли помѣщенія философскаго отдѣла въ нашемъ журналѣ мы выразили-бы совершенно иначе, именно мы выразили-бы, примѣнительно къ его выраженіямъ, въ слѣдующихъ словахъ: „такое нововведеніе объясняется цѣлію журнала, говорить объ истинахъ разума вообще и объ ихъ связи съ вѣрою, понимаемою разумно, примѣнительно къ современнымъ потребностямъ нашего образованнаго общества“. Полагаемъ, что такое опредѣленіе значенія философскаго отдѣла нашего журнала сразу дало-бы возможность читателю видѣть самостоятельный характеръ философіи нашего журнала, свободный и широкій горизонтъ этой философіи, значеніе ея для человѣческаго разума и современной намъ жизни и тѣсную и даже неразрывную связь философіи съ вѣрою, понимаемою разумно. Постараемся развить или яснѣе представить эту характеристическую особенность философскаго отдѣла журнала „Вѣра и Разумъ“.

Кажется, мы не впадемъ въ большой парадоксъ или большое преувеличеніе, если скажемъ, что наше современное общество, или лучше—не наше только, но и вообще современное европейское общество, во крайней мѣрѣ, въ извѣстной части своей, при всемъ своемъ поклоненіи разуму, отвергаетъ этотъ разумъ и даже не хочетъ называться разумнымъ, а предпочтительно усваиваетъ себѣ названіе *интеллигентно*. По нашему мнѣнію, это очень характерно. Въ самомъ дѣлѣ, что такое означаетъ быть человѣкомъ интеллигентнымъ въ модномъ смыслѣ и что значитъ быть человекомъ разумнымъ въ обыкновенномъ смыслѣ? Человѣческая разумность есть прежде всего нѣчто совершенно противоположное тому, что должно разумѣть подъ современнымъ понятіемъ интеллигенціи и интеллигентнаго человѣка. Разумъ есть способность созерцанія и постиженія истинъ высшаго порядка, есть способ-

ность пониманія идей, сущностей предметовъ, законовъ бытія, планосообразности и цѣлесообразности, существующихъ во всей вселенной. „Разумъ, говоря словами Ульрици, — понимаемый въ смыслѣ особой способности, обозначаетъ собою только необходимое согласное дѣйствіе всѣхъ духовныхъ силъ человѣка для достиженія одной и той же цѣли, именно совершенства человѣческаго бытія и существа, осуществленія идей истиннаго, добраго и прекраснаго“. Ничего подобнаго современный интеллигентный человѣкъ, по крайней мѣрѣ извѣстная часть этихъ интеллигентныхъ людей, не знаетъ и даже не хочетъ знать. Современный интеллигентный человѣкъ, вмѣсто уясненія и постиженія идей, хочетъ ограничиться знаніемъ лишь однихъ вещей (rerum), а потому усволяетъ себѣ преимущественное названіе реалиста; вмѣсто постиженія сущностей предметовъ, онъ хочетъ знать одни лишь ихъ явленія, предполагая, что эти сущности или не существуютъ, суть простые вымыслы самаго разума, или недоступны намъ и непостижимы; вмѣсто признанія всеобщихъ законовъ онъ хочетъ знать только послѣдовательность явленій, ихъ преемственность и сосуществованіе; онъ боится самаго слова *законъ*, потому что это слово можетъ приводить къ понятію о верховномъ Законодателѣ; вмѣсто закона причинности, по которому все происходящее имѣетъ свою причину, теперь принимаютъ самоущіе и самодвижущіеся атомы, вращающіеся въ эфирѣ молекулы и, наконецъ, какое-то самопроизвольное зарожденіе (*generatio spontanea*, или *aequivoca*); вмѣсто планосообразности и цѣлесообразности, говорятъ лишь о механическомъ устройствѣ природы, о круговоротѣ жизни, дифференцированіи жизни, естественномъ или половомъ подборѣ и т. п. и т. п.; словомъ признаютъ существованіе свойствъ и качествъ, но отвергаютъ существованіе предметовъ или вещей, которымъ принадлежатъ эти свойства и качества; говорятъ о явленіяхъ, слѣдующихъ въ извѣстномъ порядкѣ и послѣдовательности, но отвергаютъ причинное соотношеніе между ними и ихъ зависимость отъ этихъ предметовъ; говорятъ напр. о разумѣ, но отвергаютъ душу, обладающую этимъ разумомъ. Итакъ, что же

такое разумъ по воззрѣнiямъ современнаго интеллигентнаго человека? Это есть также способность, которая присуща или свойственна всѣмъ органическимъ существамъ, напр. животнымъ, хотя, конечно, у человека она достигаетъ высшей степени напряженiя и силы; это есть способность пониманiя (*intelligere*) явленiй, ихъ преемственности, послѣдовательности и сосуществованiя, что до нѣкоторой степени можетъ быть доступно и животнымъ. Очевидно поэтому интеллигентность и разумность не одно и то же. Современная намъ интеллигентность отвергаетъ знанiе идей, между тѣмъ какъ существенное свойство разумности есть знанiе или созерцанiе этихъ идей; интеллигентность ничего не хочетъ знать о сущностяхъ предметовъ, ихъ причинной зависимости, вѣчныхъ законахъ бытiя, планосообразности и цѣлесообразности; между тѣмъ какъ все это составляетъ существенную принадлежность человеческого разума и его разумности. Дарвинъ сказалъ, что по прошествiи длиннаго періода тысячелѣтiй на землѣ самъ собою явился интеллигентный человекъ, *homo sapiens*, какъ изъ реторты древняго алхимика самъ собою является *homunculus*; но онъ явился среди остальнаго міра животныхъ лишь какъ *primus inter pares* (первый среди равныхъ) и потому ничѣмъ существенно не отличается отъ этого міра. Его разумъ возвышается надъ разумомъ остальныхъ существъ природы только количественно, а не качественно. И современный интеллигентный человекъ воплѣтъ усвоилъ себѣ это воззрѣнiе.

Но не преувеличиваемъ ли мы дѣла? Не слишкомъ-ли мы сгустили краски при нашемъ опредѣленiи интеллигентности и современныхъ намъ интеллигентныхъ людей? Намъ кажется, что нѣтъ. Мы очень хорошо знаемъ, что кромѣ интеллигентнаго направленiя существуетъ другое, разумное, опирающееся на незыблемыхъ основахъ человеческого духа и даже на неопровержимыхъ явленiяхъ видимой природы. Тѣмъ не менѣе моднымъ, преобладающимъ направленiемъ мы должны назвать интеллигентное. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно посмотрѣть на главнѣйшія проявленiя современной мысли, на модное міросозерцанiе не только

среди европейскаго общества, но и у насъ. Это мы и постараемся сдѣлать въ немногихъ словахъ.

Когда Гегель сказалъ, что бытіе и небытіе тождественны (Sein und Nichtsein ist dasselbe), что вездѣ существуетъ тождество развивающагося абсолютнаго духа, то этимъ самымъ онъ подорвалъ уваженіе къ законамъ человѣческаго разума, смѣшалъ случайное и измѣняемое съ неизмѣняемымъ и вѣчнымъ, явленіе съ сущностію, истину съ ложью, добро со зломъ. Его послѣдователямъ, до крайней мѣрѣ, извѣстной части ихъ, стоило только усомниться въ бытіи этого абсолютнаго духа, чтобы потерять затѣмъ всякое различіе между этими основными понятіями человѣческой мысли и жизни. По крайней мѣрѣ, отсюда у лѣвыхъ гегельянцевъ въ метафизикѣ произошелъ атеизмъ, въ логикѣ—уничтоженіе всѣхъ законовъ разума и разумной мысли, въ нравственности—потеря сознанія добра и зла и ихъ различенія. Но собственно не гегелианизмъ виновенъ въ совершенномъ извращеніи основныхъ понятій разума, въ слѣпой погонѣ за однимъ лишь явленіемъ и въ развитіи той современной намъ интеллигентности, которая составляетъ характерную особенность нашего времени. Интеллигентность есть очень сложный продуктъ; тысячи случайныхъ причинъ вліяли на успленіе, развитіе и распространеніе ея среди современнаго намъ общества. По собственно первое научное оправданіе хотѣлъ сообщить ей Контъ своею позитивною философіей. Когда Контъ сказалъ, что человѣчество въ своей жизни подчинено тремъ стадіямъ развитія, именно: теологической, метафизической и позитивной, то этимъ самымъ онъ сильно поколебалъ уваженіе къ человѣческому разуму, его развитію или и всей созданной имъ цивилизаціи и его примѣненію ко всѣмъ сферамъ человѣческой жизни. Контъ училъ, что первоначально люди старались объяснять всѣ явленія природы какими-то таинственными и чисто самовластными дѣятелями, какими-то божественными существами, созданными фантазіею по подобію самого-же человѣка, но одареннымъ сверхъестественнымъ могуществомъ, а потому внушавшимъ къ себѣ страхъ, почитеніе и религіозный культъ. Такова

была первая стадія развитія или первая философія человѣчества, понимаемая въ обширномъ смыслѣ и смѣшанная еще съ религіею: это философія теологическая или религіозная. За этой стадіей развитія наступила другая, не менѣе первой ненавистная Конту и всѣмъ его послѣдователямъ. Въ явленіяхъ природы замѣтили нѣчто постоянное и всеобщее, что до очевидности противорѣчило самовластному, капризному и произвольному дѣйствію сверхъестественныхъ дѣятелей прежней стадіи. И вотъ для объясненія постоянства и всеобщности явленій природы допустили существованіе всеобщихъ силъ, всеобщихъ сущностей предметовъ; такъ напр для объясненія замѣчаемаго во всей природѣ движенія допустили движущую силу; для объясненія растительности—растительную силу, для объясненія животной жизни—силу животную и пр. и пр. Но всѣ эти всеобщія и постоянныя силы, всѣ эти сущности предметовъ или *метафизическія существа*, столько же непостижимы, таинственны и фантастичны, какъ и сверхъестественные дѣятели прежней стадіи развитія. Итакъ долой ихъ, они намъ не нужны болѣе! И вотъ, по почину Конта и его послѣдователей, наступаетъ послѣдняя и самая главная стадія развитія человѣческой мысли, науки и цивилизаціи. Это стадія позитивная или интеллигентная. Позитивизмъ теперь вступаетъ на мѣсто метафизики и первымъ дѣломъ занимается изгнаніемъ за границу человѣческаго сознанія всѣхъ этихъ *метафизическихъ существъ*; онъ не признаетъ ничего другаго кромѣ явленій, ихъ условій существованія и ихъ соотношеній. Въ наше время эту новую, позитивную философію стараются распространить повсюду; ее вводятъ въ науку, въ жизнь; ее воспѣваютъ въ поэзіи.

Итакъ все то, что было сдѣлано разумомъ человѣческимъ въ области религіи, метафизики, философіи и всей предшествовавшей цивилизаціи,—все это оказывается нигуда негоднымъ предъ судомъ позитивной философіи; все это было лишь подготовительными ступенями къ появленію полного и безпощаднаго позитивизма, все это должно быть отвергнуто, исключено, выброшено за бортъ сознанія, какъ ненужный хламъ. Такимъ образомъ, въ

сущности вся эта позитивная философія, при всей своей положительности, обазывается въ высшей степени отрицательною; она стѣсняетъ сознание и ограничиваетъ разумъ человѣческой пониманіемъ однихъ лишь видимыхъ явленій, ихъ совмѣстности и послѣдовательности, что, какъ мы замѣтили уже, доступно въ пзвѣстной степени и неразумнымъ животнымъ; она запрещаетъ человѣку мыслить о Богѣ, сознавать душу человѣческую, признавать нравственную свободу воли и пр., она считаетъ все это или несуществующимъ или, по крайней мѣрѣ, непостижимымъ и недоступнымъ для нашего пониманія. Что же даетъ человѣку въ замѣнъ всего этого позитивная философія? Ничего или почти ничего. Успокаиваетъ-ли его, по крайней мѣрѣ, освобождая отъ утомительныхъ, трудныхъ и нерѣшимыхъ пзысканій? Дѣйствительно-ли человѣческой разумъ можетъ отбазаться отъ рѣшенія высшихъ вопросовъ, каково-бы ни было это рѣшеніе? Дѣйствительно-ли разумному человѣку можно сказать: думай лишь объ этомъ и не смѣй думать ни о чемъ другомъ? Нисколько. Несостоятельность и даже противоестественность позитивнаго запрета, позитивнаго деспотическаго отношенія въ разуму всего лучше доказываютъ сами же позитивисты. Проповѣдуя полное равнодушіе къ высшимъ проблемамъ человѣческаго сознанія, запрещая рѣшать ихъ, позитивисты однако-же сами рѣшаютъ эти проблемы, хотя рѣшаютъ ихъ различно и разнообразно. Такъ напр., одни, подобно Контю, проповѣдуютъ какой-то гуманитарный мпстицизмъ, т. е. оборотворяютъ кабую-то общую человѣческую природу и на нее переносятъ высочайшія божественныя свойства, или же проповѣдуютъ международный соціализмъ. Другіе, подобно напр. Литрѣ, болѣе или менѣе открыто становятся на сторону матеріализма. Иные же, какъ напр. Стюартъ Миль, проповѣдуютъ эмпирической скептицизмъ, очень сходный съ ипглизмомъ Юма. Наконецъ, самые строгіе послѣдователи позитивизма, своимъ запрещеніемъ касаться высшихъ проблемъ человѣческаго духа, не возбуждаютъ-ли этимъ только большее любопытство и сильнѣйшій интересъ въ рѣшенію ихъ? По крайней мѣрѣ, въ этому предпо-

ложенію ведетъ то обстоятельство, что строгій и послѣдовательный позитивизмъ не есть единственный властитель думъ современнаго европейскаго общества, даже въ отрицательномъ направленіи его мысли и жизни; что славу этого отрицанія раздѣляютъ съ нимъ и нѣкоторые другія направленія, выступая въ этомъ случаѣ изъ своихъ особенныхъ точекъ зрѣнія.

Мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ прежде всего критическую школу ново-кантіанства, представителями которой въ Германіи признаютъ Ланге, а во Франціи—Вансера. Въ нашемъ отечествѣ тоже существуютъ послѣдователи этой школы. Въ чемъ-же состоитъ ученіе этой школы? Въ полнѣйшемъ субъективизмѣ, основанномъ на общихъ требованіяхъ человѣческой природы или, такъ сказать, на общечеловѣческомъ субъективизмѣ. Позитивизмъ отвергъ знаніе міра идеальнаго, но усвоилъ важное значеніе міру явленій. Критическая школа, выходя изъ Кантовскихъ началъ, идетъ дальше въ этомъ отрицательномъ направленіи мысли; она одинаково простираетъ субъективизмъ и на міръ идеальный и на міръ явленій. Она допускаетъ философское созерцаніе всего существующаго, но подъ условіемъ признанія этого созерцанія поэтическимъ вымысломъ; она признаетъ законность философскихъ настроеній, но не усваиваетъ имъ характера цѣлности. По ея воззрѣнію, какъ говоритъ профессоръ Кудрявцевъ, „философія должна создать намъ гармоническій образъ міра, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно сознавать, что этотъ образъ есть субъективное наше созданіе,—идеаль, не имѣющій ни малѣйшаго притязанія на реальное значеніе“. Самы собою должны быть понятны всѣ тѣ противорѣчія, въ которыя впадаетъ школа при подобныхъ воззрѣніяхъ; она вынуждается напр. признать постепенное образованіе міра, согласно съ величественнымъ планомъ мірозданія; она не только допускаетъ, что повсюду въ природѣ надобно замѣчать совершенствованіе, переходъ отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному, но что это движеніе къ совершенству имѣетъ задачею своею осуществленіе идеала, что идеаль этотъ никакъ нельзя признавать неосуществленнымъ, что разумъ человѣческій

болѣе и болѣе понимаетъ его по мѣрѣ своего развитія и просвѣщенія; и однако-же этотъ идеаль, признаваемый въ одно и тоже время виновникомъ всякаго движенія къ совершенствованію и послѣднею цѣлію всякаго совершенства, не соотвѣтствуетъ никакой реальной дѣйствительности; что въ сущности это есть лишь субъективная форма нашего пониманія вещей; что это есть нашъ невольный самообманъ. Школа утверждаетъ, что все совершается и все происходитъ согласно съ планомъ совершеннаго разума, и однако-же этотъ совершенный разумъ не существуетъ, идеаль имѣетъ для насъ кажущуюся истинность, не обладаетъ дѣйствительнымъ бытіемъ. Отсюда-же сами собою понятны всѣ тѣ теоретическія слѣдствія, къ которымъ должна приходить школа. Всѣ наши человѣческія идеальныя понятія, будемъ-ли мы представлять ихъ отрѣшенно отъ міра, какъ напр. представляемъ Бога предъ абтамп творенія, или въ связи съ міромъ, какъ представляемъ того-же Бога имманентно и трансцендентно открывающимся во всѣхъ своихъ созданіяхъ, не имѣютъ, по возрѣнію школы, никакой дѣйствительности, никакой реальности; потому что всякій идеаль есть нѣчто безграничное, безпредѣльное, неопредѣляемое никакими реальными признаками; и потому еще, что опредѣленіе этого идеала какими-бы то ни было свойствами или признаками было-бы смертію этого идеала и изведеніемъ его въ рядъ ограниченныхъ явленій или существъ конечныхъ; другими словами, идеалы необходимы для насъ, но они не существуютъ. Вашеро напр. призналъ всѣ идеальныя понятія о Богѣ, безсмертіи души, безусловномъ, безконечномъ и пр. лишь мечтательнымъ поэтическимъ усвоеніемъ формъ бытія чему-то неосуществимому. Развѣ нельзя идти далѣе по этому пути отрицанія разума и разумной мысли? И Гартманъ дѣйствительно пошелъ далѣе. Онъ уже назвалъ всѣ наши идеалы простыми иллюзіями и даже дозью. Отсюда-же понятны и тѣ практическія слѣдствія, которыя должны пронстекать изъ этихъ началъ. „На чемъ можетъ утверждаться нравственность, говоритъ Каро, въ той критической философіи, которая отвергаетъ дѣйствительность истинъ

абсолютныхъ? Долгъ, преданность долгу имѣютъ тогда только относительную человѣческую увлекательность; они представляютъ только форму, только законъ *нашего* разума, они лишь по своему выражаютъ *категорію идеала*, и точно также, какъ идеи *субстанции* и *причинности*, суть только оптическія иллюзіи. Какая важность въ томъ, что эти понятія примѣняются къ дѣламъ, а не къ мыслямъ? Развѣ это можетъ измѣнить ихъ сущность? Почему закону свободы надобно усвоить больше реальности, чѣмъ законамъ нашего разума?... Недостаточно сказать, что божественное реализуется въ насъ при посредствѣ добродѣтели, что человекъ тѣмъ болѣе становится человекомъ, чѣмъ болѣе возвышается и развивается въ немъ жизнь нравственная... Надобно еще видѣть, на чемъ утверждается эта нравственность, столь краснорѣчиво прославляемая. Обыкновенно говорятъ, что она утверждается на чувствѣ человѣческаго достоинства и даже на болѣе прочной основѣ, — на сознаніи мыслящаго человека. Но... то, что вы называете долгомъ, надобно признавать только вашею своеобразною манерою пониманія жизни; а то, что вы называете низостию чувствъ и поступковъ, есть только другая манера пониманія. Что одинъ изъ этихъ образовъ жизни вамъ кажется гораздо выше другаго, это понятно; но это уже дѣло вкуса, есть лишь простая расположенность (*sensibilité*) дѣятеля, есть не болѣе какъ эстетическій отбѣнокъ, если только вы отнимете у разума его опору въ абсолютномъ". (*L'idée de Dieu, chap. II*).

Впрочемъ, не одни только эти, сей-часъ нами указанные направленія философской мысли ведутъ къ отрицанію человѣческаго разума, его законовъ и врожденныхъ требованій; къ этому-же приводитъ современное намъ общество и *историческая* отрицательная критика. Конечно, современная намъ историческая критика есть порожденіе той-же современной философіи; но въ своихъ критическихъ изысканіяхъ она нерѣдко приходитъ къ выводамъ и заключеніямъ, до такой степени противорѣчающимъ этой философіи, что, кажется, почти ничего не имѣетъ общаго съ нею. Если новотюбингенская критика, чрезъ посредство Баура, Штрауса и Ренана, перво-

начально примыкала къ гегельянству; то въ своихъ окончательныхъ выводахъ она совершенно разошлась съ этимъ гегельянствомъ. Тоже надобно сказать объ исторической критикѣ, основанной сворѣе на фантастическихъ, чѣмъ дѣйствительныхъ законахъ біологіи и соціологіи. Если въ лицѣ Литре и нашего Вырубова она первоначально примыкала къ позитивизму, то въ лицѣ Бокля, Тэна, Бюго и ихъ послѣдователей она уже принимаетъ совершенно оригинальный характеръ, хотя тоже не на радость человѣческому разуму. Сентъ-Обень справедливо говоритъ, что критическое направленіе нашего образованнаго общества развилось преимущественно подъ вліяніемъ историческихъ трудовъ, а Ницаръ признаетъ его главнымъ, всеобщимъ и господствующимъ въ XIX вѣкѣ (*Histoire de la litt. franc.*, t. IV, p. 541).

Сущность ученія ново-тюбингенской критической школы состоитъ въ отрицаніи предположеній (въ *Voraussetzungslosigkeit*) и ближайшимъ образомъ касается историческаго происхожденія христіанской религіи. Это отрицаніе предположеній справедливо отождествляютъ съ отрицаніемъ всего сверхъестественнаго въ христіанствѣ, будетъ-ли это сверхъестественное относиться къ самой христіанской религіи, или къ лицу ея божественнаго Основателя; слѣдовательно, эта школа отрицаетъ въ религіи проявленіе божественной силы и по своей сущности есть не болѣе, какъ отрицаніе возможности и дѣйствительности чуда въ обширномъ смыслѣ этого слова. Конечно, не одни ново-тюбингенцы виновны въ отверженіи всего сверхъестественнаго въ христіанствѣ; еще прежде ихъ разнаго рода раціонализмъ и вульгарный, и научный, и философскій шли по этому-же пути заблужденій человѣческаго разума, старались вырвать изъ человѣческаго сознанія вѣру въ сверхъестественное. Но никто болѣе ново-тюбингенцевъ не напрягалъ своихъ силъ для разрушенія вѣры въ сверхъестественный элементъ христіанской религіи. Ихъ отрицаніе этого элемента явилось во всоружіи исторической и философской науки; оно взволновало весь христіанскій міръ; оно проникло во всѣ науки и увлекло очень и очень многихъ. Намъ нѣтъ

надобности опровергать основное положеніе ново-тюбингенцевъ, ихъ пресловутое *Voraussetzungslosigkeit*. Замѣтимъ только, что оно не менѣе всякаго другаго заблужденія оскорбляетъ разумъ человѣческій, разрушаетъ основные законы разумности и идетъ противъ коренныхъ требованій человѣческаго разума. Разумъ нашъ долженъ и, конечно, всегда будетъ представлять себѣ Бога существомъ безусловно благимъ, безусловно свободнымъ и всемогущимъ; между тѣмъ какъ природа при всей своей законмѣрности и законосообразности представляется чѣмъ-то зависимымъ, случайнымъ и страдательнымъ (пассивнымъ). А проявленіе сверхъестественнаго въ природѣ именно и есть высочайшая свобода, высочайшая любовь и высочайшее всемогущество Творца природы. Разумъ нашъ всегда будетъ думать, что за предѣлами и выше вселенной начинается царство безконечное и божественное; и ученые, нападающіе на сверхъестественное въ религіи, руководствуются не логикою или дѣйствительнымъ знаніемъ, а лишь страстями. Впрочемъ, мы упоминаемъ объ этомъ мимоходомъ. Но мы не можемъ не сказать о тѣхъ главнѣйшихъ результатахъ, къ которымъ пришли ново-тюбингенцы въ своихъ критическихъ изысканіяхъ. Мы замѣтили уже, что тюбингенскіе критики первоначально примыкали къ гегельянству и даже выступили изъ гегельянскихъ идей. Известно, что Гегель вмѣстѣ съ Шеллингомъ отождествляли христіанскій догматъ объ искупленіи съ старою пантеистическою мыслию о тождествѣ безконечнаго съ конечнымъ и, говоря словами профессора Гренкова, Гегель смотрѣлъ на Иисуса Христа не какъ на лицо Божественное, но какъ на простаго человека, который былъ болѣе полнымъ носителемъ міроваго духа, той всемірной идеи, которая въ большей или меньшей степени присуща каждому человѣку. Въ своей смерти Иисусъ Христосъ отдалъ долгъ человѣческому и конечному; но онъ же возвѣстилъ о своемъ воскресеніи,—не томъ чувственномъ воскресеніи, о которомъ обыкновенно трагуютъ богословы, а воскресеніи духовномъ въ сознаніи общества, воскресеніи ученія въ духѣ своихъ послѣдователей. Подобное-же воскресеніе или безсмертіе Гегель допускалъ

и для каждаго человѣка; безсмертна у него одна лишь идея, а не личность. Но стоило только ново-тюрбингенцамъ усумниться въ бытіи этой идеи, въ бытіи міроваго духа, всемірной идеи, чтобы затѣмъ прійти къ страшнымъ результатамъ. Бауръ еще колеблется въ ученіи о лицѣ Іисуса Христа; но за то Штраусъ уже отождествляетъ Его съ мифомъ, а Ренанъ богохульно признаетъ Его лишь простымъ еврейскимъ раввиномъ. Въ концѣ же концовъ и Штраусъ и Ренанъ торжественно отрекаются отъ христіанства и на мѣсто этого ученія измышляютъ какое-то новое, космополитическое. Итакъ отверженіе предположеній, *Voraussetzungslosigkeit*, роковымъ процессомъ приводитъ ново-тюрбингенцевъ къ отверженію всего христіанскаго ученія.

Рядомъ съ ново-тюрбингенскою историческою критикою существуетъ, какъ мы уже замѣтили, еще другая критика, основанная или, по крайней мѣрѣ, желающая основываться на какихъ-то новоизмышленныхъ законахъ біологіи и социологіи. Если первая критика вооружена противъ религіознаго вѣрованія или лучше—противъ христіанской религіи, то вторая главнымъ образомъ вооружается противъ господствовавшихъ доселѣ понятій о человѣческой душѣ, противъ основныхъ психологическихъ положеній, противъ всей психологіи. Существенное или основное начало этой критики можно выразить въ слѣдующихъ словахъ Ренана: „Конечно надобно допустить, говоритъ онъ, гипотезу полнаго тождества (*homogène*) человѣческой природы. Гипотеза о томъ, что человѣчество въ главныхъ и существенныхъ свойствахъ своихъ всегда было такимъ, какимъ мы видимъ его теперь, заключаетъ въ себѣ извѣстную долю истины...; но она же заключаетъ въ себѣ также страшное заблужденіе, или лучше—она отвергаетъ основную истину, открытую современною намъ исторіею. Эта основная истина состоитъ въ томъ, что человѣчество не есть простой (*simple*) организмъ (*corps*) и не должно быть представляемо таковымъ... Въмѣсто того, чтобы признавать природу человѣческую, какъ ее признаетъ Тома Ридъ и Дюгальдъ Стюартъ, какимъ-то естественнымъ откровеніемъ, появившимся въ одинъ разъ и

навсегда, какою-то вдохновенною и совершенною библіею, существующею непрерывно съ перваго дня своего появленія,—въ наше время пришли къ убѣжденію, что природа человѣческая имѣетъ наслоенія и послѣдовательныя прибавки“ (*L'avenir de la metaphysique. Dialogues et fragments philosophiques*, p. 292). Эти послѣдовательныя наслоенія и прибавки до такой степени измѣняютъ естественную библію, написанную въ человѣческой природѣ, что отнимаютъ у ней всякій первоначальный или основной характеръ; другими словами, съ теченіемъ вѣковъ и прогрессомъ цивилизаціи, они до такой степени измѣнили и измѣняютъ человѣческую природу въ ея сущности, что всякая неизблемая, всегда тождественная и всегда неизмѣнная психологія становится совершенно невозможною. „Ваша теперешняя философія, говоритъ намъ эта критика, имѣетъ предметомъ своимъ человѣка абстрактнаго, отвлеченнаго, а не реальнаго, дѣйствительнаго, какимъ онъ является въ исторіи. Но это не научно. Наука не знаетъ человѣка въ себѣ самомъ, всегда неизмѣннаго, всегда тождественнаго; человѣкъ въ самомъ себѣ есть абстракція, отвлеченіе, между тѣмъ какъ наука всегда должна имѣть предметомъ своимъ нѣчто конкретное, реальное, являющееся въ исторіи. Итакъ не самонаблюденіе, а исторія въ обширномъ смыслѣ, исторія въ связи съ всеобщою антропологіею, біологіею и соціологіею—вотъ что должно создать истинную науку психологій“. Все дѣйствія человѣческія совершаются съ правильностію всѣхъ другихъ естественныхъ явленій; безъ этого пришлось-бы допустить или случай, или вліяніе сверхъестественныхъ причинъ или свободную волю,—этихъ трехъ дѣятелей, безусловно осужденныхъ современнымъ нашимъ развитіемъ и задерживавшихъ прогрессъ историческихъ наукъ. Человѣкъ вліяетъ на природу, равнымъ образомъ и природа вліяетъ на человѣка—вотъ единственные дѣятели исторіи въ обширномъ смыслѣ. Отсюда не трудно видѣть все тѣ страшныя послѣдствія, которыя сами собою вытекаютъ изъ подобныхъ положеній. Если нѣтъ человѣка самого въ себѣ, если нѣтъ души человѣческой съ ея неизмѣнными и вѣчными законами и стрем-

леніями, то, прежде всего, что такое будетъ человѣческая нравственность, о которой говорятъ намъ моралисты? Не болѣе какъ непрерывнымъ скандаломъ; и Ренанъ прямо говоритъ, что „исторія съ точки зрѣнія современной морали есть непрерывный скандалъ“. (*Avenir de la methaphysique*, p. 319). Это даже не скандалъ, а изображеніе разнообразныхъ страстей, къ которымъ никакія нравственныя требованія не могутъ и не должны быть предъявляемы. Что такое будутъ произведенія изящныхъ искусствъ, самыя геніальныя и самыя дорогія для человѣчества, если только перестанутъ видѣть въ нихъ воплощенія вѣчныхъ и неизмѣнныхъ идеаловъ человѣчества? Лишь поитеономъ странностей, порожденіемъ уродливой фантазіи или, говоря словами одного нашего реалиста, чѣмъ-то въ родѣ „сапоговъ въ смятку“, а не храмомъ вкуса, воплощеніемъ идей, нагляднымъ выраженіемъ благороднѣйшихъ стремленій человѣческаго духа. Что такое будутъ самыя науки? Собраніемъ положеній, правда, необходимыхъ при нынѣшнемъ развитіи человѣческой природы, но едва-ли дѣйствительныхъ и истинныхъ. Въ настоящее время, говоря словами Шерера, „у насъ все относительно, всѣ абсолютныя сужденія ложны... Въ настоящее время болѣе нѣтъ между нами ни истины, ни заблужденія. Для выраженія этихъ понятій надобно изобрѣсть другія слова. Мы видимъ повсюду лишь извѣстныя степенни и извѣстныя уклоненія отъ этихъ степеней; мы дошли до отождествленія самыхъ противоположностей. Мы не знаемъ единой религіи, а знаемъ лишь религіозныя вѣрованія; не знаемъ нравственности, а знаемъ лишь обычаи и нравы; не знаемъ началъ, а знаемъ лишь явленія. Абсолютное умерло въ нашихъ думахъ, и его воскресить его?“ Будемъ однакоже надѣяться, что современные намъ интеллигентные люди еще не вполне отказались отъ человѣческаго разума и что среди нихъ найдется еще достаточное число такихъ, которые предпочтутъ Тацита Протагору, истинныхъ историковъ современнымъ критикамъ, истинныхъ философовъ либеральнымъ софистамъ.

Впрочемъ, въ наше время ничто столько не вооружается про-

тивъ здраваго смысла, здоровой философіи и, слѣдовательно, противъ основныхъ началъ разума, какъ извѣстное направленіе, выдающее себя за научное, въ средѣ нѣкоторыхъ естествоиспытателей. Къ этому направленію примыкаетъ, въ немъ ищеть опоры и матеріалистическое міросозерцаніе, послѣ того какъ теоретическій матеріализмъ, выведенный путемъ дедуктивнымъ, оказался несостоятельнымъ; къ этому же направленію примыкаетъ и позитивизмъ, выступившій первоначально врагомъ всякой метафизики, но въ послѣднее время замѣтно склоняющійся къ матеріализму. Конечно, истинное естествознаніе не повинно въ грѣхахъ этого направленія, ничего не имѣеть общаго съ матеріализмомъ, и въ лицѣ лучшихъ естествоиспытателей даже тяготеетъ навязываемымъ ему сродствомъ съ матеріалистическими доктринами. Такіе естествоиспытатели, какъ Амперъ, Шеврель, Клодъ Бернаръ, Пастеръ и др. перѣдко выступали открытыми врагами матеріализма и предъявили міру работы и открытія, совершенно неровергающія основныя положенія матеріализма. Но за то есть другаго рода естествоиспытатели, которые открыто и смѣло становятся на сторону матеріалистическаго міросозерцанія и стараются поддержать его всеми правдами и неправдами. Особенно же сильное вліяніе на оживленіе современнаго матеріализма имѣлъ Дарвинъ своими новооткрытыми законами происхожденія вышнихъ организмовъ изъ низшихъ, полового подбора, борьбы изъ-за существованія и вообще теорією благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условій развитія организмовъ. Подъ вліяніемъ Дарвина, какъ говоритъ Анелісь, матеріалистическія системы создавались въ одну ночь и также быстро разрушались, какъ и возникали (*Zeitschrift für Philosoph.* В. XXIV. 5. 62). Впрочемъ, появлялись опыты, выдававшие себя за естественно-научныя системы въ строгомъ смыслѣ и желавшіе представить результаты естественно-научныхъ работъ въ послѣдовательной связи, въ системѣ, какъ самостоятельное естественно-научное философское міросозерцаніе. Къ числу подобныхъ опытовъ, типическихъ въ своемъ родѣ, надобно отнести сочиненія Герберта Спенсера, произ-

ведшія сильное впечатлѣніе не только въ Европѣ, но и у насъ. Скажемъ объ ученіи его нѣсколько словъ, такъ какъ оно нѣкоторымъ образомъ старается представить сводъ результатовъ, добытыхъ естественными науками, и выдаетъ себя за естественно-научную философію *). Повсюду, говоритъ Спенсеръ, существуетъ одинъ и тотъ же законъ, потому что по новой естественно-неучной теоріи нѣтъ различія между реальностями и ихъ явленіями, нѣтъ различныхъ сферъ бытія строго очерченныхъ, постоянныхъ и неизмѣнныхъ. Существуетъ одинъ законъ потому, что повсюду существуетъ одна и таже жизнь; и существуетъ одна жизнь потому, что повсюду проявляется одна и таже постоянная сила, видоизмѣняемая (*diversifiée*) до безконечности, и въ своихъ движеніяхъ наполняющая безконечное разнообразіе формъ, существъ и міровъ. Подъ вліяніемъ господства міроваго закона, эта единая и постоянная сила своими разнообразными движеніями преобразовывается въ видовыя силы, дающія бытіе всему существующему въ природѣ; силы физико-химическія напр. производятъ жизнь; силы біологическія производятъ чувствительность и мысль; силы индивидуальныхъ людей создаютъ силы социальныя; такъ что общество человѣческое въ сущности есть лишь одна изъ метаморфозъ безконечнаго разнообразія міровой силы, есть лишь, быть можетъ, мимолетный эпизодъ въ позѣ природы. Очевидно, взглядъ Спенсера чисто динамическій; одну и ту-же силу онъ видитъ какъ въ возникновеніи міровъ, такъ и въ появленіи человѣческихъ индивидуумовъ и человѣческихъ обществъ. Отсюда само собою становится понятно, какое значеніе должно занимать человѣчество въ этомъ случайномъ преобразованіи или видоизмѣненіи міровой силы. Это человѣчество, представлявшееся нѣкогда предметомъ особеннаго творенія и центромъ видимой природы, низводится теперь въ какую-то группу динамическихъ атомовъ, на минуту вызванныхъ въ жизни движеніями и видоизмѣненіями міровой силы. Если оно привлекаетъ вниманіе естество-

*) Ученіе Спенсера мы излагаемъ по Каро. См. его: *Problèmes de morale sociale*. Paris, 1876. p. 340—349.

испытателей, то лишь потому, что человѣческіе атомы участвуютъ въ жизни вселенной, составляютъ часть этой жизни, и только съ этой точки зрѣнія жизнь этихъ атомовъ имѣетъ свой интересъ и должна имѣть свою исторію. Какъ-же должна относиться наука въ жизни этихъ атомовъ? Науки, по крайней мѣрѣ социальныя науки, должны разсматривать человѣчество съ того момента, когда оно, появившись изъ мистическихъ пѣдръ природы, пріобрѣтаетъ особенныя, отличительныя свойства или черты, и продолжать это разсмотрѣніе до того момента, когда индивидуальность человѣческой группы теряется во всемъ безъ формы, начала и конца вещей. Переходи отъ астрономіи къ геологіи, отъ геологіи къ фізіологіи, которыя въ сущности суть лишь системы движеній міровой силы, движеній разнообразно видоизмѣняемыхъ и соединяемыхъ,—эти движенія даютъ бытіе послѣдовательно разнообразнымъ существамъ и формамъ, производятъ то, что мы называемъ рожденіемъ и смертію какъ индивидуумовъ, такъ и цѣлыхъ обществъ. По какому-же закону совершается развитіе этой единой силы или всеобщей жизни? По закону *эволюціи*, отвѣчаетъ Спенсеръ. Эта эволюція, которую Каро шутливо отождествляетъ съ *революціею* въ умственномъ отношеніи, въ свою очередь управляется или выражается тремя всеобщими міровыми законами. Таковъ прежде всего законъ *интеграціи*, т. е. восполненія цѣлаго приростами, умноженія и увеличенія цѣлаго новыми частями. Интеграція, обнаруживающаяся повсюду въ природѣ, въ сущности есть перемежна состоянія разрѣженности въ состояніе сгущенности, разъединенія въ соединеніе, есть движеніе къ сосредоточенію (концентраціи). Подобно тому, какъ растеніе увеличивается по мѣрѣ сосредоточиванія въ себѣ элементовъ, существующихъ первоначально въ газообразномъ состояніи, т. е. въ состояніи разсѣянія, или подобно тому какъ животное возрастаетъ, сосредоточивая въ себѣ эти-же элементы, разсѣянныя въ разныхъ растеніяхъ и низшихъ животныхъ, подобно этому и жизнь человѣческихъ обществъ укрупняется, возрастаетъ и увеличивается по мѣрѣ большаго и большаго объединенія человѣческихъ группъ,

начиная съ отдѣльныхъ семействъ, племенъ, народовъ и восходя до идеи европейскаго союза, каковая идея въ сущности есть лишь болѣе обширная интеграція. Тоже самое движеніе происходитъ одновременно и въ различныхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. Усовершенствованіе языка, искусствъ промышленныхъ, эстетическихъ, наукъ и пр. служитъ какъ-бы каталогомъ постоянныхъ приращеній и восполненій, совершающихся внутри человѣческихъ группъ. Таковъ первый законъ эволюціи. Второй законъ состоитъ въ измѣненіи состоянія тождества (*homogène*) въ состояніе различенія (*hétérogène*). Этотъ законъ, ясно обнаруживающійся во всѣхъ явленіяхъ астрономическихъ (въ развитіи планетъ) и геологическихъ (въ развитіи пластовъ земли), обнаруживается также въ органическомъ мірѣ постепенно болышимъ и болышимъ развитіемъ частей организмовъ, постепеннымъ возрастаніемъ въ нихъ новыхъ органовъ и новыхъ отиравленій. Онъ сказывается также ясными чертами въ исторіи рода человѣческаго умноженіемъ расъ, возникновеніемъ въ каждой человѣческой группѣ различія между способностями и ихъ проявленіями, между управляющими и управляемыми, между церковью и государствомъ, между различными сословіями и обществами, составляющими собою единое органическое цѣлое. Третій законъ состоитъ въ ограниченіи проявленій втораго закона. Въ то время какъ совершается переходъ тождества въ различіе, въ это-же самое время идетъ ограниченіе развивающагося различія, которое иначе перешло-бы въ совершенное противоположеніе. По этому закону не только умножается и возрастаетъ различеніе частей цѣлага, но въ тоже время эти различныя части пріобрѣтаютъ опредѣленную устойчивость (*nettetè*), по которой строго согласуются между собою и со всѣмъ цѣлымъ въ строгомъ единствѣ. Эта послѣдняя формула эволюціи должна быть названа столько-же физическою, физиологическою, сколько и общечеловѣческою, потому что общество человѣческое опредѣляется прежде всего извѣстною мѣстностію, гдѣ напр. прекращается его первоначальная кочевая жизнь, опредѣляется затѣмъ извѣстною территоріею, отдѣляющею одинъ

народъ отъ другаго, а также возникновеніемъ сословіи, обществъ, отиравленій, умножающихся первоначально случайно, безъ точнаго правила и опредѣленной цѣли. Такимъ-то образомъ создается и образуется индивидуальная національность. Намъ нѣтъ надобности слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ закона эволюціи во всѣхъ сферахъ жизни природы и жизни человѣческой. Замѣтимъ только, что этотъ естественно-научный законъ имѣетъ большое сходство съ гегелевскимъ закономъ развитія, съ самоположеніемъ (werden) абсолютнаго духа, — съ тѣмъ только различіемъ, что гегелевскій законъ выводится на основаніи субъективныхъ началъ, между тѣмъ какъ спенсеровскій выводится объективно, на основаніи опытовъ естественныхъ наукъ; гегелевскій законъ ведетъ къ признанію прогресса, допускаетъ развитіе самосознанія, между тѣмъ какъ у Спенсера отрицается это ученіе, потому что повсюду существуетъ только эволюція, но нѣтъ никакого прогресса. Спросимъ теперь, что такое эта единая сила, которая, какъ говоритъ Спенсеръ, развивается по закону всемірной эволюціи? Не есть-ли она тотъ-же абсолютный духъ Гегеля? Нисколько. Сущность силы намъ неизвѣстна; мы знаемъ ее только въ явленіяхъ; но то, что намъ извѣстно о ней, не можетъ быть отождествлено съ проявленіями духа или идеи, потому что сила эта очень реальна и слѣдно подчинена закону эволюціи. Спросимъ еще вмѣстѣ съ Каро: на какомъ основаніи и почему эта постоянная и однообразная міровая сила, подчиненная необходимому закону развитія, злоупотребляетъ своимъ всемогуществомъ, изводя изъ себя силы противоположныя и затѣмъ подвергая ихъ уничтоженію? Почему движенія силъ постоянно преобразовываются и видоизмѣняются какъ въ планетахъ, вращающихся въ своихъ орбитахъ, такъ и въ эфирныхъ молекулахъ при ихъ волненіяхъ? Если все подчинено эволюціи, возникновенію и уничтоженію, рожденію и смерти, то не подчинена-ли этому закону и сама эволюція? Состояніе полнаго прекращенія движенія, называемое смертію и останавливающее эволюцію въ органическихъ тѣлахъ, не должно-ли быть признаваемо типомъ всемірной смерти, въ нѣдрахъ ко-

торой разрушится всемірная эволюція? Не должны-ли мы представлять всеобщій конецъ, всеобщую смерть подъ образомъ безконечнаго пространства, наполненнаго потухшими и неподвижными солнечными системами? Или этотъ воображаемый нами конецъ будетъ началомъ новой жизни, возникновеніемъ новыхъ міровъ, о которыхъ міры прежніе, потухшіе не могутъ сообщить намъ ни малѣйшей идеи? Эти и подобныя вопросы остаются у Спенсера не разрѣшенными и оставляютъ читателя въ глубокомъ и томительномъ мракѣ.

Мы старались представить главныя преобладающія направленія философской, или лучше—модной научной мысли современнаго намъ общества. Полагаемъ, читатель самъ можетъ судить теперь, насколько мы были правы, усвоая этому направленію названія интеллигентнаго и остерегаясь назвать его разумнымъ, рациональнымъ. Когда ограничиваютъ свое знаніе однимъ лишь формами разсудочнаго пониманія, когда хотятъ изучать одни лишь явленія въ ихъ связи и послѣдовательности, ничего не желая знать о ихъ сущностяхъ, когда отвергаютъ законы причинности, чтобы на основаніи ихъ не иррйти къ принципѣ безусловной, вѣчной и неизмѣнной; словомъ, когда отвергаютъ міръ идеальный, планосообразность и цѣлесообразность міроваго бытія,—тогда, очевидно, не даютъ надлежащаго значенія человѣческому разуму, пренебрегаютъ его требованіями, законами и глубочайшими стремленіями; тогда едва-ли достаточно уважаютъ себя и свое человѣческое достоинство, едва-ли довѣряютъ своему собственному духу; потому что, говоря словами Шульце, „весь умопостигаемый нами міръ, начывая отъ насъ самихъ и простираясь до отдаленнѣйшей неподвижной звѣзды, есть ничто иное какъ разумный феноменъ, явленіе въ нашемъ духѣ. Познаваемый нами міръ существуетъ для насъ не внѣ нашего духа; онъ существуетъ для насъ въ нашемъ духѣ, при посредствѣ представленій нашего духа“.

(Philos. d. Naturw. 11, 61) Современный интеллигентный человѣкъ не хочетъ знать этого разумнаго феномена, ограничиваясь пониманіемъ однихъ только эмпирическихъ явленій. Онъ бѣжитъ отъ

началь здоровой философіи, чтобы отождествить свой разумъ съ интеллектомъ высшихъ созданій природы. Откуда-же происходитъ это направленіе мысли современнаго намъ общества? Не есть-ли оно необходимый результатъ прогресса наукъ? Намъ кажется, что даже изъ нашего бѣглаго очерка этого направленія ясно открывається, что оно не имѣетъ ничего общаго съ истинною наукою, что оно утверждается на произвольно принимаемыхъ положеніяхъ, что оно выражаетъ собою духъ времени, а не необходимый прогрессъ наукъ. Если на западѣ, кромѣ разныхъ случайныхъ причинъ, оно обязано своимъ развитіемъ упадку философіи и быстрымъ успѣхамъ естественныхъ наукъ; то у насъ оно могло возникнуть отъ совершенно противоположныхъ причинъ. У насъ оно держится именно недостаточнымъ знакомствомъ съ философіею и слѣбною вѣрою въ прогрессъ естественныхъ наукъ; у насъ оно есть плодъ свойственной намъ подражательности западу, а не философскаго разочарованія или увлеченія успѣхами естественныхъ наукъ. „Теперь, говоря словами преосвященнаго Амвросія, вмѣсто философіи въ обширномъ смыслѣ мы видимъ у себя въ печати (и въ жизни, прибавимъ мы) наплывъ эмпиризма, позитивизма, матеріализма, а въ качествѣ политическихъ системъ,—соціализма, принявшаго дикій, разрушительный характеръ. Намъ скажутъ: развѣ не видите, что появляются молодые философы новыхъ направленій? Увы, не на радость, отвѣтимъ мы. Шаткость мысли, неопредѣленность и туманность идей, а главное тоже смѣшеніе идей христіанскихъ съ философскими, и въ добавокъ еще стремленіе тайны христіанскаго ученія облекать въ философскія понятія и формулы,—вотъ характеристика направленія нашихъ новыхъ философовъ-раціоналистовъ“. *) Это продуктъ той же неподготовленности къ философскому мышленію, того же поверхностнаго знакомства съ истинною наукою, которыя должны быть признаны характеристическими чертами современной намъ интеллигентной, но не рациональной мысли у насъ.

*) См. „Два публичныхъ чтенія о свободѣ печати съ точки зрѣнія православной Церкви. Амвросія, епископа Дмитровскаго. Москва, 1852. Стр. 40.

Итакъ, что же дѣлать при подобномъ направленіи разума современнаго намъ общества? Чѣмъ предохранить это общество отъ односторонности, увлеченія и заблужденій? Намъ кажется, какъ мы уже замѣтили, этого можно достигнуть двойнымъ путемъ,—путемъ органическаго положительнаго развитія и изложенія разумнаго міросозерцанія и путемъ отрицательнаго или критическаго отношенія ко всѣмъ заблужденіямъ мысли современнаго намъ общества. Какъ бы ни было сильно распространено въ обществѣ то или другое заблужденіе, какъ бы ни были увлекательны для него тѣ или другія модныя теоріи, но это общество не можетъ отказаться отъ истины, если только истина будетъ освѣщена для него достаточно ясно и раскрыта убѣдительно и наглядно. Намъ кажется, что самыя заблужденія и увлеченія его происходятъ не изъ какой-то вражды къ истинѣ, а лишь отъ недостатка знакомства съ нею, отъ господствующей шаткости мысли, неопредѣленности и туманности идей. Намъ кажется, наконецъ, что уже первымъ своимъ книжкамъ журналъ нашъ достаточно ясно намѣчаетъ путь, которымъ думаетъ идти въ дѣлѣ изложенія, уясненія и развитія истины, достаточно опредѣляетъ главный характеръ свой и свое главное направленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, когда г. Кудрявцевъ понимаетъ философію какъ „науку объ абсолютномъ и идеяхъ, разсматриваемыхъ въ отношеніи къ абсолютному, въ ихъ взаимной связи и въ проявленіи въ бытіи феноменальномъ“ („Вѣра и Разумъ“, кн. 2, стр. 90); то этимъ самымъ онъ ясно очерчиваетъ главный характеръ и главное направленіе философскаго отдѣла нашего журнала. Это философія не только идеалистическая, но и реальная; она одинаково касается міра идей и міра феноменовъ, но-сколько въ нихъ отърывается идея. Или, говоря словами г. Кудрявцева, „какъ царство міра идеальнаго представляетъ собою гармоническую систему взаимно связанныхъ между собою идей, сосредоточивающихся въ высшей идеѣ абсолютнаго; такъ и отраженіе этого міра въ познаніи—философія должна быть стройнымъ, систематическимъ объединеніемъ всѣхъ тѣхъ идеальныхъ элемен-

товъ, которые могутъ содержаться въ отдѣльныхъ наукахъ. Она должна дать намъ не только разрозненные опыты философіи той или другой науки, но единое, цѣльное философское міросозерцаніе“ (ibid. стр. 95). Конечно, такая наука, чуждающаяся современныхъ намъ односторонностей, равно обращающая свой взоръ на міръ идеальный и феноменальный, соединяющая и тотъ и другой міръ въ единствѣ стройной системы, — такая наука, говоримъ, есть идеаль наука, есть идеаль человеческого знанія; но журналъ нашъ не можетъ отказаться отъ своего послѣдняго служенія этому идеалу. Объявивъ себя одновременно органомъ вѣры и разума, истиннаго знанія и приведенія разума къ единенію съ вѣрою, журналъ нашъ хотѣлъ-бы стремиться къ осуществленію этого идеала, на сколько будетъ для насъ это возможно и по нашему крайнему разумѣнію. Осуществимъ-ли предносящійся предъ нашимъ взоромъ идеаль? По спламъ-ли эта задача не только для нашего журнала, но и вообще для человеческого ума? „Такой вопросъ, говоритъ въ другой статьѣ своей г. Кудрявцевъ, невольно возникаетъ въ насъ, когда вспомнимъ, что на одномъ полюсѣ этого идеального міра стоитъ абсолютное начало бытія, по самому понятію своему недоступное во всей полнотѣ своего бытія и совершенствѣ ограниченному уму и знанію; на другомъ полюсѣ— безконечное разнообразіе явленій дѣйствительности, по отношенію къ которымъ, какъ высшее идеальное требованіе отъ философіи, мы выставили однако-же объясненіе ихъ съ философской точки зрѣнія, такъ какъ ничему реально существующему не чуждъ идеаль элементъ; все имѣетъ свой смыслъ, свое значеніе въ общемъ строѣ бытія“ (ibid. кн. III, стр. 130). Нельзя, кажется, глубже, яснѣе и отчетливѣе представить всѣхъ трудностей, предстоящихъ философскому отдѣлу нашего журнала при осуществленіи своихъ задачъ. Г. профессоръ совершенно правъ. Но существованіе этихъ трудностей не должно быть преувеличиваемо. Уже-ли предстоящія журналу трудности должны ослаблять энергію въ борьбѣ съ ними или даже совершенно разрушать ее? Во всякомъ случаѣ мы сочли бы себя истинно счастливыми, если-бы въ противоположность

ложному или ошибочному направленію современной мысли, могли приблизить нашихъ читателей къ болѣе ясному, отчетливому и цѣльному пониманію доступной человѣку истины: если-бы могли читателямъ понять все сущее въ гармоніи, связи и глубочайшемъ единствѣ, на сколько это будетъ для насъ возможно. Идеаль, конечно, навсегда останется идеаломъ; но цвѣтная доля реальной истины можетъ и должна быть признана и въ разнообразныхъ выраженіяхъ идеала. Во всякомъ случаѣ, только при правильномъ пониманіи и изложеніи философіи читатели ясно могутъ убѣдиться, что нельзя безнаказанно, въ смыслѣ позитивизма, матеріализма и еретицизма, отвергать начало здоровой философіи безъ того, чтобы этимъ не нанести существеннаго вреда всѣмъ остальнымъ наукамъ. Только при свѣтѣ здоровой философіи можно понять, что естественныя науки, изучая доступную имъ и обширную область бытія, должны ограничиться лишь своею областію изслѣдованія, отдаться лишь наблюденіямъ видимыхъ явленій и изученіемъ ихъ законовъ и не должны принимать на себя рѣшенія высшихъ проблемъ человѣческаго духа, недоступныхъ для нихъ ни по свойственному имъ методу изслѣдованія, ни по наблюденію; только при знаніи философіи можно предохранить себя отъ индукцій странныхъ, ложныхъ и заключеній пристрастныхъ или тенденціозныхъ; только при ней можно избѣгать въ отношеніи къ высшимъ проблемамъ, утвержденій или отрицаній, превышающихъ компетенцію той или другой естественной науки въ частности. Философія, воспользовавшись результатами, добытыми остальными науками и осветивъ ихъ высшимъ смысломъ, провѣривъ ихъ своимъ методомъ, согласивъ съ требованіями всѣхъ силъ человѣческаго духа и всѣхъ наукъ, предложитъ рѣшеніе проблемъ всеобщее, наиболѣе достоверное и наиболѣе плодотворное какъ для науки, такъ и для жизни. Наконецъ, одна только здоровая философія можетъ указать вѣрный путь и правильную цѣль критическому направленію нашего времени. Эта современная намъ критика, столь пристрастная и столь беспощадная, равно отвергающая все святое и все высокое въ человѣчествѣ,

только при руководствѣ здоровой философіи, пойметъ, что очень легко разрушать все и очень трудно созидать, что безъ неизблennyxъ идей она можетъ приводить лишь къ атеизму, къ отрицанію человѣческой нравственности и въ концѣ концовъ непременно лишитъ исторію человечества всякаго смысла и всякаго значенія. Таковы несомнѣнныя услуги, оказываемыя здоровою философіею и наукѣ и жизни.

Повторяемъ, мы признали-бы себя истинно счастливыми, если бы могли, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, способствовать развитію этого новаго и болѣе благотворнаго направленія общественной мысли. Конечно, мы находимся еще при самомъ началѣ нашего обширнаго труда; мы успѣли пока дать своимъ читателямъ не болѣе какъ предварительныя понятія, необходимыя для органическаго развитія и построения цѣльнаго философскаго міросозерцанія. Но уже и то, что было дано нами въ первыхъ трехъ книжкахъ *), по нашему мнѣнію, достаточно опредѣляетъ главный характеръ и главное направленіе нашего журнала, — достаточно доказываетъ, что мы хотѣли-бы быть отзывчивыми къ глубочайшимъ запросамъ современной мысли и жизни. Къ сожалѣнію, нашъ рецензентъ не видитъ этого или видитъ недостаточно ясно; онъ называетъ превосходныя статьи профессора Кудрявцева не болѣе, какъ *чтеніями* и *лекціями* по философіи, и ждетъ выясненія значенія ихъ для нашего журнала лишь съ дальнѣйшимъ помѣщеніемъ ихъ въ этотъ журналъ. Когда рецензентъ, говоря объ этихъ „лекціяхъ или чтеніяхъ“, печатаемыхъ въ нашемъ журналѣ, недостаточно освѣщаетъ ихъ, когда ни слова не говоритъ о томъ значеніи, какое они могутъ имѣть при современномъ одностороннемъ направленіи мыслей нашего общества, тогда, какъ кажется намъ, онъ оцѣниваетъ ихъ не надлежащимъ образомъ, хотя и называетъ ихъ „вообще интересными очень“. Возможно даже опасеніе, чтобы подобными выраженіями своимъ, конечно не намѣренно, онъ не способствовалъ ошибочному пониманію ихъ глубокаго научнаго достоинства и полной отзывчивости къ современнымъ запросамъ философской

*) Теперь уже читатели видятъ и болѣе. *Ред.*

мысли. Въдѣ публика наша вообще такъ предубѣждена противъ разнаго рода лекцій и чтеній и склонна скорѣе видѣть въ нихъ воспитательный, историческій и даже археологическій интересъ, чѣмъ глубоко-научный, жизненный и современный!... Итъ, статья г. Кудрявцева не только суть „лекцій и чтенія, вообще очень интересныя“, какъ выражается рецензентъ, но и—постановка философской науки на новыхъ началахъ, всеобщихъ, неизбѣжныхъ, имѣющихъ глубокий и современный интересъ. Если-бы даже статьи профессора Кудрявцева были не болѣе, какъ лекцій или чтенія, то это, полагаемъ, нисколько не уменьшало-бы ни ихъ научнаго достоинства, ни глубокаго значенія для современнаго намъ общества, или лучше—для современнаго направленія научной мысли. Не должна-ли высшая школа, гдѣ читается лекція, оказывать просвѣтительное вліяніе на современное намъ общество? Не въ этомъ-ли состоитъ даже ея призваніе? Во всякомъ случаѣ намъ представляется страннымъ и даже наивнымъ критическій пріемъ Чернышевскаго, когда онъ, желая уронить превосходную статью покойнаго Н. Д. Юркевича: „Нѣчто изъ науки о человѣческомъ духѣ“, написанную въ опроверженіе его „Антропологическаго принципа въ психологіи“, назвалъ эту статью школьными тетрадками, лекціями, или записками по указанной наукѣ, и имѣлъ смѣлость предлагать покойному профессору свои новенькія книжечки съ цѣлію поучить его уму-разуму. Достоинство статьи должно быть опредѣляемо достоинствомъ ея мыслей, ея содержанія, а не тою или другою литературною формою или временемъ и мѣстомъ ея появленія.

До сихъ поръ мы говорили объ органическомъ или положительномъ изложеніи или развитіи философіи и о томъ значеніи, какое это развитіе можетъ и должно имѣть для науки и жизни вообще. Но кромѣ этого общаго значенія, философія можетъ имѣть сильное вліяніе на то или другое общество въ частности, при наличныхъ условіяхъ жизни этого частнаго общества, при своеобразномъ складѣ его понятій, симпатій и антипатій, господствующихъ воззрѣній и предрасположеній. Каждое общество, конечно, прежде всего

живетъ общечеловѣческой жизнью, но въ тоже время оно живетъ и своею индивидуальною, особенною ему только свойственною жизнью. Этому же закону, безъ сомнѣнiя, подчинено и наше современное намъ общество. Понять эту индивидуальную, особенную жизнь, выяснитъ причины своеобразнаго склада понятiй, симпатiй, антипатiй и предрасположенiй нашего общества, способствовать развитiю и укрѣпленiю добрыхъ сторонъ его воззрѣнiй и содѣйствовать ослабленiю или прекращенiю дурныхъ, — вотъ тоже задача, достойная философскаго отдѣла нашего журнала и вообще всякой здравой философи. Не даромъ же философию признаютъ учительницею и руководительницею жизни. И было время, когда философи занимала именно такое положенiе не только среди европейскихъ обществъ, но частiю и у насъ. Было время, когда философи, говоря словами преосвященнаго Амвросiя, „прекрасно привилась было у насъ въ началѣ нынѣшняго столѣтiя въ духовныхъ академiяхъ и сдѣлала въ воспитанiи юношества большiе успѣхи трудами Сидонскаго, Голубинскаго, Скворцова, Карпова и другихъ профессоровъ философи. Тоже направленiе одновременно, хотя не съ такою строгостiю, держалось и въ философскихъ факультетахъ нашихъ университетовъ. Въ сороковыхъ годахъ нанесенъ былъ смертельный ударъ философи въ нашемъ отечествѣ изгнанiемъ ея изъ университетовъ и среднихъ учебныхъ заведенiй, въ которыхъ элементарное преподаванiе ея отлично готовило молодые умы къ философскому мышленiю. Мы убоялись послѣдствiй ложныхъ философскихъ воззрѣнiй, обнаружившихся въ политическихъ волненiяхъ западной Европы и, утративъ завѣщенный намъ отцами Церкви способъ поражать ложную философи, при свѣтѣ Откровенiя, ея собственнымъ оружиемъ, оказались безсильными въ борьбѣ съ самыми грубыми философскимъ ученiями, и стали жертвою тѣхъ же самыхъ политическихъ волненiй. Это бѣдствiе, котораго нельзя оплакать довольно“. *) Ужели это бѣдствiе непоправимо? Ужели-ли бывшее значенiе философи ей не можетъ быть возвращено въ нашемъ обществѣ? Мы этого не думаемъ.

*) См. уже приведенныя нами „два публич. чтенiя и пр.“ стр. 39.

Какъ-бы то ни было, только журналъ нашъ именно имѣеть въ виду это бѣдственное состояніе нашего общества и желалъ-бы противодѣйствовать этому бѣдствію по мѣрѣ своихъ силъ и по своему крайнему разумію. Это направленіе нашего журнала, которое надобно назвать, по его главной цѣли, критическимъ или полемическимъ, всего яснѣе открывается изъ превосходной статьи почтеннаго профессора П. П. Липницкаго: „Критическій обзоръ обычныхъ взглядовъ и сужденій о различныхъ видахъ общественной дѣятельности и началахъ общественнаго благоустройства“. Его статья есть самый живой и самый благовременный отвѣтъ на ходячіе и жгучіе вопросы нашего общества, рѣшаемые иногда столь неправильно, столь пристрастно и односторонне. Профессоръ говоритъ, что „подобно тому, какъ на рынкѣ на ряду съ доброкачественнымъ товаромъ свободно обращается и находятъ сбытъ и товаръ никуда негодный, также точно и въ сферѣ общественной жизни обращаются всякаго рода мнѣнія и воззрѣнія по вопросамъ, всѣхъ интересующимъ—и достойныя уваженія и недостойныя, и имѣющія цѣнность дѣйствительную, и имѣющія цѣнность мнимую“. И само собою понятно, каковы должны быть эти мнѣнія и воззрѣнія среди того общества, которому думать или „некогда“, или „утомительно“, или даже „дѣло не привычное“. Эти мнѣнія и воззрѣнія создаются быстро, на лету и мимоходомъ. А между тѣмъ предметы, по поводу которыхъ они создаются, требуютъ особенной, усиленной работы мысли и особенныхъ пріемовъ мышленія, остающихся для многихъ совершенно неизвѣстными. „Дѣло въ томъ, какъ справедливо говоритъ профессоръ, что какъ и всякое занятіе высшаго порядка,—работа мысли, или то, что на философскомъ языкѣ называютъ *мышленіемъ*, есть особаго рода искусство, овладѣть которымъ не возможно безъ нарочитаго и продолжительнаго труда и безъ усвоенія относящейся къ этому искусству теоріи. Задача и сущность этого искусства заключается въ томъ, чтобы обсуждать данный вопросъ или извѣстное явленіе въ жизни не какъ-нибудь, не произвольно, а систематически, т. е. по извѣстному плану, при чемъ

и самый этотъ планъ долженъ быть не пзмышленъ произвольно, а извлеченъ, разумѣется при посредствѣ мысли, такъ связать, изъ натуры самаго предмета, подлежащаго разсмотрѣнію“. Этиму-то методомъ и пользуется г. Липицкій при обсужденіи господствующихъ среди нашего общества модныхъ воззрѣній на различные виды общественной дѣятельности и начала общественного благоустройства. Мы не имѣемъ надобности касаться содержанія этой превосходной статьи, вполне жизненной и вполне современной. Замѣтимъ только, что г. Липицкій обсуждаетъ обращающіяся въ нашемъ обществѣ воззрѣнія по указаннымъ вопросамъ на основаніи высшихъ началъ философіи, освѣщаетъ ихъ философскимъ свѣтомъ и рѣшаетъ ихъ съ необычною въ нашей литературѣ топкостію анализа, глубиною, ясностію и убѣдительностію. Словомъ, статья г. Липицаго принадлежитъ перу дѣйствительнаго философа, а не дилетанта или случайнаго писателя. Нашъ рецензентъ тоже отзывается объ этой статьѣ въ лестныхъ выраженіяхъ; говоритъ, что она представляетъ большой интересъ, стоитъ въ органической связи съ направленіемъ журнала, поставленнаго такъ хорошо и логично, и даже приводитъ для характерности ея выдержку о свободѣ печатнаго слова. Все это, конечно, очень вѣрно; и все это, однако-же, какъ полагаемъ мы, еще ничего не говоритъ о философскомъ рѣшеніи этихъ вопросовъ, о философскомъ освѣщеніи ихъ, и, слѣдовательно, еще недостаточно ясно характеризуетъ критическое направленіе философскаго отдѣла нашего журнала. Намъ даже кажется, что приводимыя рецензентомъ изъ статьи отрывочныя, лишенныя философскаго освѣщенія выдержки о свободѣ печатнаго слова едва-ли могутъ предрасположить читателей къ философскому рѣшенію подобныхъ вопросовъ или, по крайней мѣрѣ, едва-ли могутъ сообщить имъ полное и ясное понятіе о философскомъ рѣшеніи ихъ, и едва-ли могутъ сдѣлать это потому, что являются слишкомъ отрывочными, безъ приведенныхъ профессоромъ Липицкимъ осново-положеній, а между тѣмъ касаются вопроса самаго щекотливаго и жгучаго для нашего общества... Если-бы это случилось, то это было-бы очень нежелательно для нашего журнала.

Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ о переводныхъ статьяхъ изъ классическихъ писателей по поводу помѣщаемыхъ въ нашемъ журналѣ въ русскомъ переводѣ писемъ философа Сенеки. Рецензентъ говоритъ, что письма Сенеки служатъ прекраснымъ окончаніемъ каждой книжки журнала, такъ какъ въ этихъ письмахъ слышится голосъ древняго язычества, громко говорящій противъ современныхъ *противоправственныхъ* и *антирелигіозныхъ* принциповъ нѣкоторыхъ членовъ общества. Это совершенно вѣрно въ отношеніи къ нѣкоторымъ членамъ нашего общества. Столько-же вѣрными надобно признать сужденія рецензента, когда онъ, вмѣстѣ съ переводчикомъ писемъ, говоритъ, что въ письмахъ этихъ можно находить указаніе къ достиженію блага или счастья, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наглядное доказательство того, что умъ естественнаго человѣка весьма могучъ и высокъ, но безъ божественной помощи и свѣта, самъ по себѣ, безсильнъ создать счастье человѣка и выполнить свои высокія цѣли, и что только при свѣтѣ христіанскаго ученія наставленія Сенеки могутъ служить во многихъ частныхъ случаяхъ руководствомъ къ счастливой жизни и указать тотъ путь, который ведетъ къ истинному счастью и истинному благу. Повторяемъ, все это очень вѣрно. Но когда рецензентъ утверждаетъ, что Сенека „гораздо умнѣе многихъ изъ современныхъ издѣвателей природы“: что въ его письмахъ выражается „грозный упрекъ и насмѣшка современнымъ матеріалистамъ, которые ставятъ своимъ принципомъ положеніе: „чего я не вижу, того и не признаю“; что этотъ язычникъ, „жившій столь много вѣковъ ранѣе нашего времени, учитъ современныхъ мудрецовъ вѣка сего“: то намъ кажется, рецензентъ преувеличиваетъ значеніе писемъ стоическаго философа Сенеки. Читатель, незнакомый съ стоическою философіею, можетъ и въ самомъ дѣлѣ подумать, что этой философіи совершенно достаточно для опроверженія или исправленія разныхъ уклоновъ современнаго направленія европейской мысли, что ничего болѣе жизненнаго, разумнаго и современнаго въ опроверженіе господствующихъ заблужденій современная здравая философія

не можетъ и сказать, что безъ писемъ Сенеки пришлось-бы, пожалуй, закрыть философскій отдѣлъ нашего журнала, пробавляться кое-чѣмъ, повторять старые зады. Подобныя сужденія, конечно, были-бы очень наивны; но они возможны при современномъ незнакомствѣ съ философіею вообще и при ненадлежащемъ освѣщеніи значенія классической философій для современнаго намъ общества. Именно это и заставляеть насъ сказать нѣсколько словъ о классической философій, въ особенности послѣдняго періода, и о томъ значеніи, какое эта философія можетъ имѣть для философскаго отдѣла нашего журнала, или лучше — для современнаго движенія правильной научной мысли.

Существенный характеръ классической философій, говоря вообще, состоитъ въ томъ, что классики признавали внешнимъ, важнѣйшимъ и главнѣйшимъ въ природѣ не физическій міръ, а этический или нравственный, и на человѣка смотрѣли, какъ на средоточный пунктъ этого послѣдняго міра; все существуетъ для человѣка и только для него одного. Это была пора юношескаго сознанія своихъ силъ и даже преувеличеннаго взгляда на эти силы; надобно было быть только мудрымъ, философомъ, мудрецомъ, — и счастье представлялось такъ возможнымъ, такъ осуществимымъ!... Но мало-по-малу съ теченіемъ времени это свѣтлое настроеніе философій смѣняется мрачнымъ, тяжелымъ и мучительнымъ. По словамъ Гаусрата, отчаяніе и скорбь, безнадежность и недоувѣріе къ собственнымъ силамъ — вотъ отличительныя черты умственной жизни въ ту эпоху, когда жилъ Сенека (Neutestamentliche Zeitgeschichte. B. 1. 1868. B. 2. 1872). Это мрачное настроеніе равно проникаеть всѣ тогдашнія философскія школы: скептическую, эпикурейскую и стоическую. „Мудрецъ, говоритъ Секетъ Эмпирикъ, — не считаетъ возможнымъ рѣшить, что хорошо и что дурно, и именно потому достигаетъ спокойствія духа. Кто признаеть одно хорошимъ, другое — дурнымъ, тотъ никогда не можетъ успокоиться; сегодня ему недостаетъ хорошаго, завтра надъ нимъ тяготѣеть дурное. Наоборотъ, кто не рѣшилъ для себя вопроса о дурномъ и хорошемъ, тотъ ничего не ищетъ и ничего не избѣгаетъ, а остается невозмутимымъ“.

Эпикуреизмъ, для котораго первоначально весь міръ былъ веселымъ шпротомъ, песточникомъ непрерывныхъ и разнообразныхъ удовольствій, тоже приходитъ къ убѣжденію, что истинное и полное счастье недостижимо, что его надобно искать въ добродѣтели, т. е. въ мудрости, что эта мудрость состоитъ въ предпочтеніи мимолетныхъ удовольствій болѣе прочнымъ, продолжительнымъ и полнымъ. Наконецъ, стоицизмъ, сравнивавшій первоначально своего мудреца съ богами и учившій о внутреннемъ невозмутимомъ счастіи этого мудреца, въ концѣ концовъ приходитъ къ убѣжденію, что мудрецъ можетъ быть лишь *свободнымъ*, т. е. не можетъ пасть подъ ударами несчастія; потому что для него, какъ и для эпикурейскаго мудреца, всегда открытъ выходъ изъ этого міра: *patet exitus*. „На днѣ каждой стремнины,—говорилъ своимъ послѣдователямъ стоикъ Эпиктетъ,—куда ты можешь низринуться, на первомъ сукѣ любого дерева, на которомъ ты можешь задержать петлю для самоубійства, простраетъ къ тебѣ руки твоя свобода отъ всѣхъ возможныхъ золъ“. Такимъ образомъ, говоря словами Мартензена: „мудрость древняго міра открыла свое шествіе тѣмъ, что мечтала объ идеалѣ гуманности, котораго искала и котораго не находила, и закончила тѣмъ, что, усумнившись въ своихъ силахъ, истощилась въ безднѣ“.

Совершенно съ другимъ характеромъ, какъ мы видѣли, является направленіе мысли современнаго намъ интеллигентнаго общества. Это общество, по крайней мѣрѣ въ извѣстной части своей, предпочтаетъ знаніе физическаго міра міру этическому или нравственному и думаетъ, что не идеалы, а законы видимой природы управляютъ человѣчествомъ. Если классическій мыслитель преувеличивалъ значеніе человѣческой личности, признавалъ ее какимъ-то безусловнымъ центромъ вселенной, то современный мыслитель изъ интеллигентныхъ преувеличиваетъ значеніе видимой природы и въ этомъ преувеличеніи доходитъ до крайности. По его воззрѣнію эта природа та-же самая, какая была во все времена, съ самаго начала своего появленія; никогда въ ней не проявлялось никакаго разстройства, ничего неразумнаго, и только эта-же видимая нами природа теперь единственно можетъ и долж-

на бытъ мыслима нами; словомъ, отъ настоящей, дѣйствительной природы онъ заключаетъ въ ея *необходимости* и на этомъ положеніи не доказанномъ, принимаемомъ на вѣру и даже противорѣчащемъ законамъ логики, строитъ свое міросозерцаніе. Если Гегель сказалъ, что все разумное дѣйствительно и все дѣйствительное разумно, прійдя къ этому заключенію путемъ логическихъ выводовъ; то это-же самое заключеніе или положеніе принимаетъ и современный естествоиспытатель изъ интеллигентныхъ, но принимаетъ его безъ всякихъ основаній, не имѣя никакихъ естественно-научныхъ доказательствъ для подтвержденія его. А между тѣмъ это недоказанное положеніе имѣетъ громадное вліяніе на все міросозерцаніе значительной части современнаго намъ интеллигентнаго общества. Если природа во все времена остается тождественной, если все дѣйствительное въ ней единственно возможно и разумно; то все наши мечты объ улучшеніяхъ, объ идеалахъ жизни личной, семейной, общественной и государственной—или пустяки предположенія или должны быть сведены съ своей идеальной высоты и затѣмъ строго провѣрены однимъ лишь законамъ животной жизни; потому что человекъ отличается отъ другихъ видимыхъ существъ не какою-то высшею природою, разумностію напр., духовностію, а лишь большимъ сосредоточеніемъ въ себѣ однихъ и тѣхъ-же силъ, обнаруживающихся во всемъ животномъ царствѣ; онъ отличается отъ нихъ не качествомъ своего ума, а лишь количествомъ.

Итакъ современно-интеллигентное направленіе мысли стоитъ въ глубокомъ противорѣчій съ классическимъ міросозерцаніемъ. И то и другое міросозерцаніе вдается въ крайности; но крайности классическаго міросозерцанія проистекаютъ изъ преувеличеннаго понятія о человекѣ; между тѣмъ какъ крайности современнаго намъ интеллигентнаго міросозерцанія коренятся въ преувеличенномъ понятіи о природѣ вообще; тамъ царство гуманизма, здѣсь натурализма. Если первое міросозерцаніе привело древнее человечество къ разочарованію, къ потерѣ вѣры въ себя, въ могущество своего разума; то второе міросозерцаніе лишаетъ человека его царственнаго достоинства и низводитъ въ ряды живот-

наго міра. И тамъ и здѣсь есть своя доля истины; но эта доля истины можетъ быть правильно понята лишь во свѣтъ христіанства, лишь во свѣтъ здоровой христіанской философіи. Намъ кажется, что изложеніе и сопоставленіе этихъ міросозерцаній очень важно для убѣжденія въ высотѣ христіанскаго ученія, потому что только христіанское ученіе, христіанская здоровая философія предохраняетъ насъ отъ крайностей гуманизма и натурализма. Намъ кажется, что нашъ журналъ, выступившій борцомъ за вѣру, долженъ подвергнуть тщательной провѣркѣ и безпристрастной оцѣнкѣ и то и другое міросозерцаніе, долженъ указать въ нихъ все хорошее и отвергнуть все дурное и ложное. Во всякомъ случаѣ, та доля истины, которая существуетъ въ гуманизмѣ и натурализмѣ, если и можетъ имѣть просвѣтительное и образовательное значеніе, то ограниченное, и то лишь при надлежащемъ освѣщеніи и во свѣтъ здоровой христіанской философіи. Таково-же точно значеніе и помѣщаемыхъ въ нашемъ журналѣ писемъ философа Сенеки. Эти письма, печатаемая у насъ не въ полномъ составѣ, а по выбору, всегда признавались образцовыми въ классическомъ мірѣ по силѣ философскихъ мыслей и по изяществу и даже изриности изложенія ихъ; тѣмъ не менѣе журналъ нашъ помѣщаетъ ихъ не съ тѣмъ, чтобы ими *стѣднать* или *пржегонцать* современныхъ мыслителей, держащихся тѣхъ или другихъ одностороннихъ воззрѣній (хотя и это иногда можетъ случаться), а съ тѣмъ, чтобы фактически познакомить наше общество съ лучшими мыслями стоической философіи и вмстѣ съ тѣмъ показать, что тѣ вопросы, которые волновали древній классическій міръ, находятъ полное, ясное и вполне удовлетворительное для духа человѣческаго рѣшеніе въ одной только христіанской религіи. Одно только христіанское міросозерцаніе безконечно возвышается какъ надъ крайностями древняго классическаго, такъ и современнаго намъ естественно-матеріалистическаго направленія; одно только оно удовлетворяетъ глубочайшимъ потребностямъ человѣческой природы.

М. Стояновъ.

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

IV.

Вопросъ о благѣ, какъ послѣдней цѣли жизни. — Рѣшеніе этого вопроса у эпикурейцевъ и стоиковъ. — Понятіе стоиковъ о верховномъ благѣ, какъ добродѣтели. — Стоики и циники. — Какъ понимали стоики идеосообразное? — Отличительный характеръ эпикурейской философіи. — Въ чемъ состоитъ счастье по философіи эпикурейской. — Задача философіи эпикурейской. — Атомистическая теорія, какъ средство къ ея рѣшенію. — Какъ относился Эпикуръ къ религіозной вѣрѣ? — Свобода воли, доказываемая произвольнымъ движеніемъ атомовъ. — Отличительный характеръ эпикурейскаго реализма. — Отрицаніе идеосообразности. — Неоплатонизмъ. — Матерія — злое начало. — Выводъ матеріи изъ начала нематеріальнаго. — Единое, умъ и міровая душа. — Въ чемъ заключается спасеніе отъ зла? — Нѣсколько замѣчательныхъ замѣчаній о греческой философіи.

Извѣстно, что въ періодъ пелопонезской войны, въ древней Греціи и внутренніе раздоры партій, и вѣншія пораженія, и бѣдствія истощили духовныя силы Аѳинской республики, теперь уже не проявившей той изумительной энергіи и производительности, какую видимъ въ прежнее время, не продолжительное, но ознаменованное столь плодотворнымъ процвѣтаніемъ наукъ и искусствъ. Все были утомлены постоянными тревогами и жаждали спокойствія. Лучшіе люди стали уклоняться отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Платонъ и Аристотель учили, что счастье можетъ быть дано не практически-общественною дѣятельностію, а только теоретически-познавательною. А для умовъ менѣе возвышенныхъ даже научная дѣятельность представлялась слишкомъ утомительною и скучною, и вотъ почему важнѣйшій жизненный интересъ получаетъ въ это время вопросъ: какъ наилучшимъ образомъ обезпечить спокойствіе, невозмутимость духа?

* См. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 14.

Вопросъ, поставленный жизнию, былъ, такимъ образомъ, характера практическаго. Но и рѣшеніе этого вопроса также въ значительной мѣрѣ предопредѣлялось народнымъ міросозерцаніемъ. При натуралистическомъ характерѣ греческой религіи, и въ моральныхъ понятіяхъ древнихъ грековъ эвдемонистическій элементъ былъ по необходимости господствующимъ, т. е. стремленіе къ счастью, идея счастья,—вотъ чѣмъ главнымъ образомъ опредѣлялся строй нравственныхъ воззрѣній древнихъ грековъ. Отсюда вопросъ о благѣ былъ главнымъ и въ философскихъ правоченіяхъ. Съ точки зрѣнія древнихъ грековъ только такую жизнь можно признать вполне совершенною, которая наполняла-бы человѣка чувствомъ полного довольства, счастья, такъ чтобы ничего болѣе не оставалось желать ¹⁾. Но какъ вообще въ міросозерцаніи древнихъ грековъ чувственно-матеріальныя свойства и формы были представляемы въ цѣлости и неразрывной связи съ духовными, идеальными качествами и стремленіями, то, поэтому, соотвѣтственную идею счастья полноту жизни обычно полагали въ удовлетвореніи не однихъ чувственныхъ, но также духовныхъ потребностей; для счастья требовались также духовныя совершенства въ связи съ тѣлесными и матеріальными преимуществами, или иначе,—счастіе понимали въ нераздѣльной связи съ добродѣтелью. Добродѣтель есть совершенство, а счастье—довольство.

Нельзя быть довольнымъ, слѣдовательно и спокойнымъ, коль скоро мы имѣемъ желанія, но не въ состояніи исполнять ихъ, доставлять удовлетвореніе имъ. Поэтому остается одно изъ двухъ: или имѣть какъ можно менѣе желаній, и тогда удовлетвореніе имъ не будетъ для насъ затруднительно,—какъ это именно и требуется вообще добродѣтелью: умѣренностію, благородіемъ, справедливостію; слѣдовательно, добродѣтель—необходимый путь къ счастью,—такъ рѣшали вопросъ эпику-

¹⁾ Благо, по выраженію Платона, необходимо должно быть достаточнымъ и совершеннымъ (*τέλειον, ἰκανόν*), все познающее его преслѣдуетъ его (*πάν το γινώσκον αὐτὸ διηρέσει*) и стремится имъ овладѣть, и ни о чемъ другомъ не заботится, какъ только о томъ, что можетъ быть дано присутствіемъ блага. *Филебъ*. 20. д.

рейцы. Или-же вовсе не слѣдуетъ имѣть никакихъ желаній, и, слѣдовательно, добродѣтель считать уже не средствомъ къ достиженію высшаго блага, а самимъ благомъ, и притомъ благомъ единственнымъ, признавая для себя вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ зломъ порокъ, какъ противное добродѣтели. Въ этомъ положеніи заключается основной принципъ стоической морали.

Эпикурейцы восхваляли умѣренность, но въ умѣренности они видѣли лишь средство къ обезпеченію довольства и безпрепятственнаго удовлетворенія желаній. Стоики-же полагали, что желанія сами по себѣ, какъ-бы ни были ограничены, суть зло, ибо дѣлаютъ человѣка рабомъ, лишаютъ его свободы: всякое желаніе причиняетъ безпокойство, означаетъ присутствіе неудовлетворенной потребности, извѣстнаго недостатка. Поэтому мудрость не въ томъ, чтобы ограничивать свои желанія, а въ томъ, чтобы не имѣть никакихъ желаній, чтобы достигнуть полного равнодушія ко всему; только при такомъ условіи возможно совершенное спокойствіе, невозмутимость духа. Какъ-же достигнуть такого состоянія? Мы не будемъ имѣть никакихъ желаній, если единственное благо будемъ полагать въ добродѣтели, если т. е. въ добродѣтели и въ одной добродѣтели будемъ видѣть свое счастье, избѣгая порока, какъ единственнаго зла, а все, что не есть добродѣтель и порокъ считать для себя безразличнымъ. Добродѣтель-же состоитъ въ повиновеніи разуму. Какъ повсюду въ мірѣ господствуетъ разумъ, такъ и въ природѣ человѣка тотъ-же разумъ есть начало господствующее ¹⁾. Но господство разума въ насъ должно быть сознательно избранымъ въ качествѣ твердо поставленной цѣли жизни. Такъ какъ господствующій въ насъ разумъ есть часть міроваго разума, то, предаваясь во власть разума, мы чрезъ то подчиняемся всеобщему закону или порядку

¹⁾ Μέρη γὰρ εἰσὶν αἱ ἡμέτεραι φύσεις τῆς τοῦ ὅλου. διόπερ τέλος γίνε-
ται τὸ ἀκολούθως τῇ φύσει ζῆν ὅπερ ἐστὶ κατὰ γὰρ τὴν αὐτὸν καὶ κατὰ τὴν
τῶν ὅλων, οὐδὲν ἐνεργούντας ὡν ἀπαγορεύειν εἴωθεν ὁ νόμος ὀκνητός. ὅπερ
ἐστὶν ὁ ὀρθὸς λόγος διὰ πάντων ἐργόμενος. ὁ αὐτὸς ὡν τῷ Διὶ καθή-
γεμόνι τούτῳ τῆς τῶν ὄντων διοικήσεως ὄντι. Diog. L. VII, 88.

Φασὶ δὲ καὶ ἀπαθῆ εἶναι τὸν σοφόν, διὰ τὸ ἀνεμπύπτου εἶναι. ibid. 117.

природы, слѣдовательно отрѣшаемся отъ себя; потому-то мы и не можемъ уже ничего для себя желать, коль скоро дѣйствуетъ въ насъ міровой разумъ и мы находимся въ его власти, а не во власти ограниченныхъ и противоразумныхъ страстей.

Итакъ стоики требовали отреченія отъ всякихъ благъ жизни. И въ этомъ важпѣйшемъ пунктѣ ихъ этика согласуется съ правоученіемъ циниковъ, которые, имѣя въ виду сказанное Сократомъ, что боги ни въ чемъ не нуждаются и потому блаженны, а намъ слѣдуетъ имѣть какъ можно менѣе нуждъ, дабы уподобиться богамъ, ¹⁾ дошли до того, что стали не только отвергать всякія жизненные удобства, но и пренебрегать даже пасущими условіями благоустроенной жизни, уподобляясь не богамъ, а животнымъ по своему образу жизни. Циникамъ всякое благообразіе представлялось изнѣженностію, удаленіемъ отъ простыхъ и законныхъ требованій природы. Понятно, что тѣми крайностями, до которыхъ циники доходили, они сами себя изобличали: философія ихъ въ сущности требовала отреченія отъ всего, чѣмъ греки стяжали неувядаемую славу и достигли превосходства надъ другими народами, т. е. отъ гражданственности, отъ науки и искусствъ. Вотъ почему стоики, усвоивъ основное начало цинической морали, или, что кажется вѣрнѣе, сошедши съ ними въ опредѣленіи основнаго начала морали, въ тоже время усматривали въ этомъ началѣ основаніе не для отрицанія, а напротивъ для признанія необходимости науки и искусства, безъ которыхъ жизнь не можетъ быть совершенною, слѣдовательно и сама добродѣтель невозможна. Стоики различали натуральные понятія, заключающіяся въ общераспространенныхъ мнѣніяхъ, отъ понятій искусственно образуемыхъ, изъ которыхъ слагается научное познаніе (Doxographi 400). При этомъ они полагали, что хотя понятія искусственныя и совершеннѣе натуральныхъ, однако въ послѣднихъ заключается основаніе для первыхъ, и потому-то стоики въ своихъ доказательствахъ нерѣдко ссыла-

¹⁾ Ἐγὼ δὲ νομίζω τὸ μὲν μηδενὸς δεῖσθαι θεῖον εἶναι, τὸ δὲ ὡς ἐλαχίστων, ἐγγυτάτω τοῦ θεοῦ. Ксеноф. Дистопр. 1, 6, 10. Διογένης ἔφασκε θεῶν μὲν ἴδιον εἶναι μηδενὸς δεῖσθαι, τῶν δὲ θεοῖς ὁμοίων τὸ ὀλίγων χρεῖζεν. Диог. II. VI, 10.

лись на свидѣтельство общаго смысла, на распространенныя всюду мифы и представленія. Съ другой стороны, прекрасное не только есть дѣло искусства, но существуетъ и въ природѣ. Отсюда въ сужденіяхъ стоиковъ о цѣлесообразности въ природѣ замѣчается, между прочимъ, разсмотрѣніе вещей съ точки зрѣнія эстетической. Цѣлесообразное они понимали не только какъ разумное и годное къ удовлетворенію жизненныхъ потребностей, т. е. приспособленное къ полезному употребленію, но также и въ смыслѣ прекраснаго ¹⁾.

Такимъ образомъ, хотя стоики признавали все существующее тѣлеснымъ, но видя въ разумѣ господствующее начало, какъ въ природѣ вообще, такъ и въ природѣ человѣка, они поэтому доказывали и защищали идеалистическую мысль о цѣлесообразности въ природѣ; съ другой стороны, такъ какъ господствующее въ природѣ разумное начало они представляли въ видѣ огня или ээира, т. е. тонкаго всепроникающаго вещества, то и цѣлесообразность, по понятіямъ стоиковъ, означаетъ тоже, что природа, судьба; т. е. порядокъ, существующій въ мірѣ, они разсматривали то какъ дѣло разума, все упорядочивающаго, то какъ дѣло природы и судьбы, дѣйствующей съ непреодолимою необходимостію ²⁾. Поэтому можно сказать, что соглашеніе идеализма и реализма, достигнутое въ фило-

¹⁾ Zeno ita naturam definit, ut eam dicat, ignem esse artificiosum, ad zigendum progredientem viâ: censet enim artis maxime proprium esse creare et zigere: quodque in operibus nostrarum artium manes efficiat, id multo artificiosius naturam efficere. id est, ut dixi, ignem artificiosum, magistrum artium reliquarum. Atque hac quidem ratione omnis natura artificiosa est, quod habet quasi viam quamdam, et sectam, quam sequatur. Cicero. De natura deorum 11, 22.

Красоту міра (собою, неба) стоики между прочимъ разсматривали въ томъ, что онъ имѣетъ снѣгъ цвѣтъ, который, хотя темнѣе краснаго, но превосходитъ его своимъ блескомъ, и потому, не смотря на вѣдучь, мы видимъ его такъ ясно. Diogenes Laertius 293.

²⁾ Ἐν τῷ εἶναι θεῶν καὶ νοῦν καὶ εἰμαρμένον καὶ διὰ πολλὰ τὰ ἐπεράς ὁνομασίαις προσονομάζεσθαι. τὸν δὲ κόσμον οἰκείσθαι κατὰ νοῦν καὶ πρόνοιαν — εἰς ἅπαν αὐτοῦ μέρος διαίρεσις τοῦ νοῦ, καθάπερ ἐφ' ἡμῶν τῆς ψυχῆς. ἀλλ' ἤδη δὲ ὧν μὲν μάλλον, δὲ ὧν δὲ ἥττον, δὲ ὧν μὲν γὰρ ὡς εἴς τε κερύραθεν, ὡς διὰ τῶν ὕδατων καὶ τῶν νεύρων, δὲ ὧν δὲ ὡς νοῦς, ὡς διὰ τοῦ ἡγεμονικοῦ. οὕτω δὲ καὶ τὸν ἅλον κόσμον ἕπου ὅσα ἐρεῖν ἡγεμονικόν μὲν τὸν αἰθέρα. Diogenes Laertius VII, 135, 138.

софiи Аристотеля, въ стоической школѣ переходить въ безпорядочное смѣшеніе обоихъ названныхъ направленій мысли. Только въ правоученіи стоиковъ въ наиболѣе чистомъ видѣ выступаетъ идеалистическій строй мысли.

II въ стоической философiи, какъ выше показано, по причинѣ господства въ ней практической тенденціи, замѣтно нѣкоторое вліяніе нравоучительной части этой философiи на теоретическія воззрѣнія. Но преимущественно эта черта—зависимость теоретическихъ взглядовъ отъ практической части философiи—выдается въ школѣ эпикурейской.

Человѣкъ, по ученію Эпикура, спокоенъ и, значитъ, счастливъ, когда онъ не страдаетъ, слѣдовательно когда обладаетъ здоровьемъ и ничего не страшится, когда ничто не препятствуетъ ему наслаждаться жизнью. 1) Чтобы сохранить свое здоровье, лучшимъ для сего средствомъ служить умеренность, ограниченіе своихъ желаній необходимыми потребностями жизни, а чтобы избавиться отъ страха, для этого необходимо освобожденіе отъ вліянія религіозной вѣры; страхъ родилъ боговъ 2), слѣдовательно и, наоборотъ, ничѣмъ въ такой степени не

1) Τούτων γὰρ ἀπλανῆς θεωρία πᾶσαν αἴρεσιν καὶ φύγην ἐπαναγαγεῖν οἶδεν ἐπὶ τὴν τοῦ σώματος ὑγείαν καὶ τὴν τῆς ψυχῆς ἀταραξίαν, ἐπεὶ τοῦτο τοῦ μακαρίως ζῆν ἐστὶ τέλος. τούτου γὰρ χάριν ἅπαντα πράττομεν ὅπως μὴτε ἀλγῶμεν μὴτε ταρβῶμεν. ὅταν οὖν λέγωμεν ἡδονὴν τέλος ὑπάρχειν, οὐ τὰς τῶν ἀσώτων ἡδονὰς καὶ τὰς ἐν ἀπολαύσει κειμένας λέγομεν, ἀλλὰ τὸ μὴτε ἀλγεῖν, κατὰ σῶμα μὴτε ταράττεσθαι κατὰ ψυχῆν. *Dior. Laert. X, 128, 131. Nisi quietum autem, nihil beatum est. Nos autem beatam vitam in animi securitate et in omnium vacatione munerum ponimus. De natura deorum 1, 20, (52, 53). O если-бы, говоритъ Лукрецій, жизнью человѣка правилъ здравый разумъ, тогда онъ не зналъ-бы большаго стяжанія, какъ жить умеренно и наслаждаться спокоѣвствіемъ духа, ибо ни въ чемъ не имѣетъ недостатка, кто довольствуется малымъ. Несравненно лучше приобрѣсти сладкій покой, чѣмъ жаждать власти и управлять государствомъ. De rerum natura V ст. 1116—18; 1126.*

2) Praeterea cui non animus formidine divum
Contrahitur? Cui non conrepunt membra pavore,
Fulminis horribili quum plaga torrida tellus
Contremitt, et magnum percurrunt murmura caelum?
Non populi gentes que tremunt? regesque superbi
Conrapiunt divum perculti membra timore,
Ne quod ob admissum foede, dictumve superbe,
Poenarum grave sit solvendi tempus adactum?

поддерживается въ насъ страхъ, какъ религіозною вѣрою: мы страшимся смерти, бѣдствій въ жизни, которыя будто-бы посылаются людямъ богами, насъ устрашаетъ судьба за гробомъ. А чтобы въ самомъ корнѣ уничтожить устрашающее вліяніе религіи, для этого слѣдуетъ установить такую точку зрѣнія на вещи, при которой возможно было-бы изъясненіе вещей изъ однихъ натуральныхъ причинъ, безъ помощи вѣры въ сверхъестественныя силы, безъ вѣры въ благопріятное или неблагопріятное для человѣка вмѣшательство боговъ. Эпикуру казалось, что атомистическая теорія представляетъ всѣ выгоды по отношенію къ главной цѣли философіи—обезпечить спокойное наслажденіе жизнью, такъ какъ теорія эта представляетъ простѣйшій способъ изъясненія вещей, не требуя никакихъ утомительныхъ изслѣдованій, и въ тоже время устраняетъ всякое вліяніе религіозной вѣры на душу. Правда, Демокритъ не отрицалъ боговъ; напротивъ, съ точки зрѣнія атомистической теоріи является даже необходимымъ признать ихъ бытіе: ибо несомнѣнно, что у людей есть представленія о богахъ, а по атомистической теоріи никакое представленіе не можетъ возникнуть въ насъ безъ соотвѣтственнаго этому представленію объекта. Для Эпикура еще въ большей степени настояла необходимость признать существованіе боговъ, чѣмъ для Демокрита. Принимая во вниманіе, что атомы и пустота, какъ основныя начала вещей, недоступны чувствамъ и въ существованіи ихъ мы убѣждаемся только посредствомъ размышленія, Демокритъ пришелъ къ заключенію, что истина болѣе познается умомъ, нежели чувствами. Между тѣмъ Эпикуръ, слѣдуя своему обычаю при рѣшеніи вопросовъ предпочитать всегда легчайшій способъ,—и вопросъ о познаніи рѣшилъ кратко и ясно, принявъ за правило считать истиннымъ все то, что подтверждается непосредственнымъ свидѣтельствомъ чувствъ, или по крайней мѣрѣ не противорѣчитъ чувственному наблюденію. 1) Если же чувственное познаніе достоверно, и

1) ὁ Επίκ. φησὶ εἶναι πᾶσαν αἰσθησὶν καὶ πᾶσαν φαντασίαν ἀληθῆ, τῶν δὲ δοξῶν τὰς μὲν ἀληθεῖς, τὰς δὲ ψευθεῖς (Aetii plac) Doxographi 396.

Ἐν τῷ Κανόνι λέγει ὁ Επίκ. κριτήρια τῆς ἀληθείας εἶναι τὰς αἰσθήσεις καὶ πρόληψεις καὶ τὰ πάθη. Diog. Laert. X, 31.

даже должно быть признано критеріемъ достовѣрности, то и всякое представленіе, которое невольно воспринимается нами (*πρόληψις*) должно признать истиннымъ, т. е. имѣющимъ реальное, предметное значеніе. Къ такого рода представленіямъ Эпикуръ по необходимости долженъ былъ отнести представленія о богахъ, такъ какъ представленія эти всюду распространены между людьми, и невозможно было допустить, чтобы столь общепринятая представленія были измышлены, не имѣя никакого основанія въ дѣйствительности. Вотъ почему Эпикуръ долженъ былъ признать, вмѣстѣ съ Демокритомъ, бытіе боговъ, но при этомъ Эпикуру казалось, что боги не могутъ находиться въ нашемъ мірѣ, какъ это, конечно, представлялъ Демокритъ, ибо тѣла боговъ, постоянно сталкиваясь съ образами другихъ тѣлъ, во множествѣ наполняющими воздухъ, неминуемо подвергались бы порчѣ и разстройству, а это несообразно съ понятіемъ о безпечальной и блаженной жизни, которая, конечно, должна была быть удѣломъ боговъ. Вотъ какимъ образомъ Эпикуръ пришелъ къ тому странному предположенію, что боги находятся въ промежуточныхъ пространствахъ, раздѣляющихъ міры одинъ отъ другаго. ¹⁾ Отъ такого перемѣщенія боговъ получалась та важная для Эпикура выгода, что боги такимъ образомъ устранены были отъ всякаго вмѣшательства въ судьбу людей. Эпикуръ теперь смѣло могъ утверждать, что жизнь наша нимало не зависитъ отъ воли

Πρόληψις—такое общее представленіе предмета, которое образуется отъ многократнаго повторенія одинаковыхъ впечатлѣній и предваряетъ всякія дальнѣйшія сужденія о томъ-же предметѣ. N. D. 1, 16 и 17.

¹⁾ Τὸν δὲ θεὸν ὁμολογῶν εἶναι αἰδίον καὶ ἀφθαρτὸν φησὶ (Επίκ.) μηδενὸς προνοεῖν, καὶ ὅλως πρόνοιαν μὴ εἶναι μηδὲ εἰμαρμένην, ἀλλὰ πάντα αὐτοματισμῷ γίνεσθαι. Καθ' ἧσθαι γὰρ τὸν θεὸν ἐν τοῖς μετακόσμοις οὕτω καλουμένοις ὑπ' αὐτοῦ. ἔξω γὰρ τι τοῦ κόσμου οἰκητήριον τοῦ θεοῦ εἶθετο εἶναι λεγόμενον τὰ μετακόσμια, ἡρεσθαι τε καὶ ἡσυχάζειν ἐν τῇ ἀκροτάτῃ εὐφροσύνῃ καὶ οὔτε αὐτὸν πράγματα ἔχειν οὔτε ἄλλῳ παρέχειν. (Шнолитъ) Doxographi 572. Замѣчательно, что стоики отрицали челоѣкообразность боговъ (см. 59 стр. 2-е примѣч. предъидущ. гл. этого сочин.); эпикурейцы, не смотря на то, что имѣли въ виду устранить религіозное вліяніе, напротивъ доказывали, что боги должны имѣть челоѣкообразный видъ, основываясь на томъ, что такой именно видъ имѣютъ боги по народнымъ вѣрованіямъ, всюду распространеннымъ. Cic. de natura deor. 1, 18. Что касается того, какимъ образомъ могутъ доходить

боговъ, что никакого провидѣнія и никакой судьбы, утверждаемой стоиками, нѣтъ; мы ни отъ кого болѣе, какъ только сами отъ себя, зависимъ, и наше счастье есть дѣло нашей свободной воли. Но какимъ образомъ наша душа, состоящая изъ атомовъ, можетъ имѣть свободную волю? Не иначе это возможно, какъ если вообще атомы обладаютъ произволомъ. Эпикуръ дѣйствительно не только признавалъ такое свойство атомовъ, но даже доказывалъ необходимость подобнаго предположенія. Еслибы, разсуждалъ онъ, движеніе атомовъ было единственно послѣдствіемъ тяжести, то двигаясь по прямому направленію въ пустотѣ, они никогда не могли бы столкнуться между собою, а потому слѣдуетъ допустить, что при своемъ движеніи (паденіи) они произвольно уклоняются отъ прямолинейнаго направленія, и чрезъ то приходятъ въ столкновение ¹⁾).

Въ ученіи эпикурейской школы мы снова видимъ реализмъ въ его чистомъ видѣ. Но реализмъ здѣсь дополняется одною весьма важною чертою, которой еще не было и не могло быть въ реализмѣ Демокрита, такъ какъ черта эта имѣетъ отношеніе къ идеализму, который предшествовалъ реализму Эпикура. Разумѣемъ отрицаніе цѣлесообразности въ природѣ или конечныхъ причинъ. Какъ на послѣдствіе или выраженіе этого отрицанія можно указать на то, что Эпикуръ находилъ возможными, т. е. одинаково допустимыми, различныя объясненія

до насъ образы боговъ, коль скоро они не находятся въ мірѣ, въ которомъ мы живемъ, а въ промежуткахъ міровъ (какъ въ каждомъ тѣлѣ есть промежутки между атомами и какъ одно тѣло раздѣляется отъ другаго пространствомъ, такъ точно и каждый міръ, который есть какъ-бы сложное тѣло, долженъ быть отдѣленъ отъ другаго пустымъ пространствомъ, то это объясняется вообще необыкновенно скоростію и силою распространенія атомовъ въ самыхъ отдаленныхъ пространствахъ, о чемъ мы можемъ судить по тому напр., какъ распространяется свѣтъ солнечный. О скорости движенія образовъ (*simulacra rerum*) см. Лукрецій IV, 162 и дал.

¹⁾ *Velut Epicurus, quum videret, si atomi ferrentur in locum inferiorem sorte pondere, nihil fore in nostra potestate, quod esset earum motus certus et necessarius; invenit quo modo necessitatem effugeret: quod videlicet Democritum fugerat: ait atomum, quum pondere et gravitate directa deorsus feratur, declinare paululum. De natura deorum, 1, 25. ὁ Ἐπίκουρος ἑστὶ κινεῖσθαι δὲ ἄτομα τότε μὲν κατὰ σκλίθηρ, τότε δὲ κατὰ παρέγκλισιν. τὰ δὲ ἄνω κινεῖσθαι κατὰ πλῆρη καὶ ἀποσκλίρω* (Столбей, Плулархъ) *Doctographi III.*

тѣхъ же предметовъ и явленій въ природѣ. ¹⁾ И это понятно. Если все происходитъ отъ столкновения атомовъ, отъ ихъ сочетанія или раздѣленія, тогда ничего невозможно представить себѣ такого, что, произшедши извѣстнымъ образомъ и получивъ опредѣленную форму, не могло-бы иначе произойти и явиться въ иной формѣ: все существующее есть дѣло *случайно* столкновения атомовъ. И какъ, при такомъ способѣ объясненія явленій, самое направленіе въ порядкѣ ихъ происхожденія и взаимной зависимости остается неопредѣленнымъ, ибо никакой необходимости нѣтъ, чтобы таково именно было происхожденіе и устройство вещей, каково есть въ дѣйствительности, то вотъ почему атомисты должны были принять, что и въ самомъ дѣлѣ происходили всякія возможные сочетанія атомовъ, возникали самыя разнообразныя виды и формы вещей, такъ что существующій порядокъ и то устройство вещей, какое теперь видимъ, есть не болѣе какъ только одинъ случай изъ безконечнаго множества другихъ, также въ свое время возникавшихъ и затѣмъ исчезавшихъ. ²⁾ Такимъ образомъ

¹⁾ Эпикуръ постоянно сопровождалъ свои объясненія мировыхъ явленій тѣмъ замѣчаніемъ, что можетъ быть это и такъ и иначе, что все можетъ происходить разнообразнымъ способомъ (*πανταχως ἐνδέχεται, καὶ καθ' ἑτέρους δὲ τρόπους ὡς τε τὰ προεξηρημένα ἀποτελεῖσθαι*), что поэтому никакого объясненія не слѣдуетъ отвергать, коль скоро не оказывается въ немъ ничего противорѣчающаго съ очевиднымъ и не подлежащимъ сомнѣнію свидѣтельствомъ чувствъ, если т. е., судя по тому, что извѣстно намъ по опыту, утверждаемое въ данномъ объясненіи представляется намъ какъ возможное; отсюда обыкновенно Эпикуръ свои объясненія подкрѣпляетъ тѣмъ замѣчаніемъ, что противорѣчающаго тому, что онъ говоритъ, опытъ ничего не представляетъ (*οὐδὲν γὰρ τι τῶν φαινομένων ἀντιμαρτυρεῖ, — τοῦτο γὰρ μαχόμενον ἐστὶ, τοῖς φαινομένοις, — ἀμφοτέρω γὰρ ταῦτα οὐ μάχεται τοῖς φαινομένοις*). По мнѣнію Эпикура, изысканія причинъ ни къ чему не ведутъ, коль скоро хотятъ непремѣнно держаться одного способа изъясненія какого-либо явленія, забывая, что одно и то же можетъ происходить и такъ и иначе (*ὡς εἰ τοῦτο μὴ πραχθήσεται, ἅπαντα ἢ περὶ τῶν μετεώρων αἰτιολογία ματαία ἔσται. καθάπερ τισὶν ἤδη ἐγένετο οὐ δυνατοῦ τρόπου ἐφαψάμενοις, εἰς δὲ τὸ μάταιον ἐκπεσοῦσι τῷ καθ' ἓνα τρόπον οἰεσθαι γίνεσθαι μόνον τοὺς τε ἄλλους ἅπαντας τοὺς κατὰ τὸ ἐνδεχόμενον ἐκβάλλειν, εἰς τε τὸ ἀδιανόητον φερομένοις καὶ τὰ φαινόμενα ἃ δεῖ σημεῖα ἀποδέχεσθαι μὴ δυναμένοις συνθεωρεῖν*). Diog. Laer. X, 87, 92, 95, 97.

²⁾ Какимъ образомъ. читаемъ въ извѣстной поэмѣ Лукреція, скопленіе матеріи (*conjectus materiae*) послужило основаніемъ, изъ котораго произошли небо и

атомисты возможное, т. е. что можно только представить, смѣшивали съ дѣйствительнымъ, а потому и объясненіе того, что есть въ дѣйствительности, имъ представлялось уже достаточнымъ, коль скоро нельзя отрицать простой возможности того, что при этомъ утверждалось. Идеализмъ же, напротивъ, только согласное съ разумомъ изъясненіе дѣйствительности признавалъ умѣстнымъ, т. е. оправдываемое разумною необходимостію, которая не допускаетъ бессмысленной и безцѣльной игры случая, а потому и самую дѣйствительность оны разсматривалъ какъ разумную, т. е. какъ такую, которая устроена разумно и потому должна быть разумною во всѣхъ своихъ важнѣйшихъ проявленіяхъ.

Уже въ стоицизмѣ, какъ мы видѣли, явно обнаруживается вліяніе платонизма; въ особенности этической идеализмъ въ земля и глубокое море и, съ неизмѣнною правильностію повторяющееся, обращеніе солнца и луны? Конечно, начало вещей (*primordia rerum*) не влѣдствіе сообщенія и проникательнаго ума пришли въ извѣстный порядокъ, ни совершая движеніе. не могли договариваться о томъ, какое каждому производить. Но, по причинѣ безконечнаго множества первичныхъ элементовъ, отъ вѣчности движимыхъ точками по всѣмъ направленіямъ, увлекаемыхъ притокомъ и собственною тяжестію, они скопляются и образуютъ всякія сочетанія, какія только возможно, и продолжая такимъ образомъ, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, всячески двигаться и сдѣлаться, наконецъ такъ соединяются между собою, что внезапно (*repente*) иногда возникаютъ не вполнѣ еще сформировавшіеся начатки огромныхъ массъ съ опредѣленными свойствами (*magnum rerum exordia*), каковы матеріалы воды, земли, неба и роды животныхъ. V, 417—432. *

Также внезапно возникла и самая жизнь на землѣ, причемъ появившіяся формы и виды живыхъ существъ подвергались всяческимъ камѣненіямъ и преобразованіямъ подобно тому, какъ массивныя скопленія атомовъ всевозможнымъ образомъ измѣняются, прежде чѣмъ явились въ видѣ воды, земли, неба.

Вначалѣ земля покрыла всѣ поля и холмы травами и блистающею зеленью; луга сіяли свѣжимъ блескомъ цвѣтовъ; разнообразнымъ деревьямъ сообщена была воздухомъ великая расщепляющая сила и сплетеніе разросшихся вѣтвей. Подобно тому какъ на тѣлѣ четвероногихъ и птицъ прежде всего произрастаютъ волосы, шерсть, перья, такъ и холодая земля сначала произвела зелень и кустарники. Скоро затѣмъ она родила виды животныхъ съ многими разновидностями (*modis multis*) и различнаго устройства. Изъ земли все произошло, а потому справедливо она называется матерью. И теперь даже много животныхъ рождается изъ земли, когда она напоена дождемъ и пары сгущаются отъ солнечной теплоты; потому и неудивительно, если такъ много порождено было большихъ животныхъ еще юною землею и эфиромъ. Такъ произвела земля смертные роды, ибо много было тепла и влаги на поляхъ. Но какъ надлежало окончиться рожденію, то природа прекратила свою производительность подобно женщинѣ, достигшей предѣла свѣ-

такой степени сближалъ стоицизмъ съ платонизмомъ, что въ послѣдствіи времени нѣкоторые стоики примкнули къ платонизму даже въ той части стоической философіи, которая учитъ о природѣ вещей и человѣка, — т. е. въ физикѣ, и здѣсь стали проводить платоническіе взгляды. Поэтому стоицизмъ могъ послужить переходною ступенью къ возрожденію платонизма въ школѣ *неоплатонической*, ибо стоицизмъ былъ ближе къ платонизму, чѣмъ самая *Академія*, основанная Платономъ, такъ какъ въ послѣдней господствовалъ скептицизмъ.

Впрочемъ неоплатонизмъ, по всей справедливости, должно признать такимъ заключительнымъ словомъ греческой философіи, въ которомъ объединяются разнородные элементы прежнихъ ученій подъ преобладающимъ вліяніемъ платонизма, какъ тому и слѣдовало быть, ибо платонизмъ безспорно — высшій цвѣтъ философскаго развитія въ древней Греціи.

ему плодородію. Ибо время измѣняетъ видъ (*naturam*) всей природы, одплъ порядокъ смѣняется другимъ (*ex alioque alius status excipere omnia debet*); ни что не остается неизмѣнимымъ (*nec manet ulla sui similis res*); все перемѣщается; все измѣняетъ природа и все преобразуетъ. Земля вначалѣ производила много диковинныхъ формъ (*portenta*), существа несовершенныя по виду и устройству (напр. такіа, въ которыхъ оба пола соединялись); рождались тѣла, у которыхъ то ногъ не доставало, то рукъ; у многихъ рта не было, другія рождались безъ лица, лишеныя свѣта, или съ членами, прирубленными къ туловищу такъ, что они ничего не могли дѣлать, ни отстраниться отъ чего-либо угрожавшаго имъ и избѣжать зла, ни взять что-нибудь полезное для себя. Однако-же не всегда такъ могло быть: природа не допускала, чтобы чудовища умножались; она не позволяла имъ достигать цвѣтущаго возраста; она лишала ихъ лица и возможности рожденія себѣ подобныхъ....

Вначалѣ люди были сильнѣе, крѣпче, выносливѣе и жили какъ звѣри; земля не воздѣлывалась и дѣрсуевъ разводилъ не умѣли, пользуясь тѣмъ только плодами (жолудями), какіе сама природа давала; воду пили изъ источниковъ; ночи проводили въ лѣсахъ; ни ковать желѣзо при помощи огня не умѣли, ни выдѣлывать кожи, ни облачаться въ одежды: голые, — они находили убѣжище въ пещерахъ; не было общества, законовъ и нравовъ; каждый жилъ самъ по себѣ и завлаживалъ тѣмъ, что доставлялъ случай (*fortuna*). Многихъ пожирала звѣри; погибали и отъ другихъ причинъ, за то не гнобли цѣлыя полчища людей, предводимыя однимъ человѣкомъ. Когда-же научились строить жилища, употреблять одежду и пользоваться огнемъ, когда возникла правильная семейная жизнь, тогда родъ человѣческій сталъ смягчаться (*mollescere*). Молнія впервые передала огонь на землю. Замѣтивъ, что свѣтъ и теплота солнца даютъ ростъ и созрѣваніе произведеній земли, стали пользоваться огнемъ для приготовленія пищи и для удовлетворенія другихъ нуждъ жизни. Затѣмъ города и укрѣпленія начали строить. V. 781—1107.

У стоиковъ, какъ мы видѣли, была мысль, что верховный творческій разумъ изъ себя производитъ матерію и образуетъ изъ нея весь міръ, будучи, такимъ образомъ, совершеннымъ единствомъ матеріи и формы, и началомъ формальнымъ и вмѣстѣ началомъ матеріальнымъ, иначе они не находили возможнымъ примирить эту противоположность. Та же задача рѣшается и въ неоплатонизмѣ, а задача эта имѣла не только теоретическій, но и практическій интересъ, такъ какъ матерія, подѣ влияніемъ философіи Платона, обыкновенно признавалась началомъ всего несовершеннаго, слѣдовательно источникомъ зла въ мірѣ; поэтому-то стоики, признавъ разумъ началомъ матеріальнымъ, по необходимости должны были видѣть въ разумѣ источникъ и добра и зла; дѣйствительно, по ихъ ученію, какъ добродѣтель есть правый разумъ, такъ порокъ есть разумъ превратный, извращенный. Стоики, какъ извѣстно, полагали, что только добродѣтель есть добро и только порокъ есть дѣйствительное зло, а потому понятія о добрѣ и злѣ у нихъ имѣли значеніе исключительно моральное, а не космическое. Итакъ вопросъ о матеріи заключалъ въ себѣ важную проблему о происхожденіи и значеніи зла въ мірѣ.

Вопросъ этотъ въ неоплатонизмѣ разрѣшался слѣдующимъ образомъ.

Стоики учили, что само Божество есть начало матеріальное. По ученію же неоплатонизма Божество, само по себѣ, не матеріально, тѣмъ не менѣе матерія происходитъ изъ вѣдръ Божества, есть его порожденіе, но только не прямо и не посредственно матерія происходитъ отъ Божества, а чрезъ посредство иныхъ низшихъ началъ, постепенно, по мѣрѣ удаленія отъ верховнаго начала, ослабѣвающихъ въ своемъ совершенствѣ и производительной силѣ ¹⁾.

1) Ἔστι δὲ τοῦ κακοῦ ἀρχαῖον καὶ οὕτω τῆν ἀνάγκην. Ἐπεὶ γὰρ οὐ μόνον τὸ ἀρχαῖον, ἀνάγκη τῆ ἐκβάσει τῆ παρ' αὐτὸ (ὑποστάσει). Ennead. I VIII. 7. Т. е. можно еще такъ показать необходимость зла. Такъ какъ блато (первоздичное) не можетъ одно только существовать, то необходимо, чтобы отъ него самого произошло зло, путемъ постепеннаго удаленія отъ него. И далѣ еще яснѣе эта мысль выражается. Ἦ εἰ οὕτω τις εἰθέλει λέγειν, τῆ ἀεὶ ὑποβάσει καὶ ἀποστάσει τὸ ἔσχατον καὶ μετ' οὐκ ἔτι γενέσθαι ὁπίσθον, τὸντο εἶναι τὸ κακόν. εἰ ἀνάγκη δὲ εἶναι τὸ μετὰ τὸ πρῶτον, ὥστε καὶ τὸ ἔσχατον.

Уже Платонъ, какъ мы видѣли, по свидѣтельству Аристотеля, вынужденъ былъ допустить существованіе матеріи въ самыхъ идеяхъ, т. е. въ такой области бытія, которая недоступна чувствамъ и, слѣдовательно, ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ, что обыкновенно разумѣется подъ названіемъ матеріи, вещества. Такой выводъ Платона стоитъ въ тѣсной связи съ понятіемъ его о матеріи, какъ началѣ множества. По этому понятію матерія подвержена непрерывной измѣняемости, а потому и тѣ образы или подобія (*τὰ ὁμοίωματα*) идей, которыя отпечатлѣваются въ матеріи, никогда не бываютъ совершенно одинаковы, но являются то *болше*, то *менше* близкими къ своимъ первообразамъ; итакъ отъ измѣнчивости матеріи происходитъ разнообразіе и множественность подобій или отображеній одной и той же идеи. Между тѣмъ и само сущее также множественно, а не едино, какъ утверждали элеаты. Ибо идей существуетъ множество, слѣдовательно и въ идеяхъ должно быть начало, которое служитъ основаніемъ или причиною множества, т. е. матерія ¹⁾).

Послѣ этого неудивительно, если неоплатонизмъ вознамѣрился разрѣшить, повидимому, невозможную задачу—объяснить происхожденіе матеріи и всего матеріальнаго изъ пачала нематеріальнаго, духовнаго. Мало того, въ предъидущемъ указанъ уже и самый путь къ выводу матеріальнаго изъ нематеріальнаго. Гдѣ есть множество, тамъ должна быть и матерія, а какъ матерія—источникъ зла и несовершенства, то очевидно, первое верховное начало бытія не должно быть ма-

Т. е. можно, если угодно сказать, что по причинѣ постепеннаго ослабленія и истощенія (перваго начала) долженъ быть такой крайній предѣлъ бытія, далѣе котораго уже ничто не можетъ произойти, и это есть зло, ибо необходимо, чтобы нѣчто было сверхъ перваго пачала, слѣдовательно должно быть и послѣднее. Срал. Ennead. 11, IV, 15.

¹⁾ Плотинъ также утверждалъ существованіе матеріи въ мірѣ мысленномъ. *Εἰ οὖν πολλὰ τα εἶδη, καθὼν μὲν τι ἐν αὐτοῖς ἀνάγκη εἶναι· καὶ ὁ καὶ τοῖον, ᾧ διαφέρει ἄλλο ἄλλου. Τοῦτο δὲ τὸ ἴδιον καὶ ἡ διαφορὰ ἡ χωρίζουσα ἡ οἰκεία ἐστὶ μορφή· εἰ δὲ μορφή, ἔστι καὶ τὸ μορφοῦμενον, περὶ ὃ ἡ διαφορὰ. Ἔστιν ἄρα καὶ ὕλη ἡ τὴν μορφήν δεχομένη, καὶ αἰεὶ τὸ ὑποκείμενον. ἔτι εἰ κόσμος νοητός ἐστιν ἔχει, μίμημα δὲ οὗτος ἔχειν, οὗτος δὲ σύνθετος καὶ ἐξ ὕλης, κάκει δεῖ ὕλην εἶναι. Enn. 11, lib. IV, cap. 4.*

теріальнымъ, а, слѣдовательно, и множественнымъ. Будучи всецѣло и безусловно совершеннымъ, оно не можетъ заключать въ себѣ множества даже мыслимаго, умопостижаемаго, т. е. идеальнаго, а должно быть безусловно единымъ, слѣдовательно по сущности своей непостижимымъ и невыразимымъ, ибо умъ есть начало различающее (Анаксагоръ), а потому ему доступно только множественное. Затѣмъ, если матерія есть начало множества, то вопросъ о происхожденіи ея отъ первоединаго сводился къ тому, какимъ образомъ единое становится множественнымъ, недѣлимое дѣлимымъ? Конечно, множество должно исходить изъ первоединаго постепенно, причемъ однако это первоединное не ослабляется и не умалняется въ своемъ совершенствѣ, вообще не терпитъ никакого измѣненія. И дѣйствительно изъ первоединаго рождается прежде всего умъ, которому свойственно двойство, ибо умъ содержитъ въ себѣ противоположность познанія и познаваемаго, умозрѣнія и умосозерцаемаго (иден), а двойство это уже признакъ матеріи. Вотъ почему въ области умосозерцаемаго, нераздѣльной съ умомъ, гдѣ содержится *множество* идей, должна быть и матерія. Однако же, при множествѣ умосозерцаемыхъ сущностей, весь мысленный міръ сохраняетъ, изъ всего рождаемаго первоединымъ, характеръ единства въ наибольшей степени, что и показываетъ близость ума и всего умосозерцаемаго къ рождающему его началу. Равно и душа, которая рождается отъ ума, хотя и менѣе совершенна, чѣмъ умъ, все еще принадлежитъ къ духовному міру, но уже не вполне, такъ какъ, будучи сама въ себѣ духовнымъ началомъ, она воплощается въ тѣлѣ, которое она для себя производитъ, дабы имѣть въ немъ орудіе своей дѣятельности; при этомъ какъ умъ заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ идей, такъ равно міровая душа рождаетъ изъ себя частныя души. Рожденіе это состоитъ въ томъ, что каждая частная душа отдѣляется отъ міровой души, когда соединяется съ тѣломъ, такъ что вообще рожденіе душъ въ тѣлахъ есть ихъ низпаденіе изъ духовнаго, сверхчувственнаго міра въ міръ чувственный. Въ этомъ смыслѣ Платонъ училъ о душѣ, что она одною стороною своего существа погружена въ міръ чувственный, тѣлесный, какъ жизненное

его начало, а съ другой обращена къ сверхчувственному міру идей. Какъ порожденіе духовнаго начала, міръ матеріальный въ цѣлесообразномъ своемъ устройствѣ, въ красотѣ повсюду въ немъ распространенной, являетъ отблескъ совершенствъ вышшаго духовнаго міра, а потому насколько, привлекая къ себѣ человѣка, отчуждаетъ его отъ міра духовнаго, настолько же съ другой стороны пробуждаетъ въ душѣ стремленіе къ освобожденію отъ оковъ чувственности, возводя нашъ умственный взоръ отъ чувственнаго, тѣлеснаго къ сверхчувственному, отъ матеріальнаго къ духовному.

Итакъ неоплатонизмъ генезисъ міра представлялъ въ видѣ постепеннаго перехода отъ единства, вѣчно пребывающаго въ себѣ, къ множеству. Отсюда, по ученію неоплатонизма, обратный путь всдетъ человѣка къ спасенію, — именно обращеніе отъ разсѣвающаго множества во внутрь себя, сосредоточеніе въ себѣ, а наконецъ совершенное отрѣшеніе отъ себя и экстатическое погруженіе въ первоединое, т. е. слияніе съ Божествомъ.

Такимъ образомъ, греческая религія низводила Божество на степень человѣка со всѣми его несовершенствами, усвоила Божеству человѣческія несовершенства. Греческая же философія кончила тѣмъ, что, для общенія съ Богомъ, требовала отъ человѣка не только очищенія отъ всякихъ несовершенствъ, но и всецѣлаго отрѣшенія отъ своей личности, т. е. освобожденія духа даже отъ того, что есть въ немъ совершеннаго, — отъ самаго разума, ибо Божество выше разума, по ученію неоплатонизма. Философія поняла, что не только несовершенства человѣческія должны быть чужды Божеству, но и самыя совершенства человѣка слабы и недостаточны для общенія съ божественною жизнью и усвоенія ея; божественное, по ученію неоплатонизма, достижимо только чрезъ отрицаніе всего человѣческаго.

Обозрѣвая идеализмъ и реализмъ въ греческой философіи, нельзя не прійти къ тому выводу, что противоположныя теченія мысли, насколько они выразились въ названныхъ направленіяхъ, ясно отражаютъ въ себѣ указанныя въ самомъ началѣ нашего обозрѣнія черты греческаго духа, каковы съ

одной стороны индивидуализмъ, а съ другой—универсализмъ. Черты эти можно находить ясно выраженными и въ религіозномъ міросозерцаніи древнихъ грековъ, и въ политической ихъ жизни, и въ искусствѣ. Въ религіозномъ міросозерцаніи древнихъ грековъ ясно выступаетъ представленіе въ некоторомъ общаго начала, то въ видѣ непреклонной, надъ всѣмъ властвующей судьбы, то въ болѣе опредѣленномъ образѣ верховнаго Божества, при чемъ однако индивидуализмъ отдѣльныхъ божествъ никогда не побѣждается, равно и въ практикѣ религіозной на ряду съ торжествами и святилищами, имѣвшими общепародное значеніе, мы видимъ, что каждая община, каждая мѣстность хочетъ имѣть свой религіозный культъ. Въ политической жизни мы видимъ тоже сочетаніе индивидуализма племенной и мѣстной обособленности съ ясно и многократно выраженнымъ стремленіемъ къ образованію обширныхъ политическихъ союзовъ и яснымъ сознаніемъ національнаго единства и превосходства грековъ вообще предъ другими народами. Въ искусствѣ мы видимъ созданіе не столько индивидуальныхъ характеровъ, сколько общихъ типовъ; но всегда такіе типы отливались въ индивидуальные пластическія формы,—перѣдко даже отвлеченныя, напр. моральныя понятія (справедливость и несправедливость) были изображаемы въ видѣ живыхъ лицъ. Означенныя черты обнаружилась также и въ философіи: индивидуализмъ въ реализмъ, универсализмъ въ идеализмъ. Идеализмъ полагалъ истину и дѣйствительность болѣе полную и совершенную въ общемъ. При этомъ общее, которому идеализмъ греческій усвоилъ рѣшительное господство надъ частнымъ и единичнымъ, онъ разсматривалъ какъ обнаруженіе разума, съ одной стороны въ дѣйствительности познаваемой, а съ другой—въ познающемъ, а что касается объема, въ какомъ это общее разсматривалось, то измѣненіе его могло имѣть мѣсто лишь въ примѣненіи этого начала къ разсмотрѣнію человѣческой общественной жизни. Платонъ и Аристотель ограничивали начало общенія и единства въ жизни предѣлами государства; съ паденіемъ-же политической самобытности стали расширять это начало на все человѣчество: явился космополитизмъ. Разсматривая разумъ какъ начало, которому господ-

ство принадлежитъ только въ общемъ, и которое вѣдаетъ и опредѣляетъ только общее, идеализмъ поэтому и самое Божество разумѣлъ какъ общій безличный разумъ, проявляющій себя главнымъ образомъ въ общемъ порядкѣ міра,—отсюда провидѣніе греческій идеализмъ ограничивалъ также общими цѣлями и въ осуществленіи этихъ цѣлей полагалъ цѣлесообразное его устройство. Даже матерію греческій идеализмъ обыкновенно разсматривалъ какъ нѣкоторое общее, неопредѣленное начало, и въ этомъ значеніи признавалъ оную познаваемою только чрезъ умозрѣніе, а не посредствомъ чувствъ. Реализмъ, напротивъ, отрицалъ общее, а потому и все существующее, съ точки зрѣнія реализма, представлялось какъ совокупность неограниченнаго множества большихъ и малыхъ тѣлъ, раздѣленныхъ между собою. Никакого связующаго начала и приводящаго въ единый общій порядокъ отдѣльныя существованія не полагается. Даже умъ, какъ это ни странно, Демокритъ, отождествляя съ душею, представлялъ въ видѣ круглыхъ крайне подвижныхъ атомовъ, способныхъ всюду проникать, такъ что атомисты даже умъ представляли тѣлеснымъ, въ видѣ множества маленькихъ тѣлъ, между тѣмъ какъ идеалисты самую матерію признавали началомъ безтѣлеснымъ, какъ скоро полагали, что она существуетъ въ идеяхъ. Въ чистомъ видѣ реализмъ выразился въ атомистической теоріи Демокрита и Эпикура. Но какъ въ духѣ греческаго народа настолько-же было склопности къ обобщенію, какъ и къ индивидуализму, обособленію, то вотъ почему мы и видимъ въ греческой философіи стремленіе къ примиренію и объединенію идеализма и реализма. Примиреніе это совершеннѣйшимъ образомъ было достигнуто въ философіи Аристотеля; въ слѣдующее затѣмъ время очевиднаго упадка философіи, вмѣсто примиренія, мы видимъ смѣшеніе понятій и воззрѣній, свойственныхъ тому и другому направленію.

П. Аницкій.

(Продолженіе будетъ).

ИМѢЮТЪ-ЛИ РЕЛИГІЮ ЖИВОТНЫЯ?

По поводу 1-й главы въ сочиненіи Эд. Гартмана: „Das religiöse Bewusstsein der Menschheit im Stufengang seiner Entwicklung“ (1882).

Искони религія признавалась исключительно принадлежностію человѣка, независимо отъ того, изъ какихъ источниковъ думали производить ее. Но вотъ въ наше столѣтіе, подѣ влияніемъ философскихъ системъ пантеизма и матеріализма, въ высшей степени усилилось стремленіе уничтожить существенное различіе между человѣкомъ и животнымъ и свести все различіе между ними къ различію только степеней развитія. Новѣйшее естествознаніе съ необыкновенною ревностію старается доказать намъ, что различіе между неразвитыми дикарями имышленными животными далеко не такъ значительно, какъ различіе между тѣми же дикарями и высоко-развитыми людьми цивилизованнаго міра. Папуасъ, увѣряютъ насъ, гораздо ближе стоитъ къ гориллѣ или орангъ-утангу, чѣмъ къ Канту или Гегелю. А чтобы доказать это, приводятъ обыкновенно, съ одной стороны, множество самыхъ разнообразныхъ разсказовъ о поразительной разумности и даже нравственности нѣкоторыхъ животныхъ, преимущественно домашнихъ *), съ другой-же—стараются какъ можно болѣе унижить духовныя дарованія бѣдныхъ дикарей. Такое-то одностороннее направленіе современнаго естествознанія и пристрастное отношеніе къ фактамъ привело, наконецъ, къ мысли о томъ, что и въ ре-

*) При этомъ обыкновенно мало заботятся о степени достовѣрности приводимыхъ разсказовъ, вслѣдствіе чего они бывають, въ большинствѣ случаевъ, такъ невѣроятны и сомнительны, что имъ—по замѣчанію Бона-Мейера—„едва вѣрять и сами повѣствователи“ (Philosophische Zeitfragen. S. 145, 2 Aufl.).

лигіозномъ отношеніи дикари не должны превосходить животныхъ. Извѣстный англійскій естествоиспытатель Дарвинъ сообщаетъ уже намъ, что „не только вѣры въ божество, приближающейся къ нашему познанію истиннаго Бога, но даже вѣрованій въ какія бы то ни было божественныя начала, мы часто не находимъ у первобытнаго человѣка“ *). Итакъ, въ противоположность всѣмъ увѣреніямъ древнихъ и новѣйшихъ путешественниковъ, настаивающихъ на всеобщности религіи, вдругъ оказывается, что у нѣкоторыхъ дикарей совсѣмъ нѣтъ „вѣры въ какія бы то ни было божественныя начала“, т. е. нѣтъ религіи. Мѣсто религіи въ собственномъ смыслѣ, по мнѣнію Дарвина, у дикарей заступаетъ только „вѣра въ существованіе невидимыхъ, или нематеріальныхъ дѣятелей“. „Такое убѣжденіе, говоритъ онъ,—обще всѣмъ, даже наименѣе цивилизованнымъ человѣческимъ расамъ“ **). Но, какъ оказывается далѣе, это убѣжденіе вовсе не свидѣтельствуетъ о какомъ-либо существенномъ превосходствѣ человѣка предъ животными, потому что оно присуще и этимъ послѣднимъ. Въ доказательство этого Дарвинъ приводитъ слѣдующій фактъ изъ своего собственнаго наблюденія. „Его собака въ тихій и теплый день лежала на лужайкѣ, не владекъ отъ нея стоялъ раскрытый зонтикъ, на который она не обращала никакого вниманія. Вдругъ маленькій вѣтерокъ зашевелилъ его; собака замѣтила это, и сейчасъ же зарычала и залаяла. Она повторяла тоже самое всякій разъ, какъ только въ зонтикѣ обнаруживалось движеніе“ ***). Отсюда Дарвинъ дѣлаетъ заключеніе, будто-бы „собака была убѣждена въ томъ, что всякое движеніе должно имѣть причину и что поэтому движеніе безъ видимой причины указываетъ на чуждую, невидимую живую силу“. На основаніи такихъ соображеній, Дарвинъ заключаетъ далѣе, что у его собаки совершался въ данномъ случаѣ „такой же духовный процессъ, какой совершается и у дикаря, когда онъ за грозою представляетъ бога грома“. А отсюда является новое, не ме-

*) „Происхожденіе человѣка“, 31 стр. (въ перев. ред. журн. „Знаніе“). Подъ „первобытнымъ человѣкомъ“, какъ видно изъ хода рѣчи, разумѣется здѣсь, именно, нецивилизованный современный дикарь.

**) Ibid.

***) Ibid.

пѣе замѣчательное слѣдствіе: „религія (конечно въ смыслѣ убѣжденія въ существованіи нематеріальныхъ, оживотворяющихъ началъ) не есть что-нибудь принадлежащее собственно человѣку, но встрѣчается также и у животныхъ“ *). Такимъ-то образомъ, знаменитый представитель новѣйшаго естествознанія нашель, наконецъ, возможнымъ утверждать, что и въ религіозномъ отношеніи человѣкъ въ сущности не отличается отъ животныхъ **).

Но у Дарвина мысль о существованіи религіи у животныхъ высказывается какъ-то мимоходомъ и отрывочно. Съ большею обстоятельностью эта мысль развивается у его ревностныхъ послѣдователей. Такъ, О. Каспари, опредѣляя религію какъ „страхъ въ любви“ (Furcht in der Liebe), находитъ „слѣды религіознаго чувства и у звѣрей“ ***). Но всего подробнѣе и обстоятельнѣе мысль о религіи животныхъ раскрывается у современнаго намъ философа Эд. Гартмана, въ 1-й главѣ его сочиненія: „Das religiöse Bewusstsein der Menschheit“. Поэтому, не останавливаясь на разборѣ воззрѣній Дарвина и его ближайшихъ послѣдователей, мы передадимъ содержаніе 1-й главы указаннаго сочиненія Гартмана и затѣмъ разсмотримъ, насколько основательны высказанныя въ ней сужденія философа ****).

Поставивъ себѣ вопросъ: „имѣютъ-ли религію животныя“? Гартманъ заранѣе предпріимаетъ его въ благопріятномъ для животныхъ смыслѣ. „Если,—говоритъ онъ въ самомъ началѣ своего сочиненія, согласиться съ тѣмъ, что человѣчество развилось изъ состоянія, подобнаго состоянію животныхъ, до той

*) Весь этотъ рядъ соображеній и выводовъ, которые дѣлаеть Дарвинъ на основаніи вышеуказаннаго факта, мы излагаемъ такъ, какъ передаетъ ихъ Эббардъ въ своей Апологетикѣ (Apologetik I, T. S. 132—133).

**) Впрочемъ, это утверждалъ еще Фогтъ, по мнѣнію котораго „страхъ предъ Богомъ есть ничто иное, какъ страхъ предъ неизвѣстнымъ; а этотъ страхъ, слѣдоват. и зародитъ религіи, имѣютъ какъ люди, такъ же точно и животныя“. См. j. Vona-Meyer, Philos. Zeitfragen. S. 393.

***) Въ сочиненіи: „Die Urgeschichte der Menschheit“ (1873). Разборъ этого сочиненія см. у проф. Буслаева въ „Русск. Вѣстн.“ 1873 г. Окт.

****) Взглядъ Гартмана мы стараемся передавать съ возможною точностію и почти всегда даже его собственными словами, чтобы кто-нибудь не заподозрилъ насъ въ преднамѣренномъ искаженіи тѣхъ или другихъ его положеній.

степени совершенства, на которой оно встрѣчается намъ въ настоящее время даже въ весьма низко стоящихъ расахъ,— то трудно будетъ утверждать, что обладаніе религіею есть признакъ различія между человѣкомъ и животнымъ, такъ какъ тогда должно также согласиться, что человѣчество не владѣло религіею отъ начала, а приобрѣло ее только на извѣстной ступени своего развитія“ *). Самое большее въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Гартмана, было бы—приписать людямъ, какъ ихъ отличительный признакъ, только „расположеніе (Anlage) къ религіи, способность раскрыть при благопріятствующихъ обстоятельствахъ содержаніе религіознаго сознанія“. Но и это ничтожное превосходство человѣка предъ животными остается еще весьма сомнительнымъ, потому что является вопросъ: дѣйствительно-ли у животныхъ нѣтъ такого же религіознаго расположенія, или же имъ недостаетъ только внутреннихъ и внѣшнихъ условій, благопріятствующихъ раскрытію этого расположенія, дремлющаго въ нихъ тайно? Гартманъ, съ своей стороны, склоняется, именно, къ послѣдней мысли и причину отсутствія религіи у животныхъ указываетъ не въ недостаткѣ ихъ духовныхъ дарованій, а только въ недостаткѣ самыхъ объектовъ для религіозныхъ отношеній. „Если, разсуждаетъ онъ, мы должны констатировать у высшихъ животныхъ такія духовныя свойства, какъ влеченіе къ общежительности, состраданіе, любовь, побужденіе къ мести, благодарность, привязанность, вѣрность, смиреніе, великодушіе, раскаяніе, преданность, самоотверженіе даже на смерть, даже чувство долга (по крайней мѣрѣ въ смыслѣ гетерономической морали),—то мы едва-ли можемъ сомнѣваться въ томъ, что такія животныя сдѣлались бы способными также къ развитію религіозныхъ отношеній, если бы только приличныя объекты для таковыхъ отношеній могли быть представлены имъ въ доступномъ для нихъ, т. е. чувственно-наглядномъ образѣ“ **). Что же касается, прежде всего, подобныхъ имъ животныхъ, съ которыми имъ приходит-

*) S. 3.

***) S. 4.—Должно замѣтить, что, разсуждая такимъ образомъ, Гартманъ разумѣетъ только дикихъ животныхъ; у животныхъ же домашнихъ, какъ увидимъ далѣе, онъ находитъ своего рода религіозность.

ся обращаться, то къ нимъ они не могутъ имѣть религіозныхъ отношеній, потому что разсматриваютъ ихъ только какъ равныхъ себѣ; если одни изъ животныхъ и превосходятъ другихъ по силѣ, ловкости и пр., то, какъ говоритъ философъ, и „эти отличія слишкомъ незначительны, чтобы произвести религіозное отношеніе“ *). Даже человекъ не можетъ сдѣлаться предметомъ религіозныхъ отношеній для дикихъ животныхъ. Отпоясь къ нимъ исключительно только враждебно, онъ можетъ вызвать въ нихъ „родъ демоническаго страха“, но отнюдь не религіозное отношеніе; для этого послѣдняго, по теоріи нашего философа, существенно необходимо, чтобы человекъ заявилъ себя и съ благодѣтельной стороны **), а это-то и недостаетъ въ разсматриваемомъ случаѣ. Единственные предметы, которые могли бы способствовать пробужденію въ дикихъ животныхъ религіознаго сознанія, суть небесныя явленія ***). Наблюдая за этими явленіями, животные, точно также какъ и люди, могли бы сознать и ихъ силу, и ихъ благодѣтельное дѣйствіе, а вмѣстѣ съ этимъ они пріобрѣли бы себѣ и тѣ объекты, которые вполне пригодны для религіозныхъ отношеній. Но и это единственно-возможное средство для пробужденія религіознаго сознанія въ дикихъ животныхъ оказывается недоступнымъ для нихъ. Имъ, къ великому прискорбію Гартмана, недостаетъ способности къ свободному отъ практическаго интереса наблюденію (*uninteressirte Beobachtungsfähigkeit*). Разсудокъ ихъ, а съ нимъ и наблюденіе всецѣло еще скованы узами практической потребности. Тогда какъ человекъ, лишь только его потребности бываютъ удовлетворены на время, переноситъ свой взоръ на небесныя явленія и здѣсь, случайно открывъ тѣсную причинную связь этихъ явленій съ ближайшими явленіями окружающаго его міра, находитъ для себя приличные религіозные объекты,—взоръ и чувство дикихъ животныхъ всегда направлены къ землѣ и, такимъ образомъ, отъ нихъ ускользаютъ тѣ самые предметы, которые могли бы пробудить дремлющее въ

*) Ibid.

**) Ibid.

***) Т. е. тѣже самые предметы, съ которыми, по ученію Гартмана, связано и пробужденіе религіознаго сознанія въ людяхъ. См. §. 5.

нихъ религіозное сознаніе. Итакъ, вотъ самая первая и главная причина отсутствія религіи у животныхъ въ ихъ естественномъ состояніи: это—скажемъ подлинными словами Гартмана—„не столько низкая степень развитія духа, сколько низкая степень развитія его познавательной способности, да и здѣсь это есть не столько недостатокъ въ употребленіи категоріи причинности, сколько недостатокъ въ способности наблюденія“ *).

Но такая безрелигіозность есть удѣлъ только тѣхъ животныхъ, которыя остаются въ естественномъ состояніи; совсѣмъ иное находитъ Гартманъ у животныхъ домашнихъ, поставленныхъ въ исключительныя благопріятныя обстоятельства. Домашнее животное встрѣчаетъ въ лицѣ своего господина такое „живое существо, которое оно должно разсматривать, какъ существо, сродное ему во внутренней сущности (Kern) и однородное,—однако же несравненно превосходящее его“ **). А такъ какъ превосходство его выражается при этомъ не въ неприязненномъ только преслѣдованіи, но преимущественно въ благожелательныхъ дѣйствіяхъ, — въ доставленіи животному пищи, защиты и т. под., то „животное, по словамъ Гартмана можетъ найти выгоднымъ для себя, предаться въ добровольную зависимость отъ этого существа. Но вмѣстѣ съ этимъ, восклицаетъ философъ, получено религіозное отношеніе; мы принуждены тому отношенію, которое существуетъ между умнѣйшими домашними животными и ихъ господами, приписать со стороны животнаго религіозный характеръ“ ***).

„Этотъ религіозный характеръ,—продолжаетъ онъ далѣе,—изглаживается тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе человѣкъ-господинъ стоитъ къ своему домашнему животному по образованію души,

*) S. 5.—При этомъ философъ оставляетъ совершенно открытымъ тотъ вопросъ: сдѣлали-ли бы животное, если бы даже оно и дошло до причинной связи между небесными и земными явленіями, такъ оживотворить эти явленія, чтобы можно было стать въ религіозное отношеніе къ нимъ, какъ это дѣлаетъ съ ними человѣкъ. „Здѣсь—говоритъ онъ—достаточно подтвержденія того, что животнымъ недостаетъ уже перваго предварительнаго условія (Vorbedingung) для приобрѣтенія религіозныхъ объектовъ, именно—способности къ свободному отъ практическаго интереса наблюденію“. S. 6.

**) S. 6.

***), Idid.

характера и духа, и совершенно исчезаетъ тамъ, гдѣ господинъ унижается или до жестокосердаго, неразумнаго мучителя, или до добраго товарища животнаго, слѣдовательно лишается или довѣрія, или почтенія со стороны животнаго. Напротивъ того, религіозный характеръ этого отношенія возвышается въ той мѣрѣ, какъ животное проникается сознаниемъ интеллектуальнаго и моральнаго превосходства своего господина, когда оно разсматриваетъ его во всякомъ отношеніи, какъ высшее существо, и основываетъ свое неограниченное довѣріе не только на его могуществомъ для удовлетворенія его потребностей, но и на его добротѣ и справедливости, на правильности и цѣлесообразности его воли, все равно—можетъ-ли оно возникнуть въ мотивы послѣдней въ отдѣльномъ случаѣ, или нѣтъ; потому что тогда къ любви и благодарности животнаго присоединяется возвысившееся до почитанія уваженіе, рабскій страхъ предъ превосходящею силою возвышается до благоговѣнія, обыкновенная привязанность возвышается до неизмѣнной преданности всего существа, до вѣрности даже на смерть, и послушаніе дрессировки дѣлается подчиненіемъ воли изъ благочестія (Pietät)* *).

Открывъ, такимъ образомъ, существованіе религіи у животныхъ и указавъ тѣ условія, которыя благопріятствуютъ или не благопріятствуютъ возрастанію ея, Гартманъ желаетъ въ заключеніе разсматриваемой главы устранить нѣкоторыя возможные возраженія противъ его сужденій. Съ этою цѣлью онъ сопоставляетъ религіозныя отношенія животныхъ къ своимъ господамъ съ такими-же отношеніями дикарей къ своимъ натурь-божествамъ и на основаніи этого сопоставленія доказываетъ, что упомянутые два рода отношеній нисколько не отличаются между собою ни по своей сущности, ни по способу и условіямъ своего возникновенія. Въ этихъ заключительныхъ сужденіяхъ Гартмана довольно ясно высказывается его взглядъ на сущность религіи и условія ея происхожденія; поэтому онъ представляется намъ весьма важными и мы не можемъ обойти ихъ молчаніемъ.

Прежде всего, Гартманъ предвидитъ слѣдующее возраженіе:

*) S. 6—7.

точно такія-же чувствованія, какія онъ находитъ въ душѣ домашнихъ животныхъ въ отношеніи къ ихъ господамъ, могутъ имѣть мѣсто и въ отношеніи одного человѣка къ другому; при чемъ однако-же этому отношенію никто не приписываетъ религіознаго характера. Это возраженіе оказывается предъ судомъ нашего философа неосновательнымъ. Согласившись съ тѣмъ, что въ отношеніяхъ одного человѣка къ другому дѣйствительно замѣчается иногда религіозная окраска, онъ ссылается на непормальность этого явленія *), утверждая, что эта окраска возможна только при исключительныхъ обстоятельствахъ, когда „обожаящій“ почему-либо не замѣчаетъ того, что „интеллектуальное и моральное превосходство „обожяемаго“ человѣка не превышаетъ типическихъ границъ своего вида (der eigenen Species) и потому не приличествуетъ для обоготворенія“ **). Но ослабивъ, такимъ образомъ, силу возраженія, Гартманъ не довольствуется этимъ; онъ утверждаетъ даже, что эта самая религіозная окраска, встрѣчающаяся иногда въ отношеніяхъ одного человѣка къ другому, „говоритъ не *противъ*, но *за* возможность религіознаго отношенія тамъ, гдѣ превосходство (т. е. превосходство обоготворяемаго существа) превышаетъ видовыя границы (Artgrenze) ***). А такъ именно, по его представленію, обстоитъ дѣло въ отношеніяхъ между домашними животными и ихъ господами.

Болѣе серьезное возраженіе, представляющеея Гартману, заключается въ томъ, что между тѣмъ отношеніемъ домашнихъ животныхъ къ господамъ, которому онъ приписываетъ религіозный характеръ, и тѣмъ, что мы разумѣемъ подъ религіею, существуетъ громадная разница, что первое далеко не исчерпываетъ собою всего содержанія послѣдней. На это Гартманъ отвѣчаетъ, что теперешнее содержаніе религіознаго сознанія точно также не исчерпывается и отношеніями первоначальнаго человѣка къ натуръ-божествамъ, что даже, если сравнить съ этой

*) Философъ прямо называетъ эту религіозную окраску, замѣчаемую въ почитаніи человѣка, „византійскимъ преувелченіемъ и ложью“. „продуктомъ переходящей восторженной вспышки“, плодомъ (Ausschwitzung) болѣзненно возбужденной фантазіи“. S. S.

**) S. 7.

***) S. S.

именно стороны отношенія домашнихъ животныхъ къ своимъ господамъ съ отношеніями естественныхъ людей къ своимъ божествамъ,—то превосходство несомнѣнно окажется на сторонѣ первыхъ. Это потому, говоритъ философъ, что божества первоначальнаго естественнаго человѣка представляются ему духовными силами далеко не съ такимъ интеллектуальнымъ и нравственнымъ превосходствомъ, съ какимъ человѣкъ является своему домашнему животному. Онъ утверждаетъ также, что боги естественнаго человѣка „суть для него не что-либо сверхчувственное, скрывающееся за явленіями природы, но эти самыя явленія“, и что дикарь „приписываетъ своимъ богамъ не всемогущество, но только могущество, несравненно превосходящее его собственную силу, и не удивляется тому, когда богу его что-нибудь не удастся“ *). Значитъ, для обоготворенія какого-нибудь предмета природы вовсе не требуется необходимо, чтобы человѣкъ представлялъ его всемогущимъ; для этого нужно только, чтобы могущество его представлялось человѣку несравнимымъ съ его собственнымъ могуществомъ, несравненно превосходящимъ его. Это-же послѣднее условіе исполнѣ достигается благодаря тому, что религіозный объектъ закрывается нѣкоторою таинственною оболочкою (*mysteriöse Umhüllung, Nimbus*) и его могущество дѣлается, такимъ образомъ, недоступнымъ для измѣренія и сравненія. Обращаясь теперь къ животнымъ, нашъ философъ находитъ, что человѣческое могущество несомнѣнно имѣетъ въ ихъ глазахъ эту необходимую для обоготворенія таинственную фату. „Собака, говоритъ онъ, точно такъ-же мало знаетъ о томъ, какъ ей господинъ доставать ей и себѣ пищу и пріютъ, какъ мало и естественный человѣкъ понимаетъ то, какимъ образомъ небо и земля, солнце и дождь даютъ возможность произрастать растеніямъ и созрѣвать плодамъ. Собака такъ-же мало понимаетъ, какимъ образомъ ей господинъ исторгаетъ изъ ружья смертельную искру и трескъ, какъ мало понимаетъ и естественный человѣкъ, какимъ образомъ его богъ грозы извлекаетъ изъ облака смертельную молнію и громъ. Собака, которая увидѣла, что ей разгнѣванный господинъ застрѣлить за непо-

*) Ibid.

слушаніе на охотѣ другую собаку, при подобномъ непослушаніи боятся гнѣва вооруженнаго господина не менѣе, чѣмъ и эллины боятся далеко-бросающаго Аполлона, сознавая, что онъ возбудилъ гнѣвъ его“ *). Замѣчая извѣстную послѣдовательность и цѣлесообразность въ дѣйствіяхъ своего господина, но не будучи въ состояніи проникнуть во внутреннюю причинную связь ихъ, собака невольно убѣждается въ несравненномъ превосходствѣ его могущества, точно также какъ и естественный человѣкъ, не будучи въ состояніи постигнуть взаимную связь явленій, а между тѣмъ, испытывая на себѣ благодѣтельныя или губельныя слѣдствія ихъ, видитъ въ нихъ преднамѣренныя дѣйствія своихъ натуръ-божествъ и вслѣдствіе этого признаетъ несравненное превосходство ихъ могущества. Такимъ образомъ, сравнивъ отношенія домашнихъ животныхъ къ своимъ господамъ съ отношеніями естественнаго человѣка къ натуръ-божествамъ, Гартманъ нашелъ между ними полнѣйшее сходство какъ по самой сущности ихъ, такъ и по условіямъ ихъ возникновенія. Единственное различіе между ними состоитъ, по словамъ Гартмана, въ томъ, что „религіозные объекты естественнаго человѣка имѣютъ болѣе макрокосмическое значеніе“ **),—сравнительно съ религіозными объектами животныхъ. Но и это различіе, какъ оказывается далѣе, вовсе не въ пользу человѣка. Философъ рѣшительно утверждаетъ, „что собака, которой посчастливилось найти благороднаго господина, имѣетъ гораздо болѣе благопріятный объектъ для религіозныхъ отношеній, нежели естественный человѣкъ—въ небесныхъ и земныхъ явленіяхъ, потому что послѣднія обнаруживаютъ ближе всего только превосходство силы, первый-же, кромѣ того, обнаруживаетъ еще такое-же превосходство духа и характера“ ***).

Таково въ существенныхъ чертахъ содержаніе 1-й главы вышепоименованнаго сочиненія Гартмана.

На первый и поверхностный взглядъ изложенныя разсужденія современнаго философа о религіи животныхъ могутъ, пожалуй, показаться довольно правдоподобными и естественными и

*) S. 9.

*) S. 10.

**) Ibid.

даже нелишними научныхъ основаній. Тѣмъ не менѣе согласиться съ ними не представляется никакой возможности. При болѣе внимательномъ и глубокомъ разсмотрѣніи многое въ этихъ разсужденіяхъ оказывается или логически-несообразнымъ, или-же научно-недоказаннымъ, такъ что мы должны признать ихъ неосновательными какъ съ *философской* точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія *естественно-научной*.

И прежде всего, съ философской точки зрѣнія не можетъ быть признанъ правильнымъ взглядъ Гартмана на самую сущность религіи и ея происхожденіе.—Какъ ни кратко, какъ ни отрывочно встрѣчающіяся въ рассматриваемой главѣ выраженія Гартмана о религіи вообще, однако и на основаніи ихъ едва-ли можно, хотя сколько-нибудь, сомнѣваться относительно того, какъ именно смотритъ нашъ философъ на самую сущность религіи. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что быть религіознымъ, по его воззрѣнію, значитъ—испытывать почтительный страхъ и вмѣстѣ покорную преданность въ отношеніи къ какому-либо живому, несравненно высшему существу. Если-бы такое воззрѣніе на религію было правильно, то и Гартманъ, пожалуй, былъ-бы справедливъ, утверждая, что религію имѣютъ и животныя. *) Но не трудно видѣть, что это воззрѣніе слишкомъ узко и невѣрно, что философъ неправильно понимаетъ, во-первыхъ, *субъективный элементъ* религіи, а во-вторыхъ, и самый *объектъ* религіозныхъ отношеній. Ограничивая *субъективный элементъ* религіи однимъ только *чувствомъ*, Гартманъ разсуждаетъ такимъ образомъ: „домашнее животное боится своего господина и любитъ его,—вотъ и религія!“ Но такое узкое ограниченіе религіи сферою чувства не только не можетъ быть оправдано ни психологически, ни исторически, но и прямо противорѣчитъ какъ психологическому опыту, такъ и показаніямъ исторіи.—Психологическій опытъ ясно свидѣтельствуетъ, что религія обнимаетъ не одну только какую-либо сторону человѣческаго существа, въ настоящемъ случаѣ—область чувства, но рѣшительно всего человѣка во всѣхъ вышешихъ проявленіяхъ его духа. Она простираетъ свое могуще-

*) Говоримъ: „пожалуй“,—потому что ниже увидимъ, что даже и такой религіи, какую разумѣетъ Гартманъ, животныя не имѣютъ.

ственное вліяніе не только на чувствительную способность человека, но и на способность познавательную, равно какъ и на способность желательную. Даже болѣе,—такъ какъ эти двѣ послѣднія способности, по общему признанію, стоятъ несравненно выше первой, то должно думать, что и религія гораздо болѣе обнаруживаетъ свое вліяніе именно въ ихъ сферѣ, нежели въ сферѣ чувства. Сказанное вполне подтверждается и показаніями исторіи. Во всѣхъ историческихъ извѣстныхъ религіяхъ мы непремѣнно встрѣчаемъ цѣлую схему религіозныхъ истинъ, цѣлый рядъ чисто-теоретическихъ понятій, повидимому, не имѣющихъ даже ничего общаго съ чувствованіями, напр., понятій о существѣ и свойствахъ Божества, объ отношеніи Его къ міру, о душѣ человека и ея загробномъ существованіи и т. п. Словомъ, своего рода система догматическихъ положеній составляетъ необходимую принадлежность всякой, даже наименѣе развитой религіи. Далѣе, во всякой религіи также необходимо встрѣчается намъ и рядъ нравственныхъ предписаній, обусловленныхъ именно религіознымъ вѣроученіемъ, а не только чувствомъ страха или благодарности, иначе—встрѣчается то, что разумѣется подъ именемъ „религіозной нравственности“. Наконецъ, во всякой религіи существуетъ особенная форма специально-религіозныхъ дѣйствій, которыя возникаютъ подъ взаимнымъ вліяніемъ религіознаго знанія и чувства и которыхъ нельзя смѣшивать съ дѣйствіями чисто-нравственными. Мы разумѣемъ различныя формы богослуженія, жертвъ и т. п., словомъ все, что обозначается именемъ культа. Такимъ образомъ, исторія показываетъ намъ, что религія отнюдь не выражается только въ сферѣ чувства, но проявляется вмѣстѣ и въ сферѣ теоретическаго вѣдѣнія и практической дѣятельности человека. Объ этомъ же свидѣтельствуетъ и общее религіозное сознаніе человечества. Оно не только не признаетъ за чувствомъ какого-либо исключительнаго и всеобъемлющаго значенія въ дѣлѣ религіи, но даже отдаетъ рѣшительное предпочтеніе предъ нимъ религіозному знанію и религіозно-нравственной дѣятельности. Степень истинной религіозности и благочестія человека никогда не опредѣляется степенью его религіознаго чувства. Исторіи человечества из-

вѣстно не мало фанатиковъ, которые въ жизни своей явили образцы самаго сильнаго и неудержимаго возбужденія религіознаго чувства, но которые тѣмъ не менѣе, по обще-человѣческому же признанію, отнюдь не представляютъ собою идеала религіознаго человѣка. Равнымъ образомъ, и достоинство самыхъ религій обыкновенно опредѣляется вовсе не тѣмъ, въ какой мѣрѣ та или другая изъ нихъ возбуждаетъ человѣческое чувство, но именно тѣмъ, насколько возвышенны ихъ умозрительныя начала, насколько чисты ихъ нравственныя предписанія. Неясное различіе сравнительнаго достоинства этихъ двухъ послѣднихъ сторонъ въ религій, а также—чисто внѣшнее пониманіе самаго существа нравственности, перѣдко подавало поводъ приравнивать нѣкоторыя языческія религій (напр. буддизмъ) къ религій христіанской, на томъ (мнимомъ) основаніи, что въ нихъ будто-бы преподается одинаково возвышенное и совершенное ученіе нравственности. Но никому еще не приходило на мысль приравнять къ христіанской религій, напр. магометанскую, и приравнять, именно, на томъ основаніи, что послѣдняя религія всего болѣе вліяетъ на сторону человѣческаго чувства, доводя поклонниковъ своихъ до поразительнаго фанатизма и изуверства. Отсюда ясно, что общечеловѣческое сознаніе полагаетъ самую сущность и основу религій не въ сферѣ чувства, но въ сферѣ высшихъ интеллектуальныхъ способностей человѣка.

Но если, такимъ образомъ, нельзя ограничивать религію сферою чувства вообще, то тѣмъ болѣе нельзя ограничивать ее именно чувствованіями страха и покорной преданности, какъ дѣлаетъ это Гартманъ. Не говоримъ уже о томъ, что этими чувствованіями никоимъ образомъ не исчерпывается все содержаніе религій съ ея теоретической и практической стороны,—послѣ сказаннаго это само собою уже разумѣется; мы хотимъ указать теперь на то, что ими далеко не исчерпывается даже собственно сфера *религіозныхъ чувствованій*. Въ самомъ дѣлѣ, чувствованія страха и покорной преданности суть чувствованія, такъ сказать, *вынужденныя, не свободныя, инстинктивныя*. Самое возникновеніе ихъ обуславливается, главнымъ образомъ, инстинктивнымъ сознаніемъ личной опасности и пол-

наго безсилія своего къ устраненію ея. Точно также и степень силы этихъ чувствованій въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ естественнаго предрасположенія того или другаго индивидуума, но вовсе не отъ свободной воли его. Поэтому, если-бы мы рѣшились ограничить религіозныя чувствованія только страхомъ и покорною преданностію, то въ такомъ случаѣ мы должны были бы отрицать всякую нравственную цѣну у религіозной, благочестивой настроенности человѣка. Эта послѣдняя оказалась бы не столько свободнымъ дѣломъ самого человѣка, сколько прямымъ и естественнымъ результатомъ его темперамента. Если же, напротивъ, религіозное сознаніе признаетъ за благочестивою настроенностію человѣка высоко-нравственное достоинство, то именно потому, что оно отнюдь не ограничиваетъ области религіозныхъ чувствованій страхомъ и покорною преданностію. И дѣйствительно, въ ряду и даже во главѣ всѣхъ религіозныхъ чувствованій оно поставляетъ *сознательную, свободную* любовь человѣка къ Божеству. Эта любовь глубочайшее свое основаніе имѣетъ въ представленіи тѣхъ или другихъ безграничныхъ совершенствъ Высочайшаго Существа, и, при всемъ многообразіи своихъ проявленій, она всегда остается въ сущности свободнымъ стремленіемъ человѣка къ своему безконечному первообразу. Поэтому-то за нею и признается неоспоримое нравственное достоинство. А что этой свободной и сознательной любви человѣка къ Богу никакъ нельзя объяснить изъ инстинктивныхъ и вынужденныхъ чувствованій страха и покорной преданности, — это уже само собою ясно.

Изъ сказаннаго можно видѣть, какъ неправильно понимаетъ Гартманъ субъективный элементъ религіи, когда въ чувствахъ страха и покорной преданности домашнихъ животныхъ въ отношеніи къ своимъ господамъ находитъ религію.

Но точно также неправильно опредѣляется у Гартмана и самый *объектъ* религіозныхъ отношеній. Мы видѣли, что философъ опредѣляетъ его не какъ существо безграничное, абсолютное, но только какъ существо несравненно высшее, несравненно превосходящее по своему могуществу того, кто обоготворяетъ его. Замѣтимъ прежде всего, что и самъ Гартманъ въ одномъ мѣстѣ очень ясно выразилъ ту мысль, что рели-

рѣозное отношеніе вполне законно и дѣйствительно только тамъ, гдѣ превосходство „обожяемаго“ переходитъ *видовыя границы*, т. е. гдѣ существо обожяемое превышаетъ по своимъ совершенствамъ всѣ существа того рода или вида, къ которому принадлежать и индивидуумъ „обожяющій“. Кажется, не трудно видѣть, что въ этомъ случаѣ религіозный объектъ опредѣляется у Гартмана уже нѣсколько иначе и ближе къ истинѣ. Но достаточно обратиться къ фактамъ общечеловѣческаго религіознаго сознанія, чтобы вполне убѣдиться въ несправедливости даже и этого опредѣленія религіознаго объекта. Известно, напр., что необходимую принадлежность всякой вообще религіи составляетъ молитва и не только за себя, но и за другихъ, словомъ—молитва ходатайственная. Каждый человекъ, какимъ-бы дикимъ и неразвитымъ мы ни представляли его, конечно, молится своему Божеству, чтобы оно сохранило его отъ всякихъ враговъ и несчастій; точно также и каждая мать, къ какой бы расѣ она ни принадлежала, непременно молится у посетилн своего больного дитяти и просить у Бога выздоровленія его. О чемъ все это свидѣтельствуетъ? Не означаетъ ли это, что каждый человекъ, какъ бы мало развитъ онъ ни былъ, представляетъ себѣ Божество превосходящимъ не только его самого, не только его родъ или видъ, но и весь окружающій его міръ? Въ самомъ дѣлѣ, могъ-ли бы человекъ молиться своему Божеству, напр., о благополучномъ окончаніи своего далекаго плаванія, если-бы онъ не былъ убѣжденъ, что это Божество имѣетъ безграничную силу и что Ему покорны самыя стихіи? Едва ли также вздумать бы человекъ молиться своему Божеству и о томъ, чтобы оно какъ можно долѣе продлило существованіе его рода и покровительствовало его потомству, если бы онъ не былъ убѣжденъ, что это Божество переживетъ не только его самого и ближайшихъ его потомковъ, но и будетъ существовать нескончаемо, вѣчно. Словомъ, если бы человекъ представлялъ себѣ Божество не абсолютнымъ существомъ, обладающимъ безконечными совершенствами, а существомъ ограниченнымъ и обладающимъ совершенствами только относительными, то нельзя было бы указать какого-либо достаточнаго основанія для упомянутыхъ видовъ молитвы. Тогда рѣ

высшей степени непонятно было-бы, почему человекъ считаетъ свое Божество могущимъ избавить его самого, его ближнихъ и потомство отъ многочисленныхъ и сильныхъ враговъ, часто даже такихъ, которыхъ онъ самъ не знаетъ и не можетъ еще предусмотрѣть,—и вообще отъ дѣйствія враждебныхъ силъ окружающаго его міра. Въ виду указаннаго факта мы принуждены думать, что человекъ представляетъ себѣ Божество несравненно превышающимъ не только его собственныя силы и силы, свойственныя индивидуумамъ его рода, но и всякую вообще данную или предполагаемую величину и силу; а такое существо и есть существо безграничное, безконечное, абсолютное *).

Такъ представляемъ мы и такъ, думается намъ, должно представлять себѣ сущность всякой вообще религіи съ ея субъективной и объективной стороны. **) Нужно ли говорить теперь, что такой именно религіи нѣтъ и у самыхъ смысленныхъ домашнихъ животныхъ?!—Конечно, ея не только нѣтъ у нихъ, но и быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если предположимъ даже, что субъективный элементъ религіи не требуетъ отъ человека какой-либо особенной высшей способности, сравнительно съ способностями животныхъ, но обуславливается только высшею степенью развитія разсудочной силы, то, вѣдь объек-

*) Правда, Гартманъ указываетъ на тотъ фактъ, что дикарь не удивляется, если богу его что-либо не удастся. Но потому-ли онъ не удивляется, что представляетъ бога своимъ существомъ, превосходящимъ только его силы, а не существомъ высочайшимъ, превышающимъ весь міръ вообще?—Въ этомъ позволительно усомниться, потому что еслибы дикарь предположилъ бытіе такого существа, которое превышаетъ его собственное божество, то онъ, безъ сомнѣнія, пересталъ бы и обоготворять это послѣднее. Поэтому гораздо естественнѣе, кажется намъ, объяснять отмѣченный фактъ простымъ логическимъ противорѣчіемъ, которое является, когда человекъ начинаетъ прилагать предикатъ безграничности ко многимъ объектамъ одновременно (такъ у грековъ было множество божествъ, безконечно совершенныхъ въ своей только области, хотя, конечно, это составляетъ логическое противорѣчіе).

**) Гартманъ, впрочемъ, увѣряетъ насъ, что теперешнее содержаніе религіознаго сознанія нельзя сравнивать съ содержаніемъ религіознаго сознанія, такъ называемаго имъ, естественнаго человека. Но позволительно спросить: что такое этотъ „естественный человекъ“, этотъ загадочный „Naturmensch?“—Весьма ясное опредѣленіе этого естественнаго человека Гартманъ даетъ въ 3 гл. своего сочиненія, гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „мы имѣемъ дѣло съ естественнымъ человекомъ, т. е. съ такимъ человекомъ, который, хотя и имѣетъ уже нравственный инстинктъ, въ томъ же смыслѣ, какъ и животное (напр. мате-

тивный элементъ религіи, правильно понимаемый, отнюдь не можетъ зависѣть отъ развитія разсудочной силы, но необходимо требуетъ для своего происхожденія высшей духовной силы, — разума. Безъ этого послѣдняго человѣкъ никогда не приобрѣлъ бы для себя религіознаго объекта. Ни „способность къ незаинтересованному наблюденію“, побуждающая человѣка обратить свои взоры къ небеснымъ явленіямъ, ни „фантазія“, оживотворяющая предметы природы, ни „таинственная оболочка“, облегчающая естественныхъ дѣятелей, не дадутъ человѣку Бога. И напрасно Гартманъ трудился собирать и соединять вмѣстѣ различныя, высказанныя до него и опровергнутыя уже, ложныя воззрѣнія на религію древнихъ и новыхъ мыслителей, отъ Лукреція до Кюльбе и Фейербаха. Изъ соединенія лицъ, хотя бы въ самыхъ большихъ дозахъ и въ самыхъ многоразличныхъ комбинаціяхъ, нельзя получить истины. Напрасно также философъ вскользь упоминаетъ объ употребленіи „категоріи причинности“; изъ этого явствуетъ только, что онъ считаетъ религію порожденіемъ исключительно человѣческихъ силъ. Но въ этомъ-то и заключается грѣхъ *φειδος* (первоначальная ложь), всѣхъ его разсужденій о религіозномъ характерѣ отношенія домашнихъ животныхъ къ своимъ господамъ. Впрочемъ, мы не будемъ вдаваться въ разсужденіе о томъ, что религія возришскую любовь, состраданіе, побужденіе къ общежительности, привязанность и т. д.), или расположеніе къ будущему раскрытію нравственнаго сознанія, но также мало имѣетъ раскрывшееся уже нравственное сознаніе, дѣйствительную нравственность (*Moralität*), какъ и религію“ (§ 26).—Спрашивается теперь: чѣмъ же отличается этотъ „человѣкъ безъ религіи и нравственности“ отъ обыкновеннаго животнаго, если нравственный инстинктъ и расположеніе къ религіи свойственны и этому послѣднему? Рѣшительно ничѣмъ. Поэтому-то и оказывается въ концѣ концовъ, что почтенный нашъ философъ рисуетъ обыкновенное животное, только даетъ ему громкую кличку „*Naturmensch*“, и затѣмъ, основываясь на пошлѣйшемъ сходствѣ между нимъ и остальными животными, выводитъ заключеніе, что и животныя имѣютъ точно такую же религію, какую имѣетъ естественный человѣкъ. Но вѣдь такой способъ доказательства представляетъ собою одну изъ погрѣшностей противъ законовъ логическаго мышленія, обозначаемую въ учебникахъ логикн техническимъ терминомъ: „*circulus in demonstrando*“.—При томъ же, не впадаетъ-ли нашъ философъ во внутреннее противорѣчіе, когда говоритъ о содержаніи *религіознаго сознанія* своего естественнаго человѣка, котораго въ то же время прямо называетъ „человѣкомъ безъ религіи“. Такимъ образомъ, ссылка Гартмана на различіе между содержаніемъ религіознаго сознанія естественнаго человѣка и человѣка современнаго нисколько не помогаетъ дѣлу.

можно только подъ условіемъ дѣйствія божественнаго абсолютнаго Духа на нашъ ограниченный духъ, чрезъ посредство высшей его способности, — разума. Это повело бы насъ слишкомъ далеко. При томъ же, сказаннаго, какъ мы думаемъ, уже достаточно, чтобы убѣдиться въ несостоятельности воззрѣнія Гартмана съ философской точки зрѣнія.

Посмотримъ теперь, насколько основательны его сужденія съ точки зрѣнія естественно-научной. — Вопросъ въ томъ: можетъ-ли Гартманъ подтвердить данными естествознанія всѣ свои краснорѣчивыя разсужденія о религіи животныхъ? И прежде всего, чѣмъ онъ можетъ доказать, что домашнее животное разсматриваетъ своего господина именно какъ существо, „сродное ему во внутренней сущности и однородное, и однако несравненно превосходящее его?“ Напротивъ, не разсматриваетъ-ли животное и человѣка точно также, какъ оно разсматриваетъ и всякое другое животное, т. е. какъ существо совершенно тождественное съ нимъ по внутренней сущности (если только оно дѣйствительно имѣетъ какое-либо представленіе о *внутренней сущности*)? А пока Гартманъ не доказалъ справедливости своего положенія и не опровергъ нашего, до тѣхъ поръ даже и съ его односторонней точки зрѣнія не можетъ быть рѣчи о религіозномъ характерѣ отношенія домашнихъ животныхъ къ своимъ господамъ.

Сдѣлаемъ и еще уступку: Положимъ даже, что животное дѣйствительно смотритъ на человѣка такъ именно, какъ говоритъ философъ. Но можетъ-ли онъ и въ такомъ случаѣ утверждать, что животное найдетъ выгоднымъ для себя предаться *въ добровольную зависимость* отъ человѣка? А между тѣмъ, можно привести не малое количество общеизвѣстныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ именно о противномъ, т. е. что, такъ-называемыя и такъ много восхваляемыя нѣкоторыми, нравственные качества животныхъ отнюдь не произвольны и не свободны, но вынуждены въ нихъ постороннею преобладающею силою человѣка, при чемъ, конечно, степень вліянія этой послѣдней бываетъ строго ограничена родовымъ инстинктомъ животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, тигръ въ звѣринцѣ не дѣлается ручнымъ и вѣрнымъ до смерти, не смотря на всѣ заботы о немъ со сто-

роны человѣка. Прекрасно выражается эта истина въ известной русской пословицѣ: „какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ“. Значить, о добровольномъ какомъ-либо подчиненіи животныхъ человѣку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о религіи животныхъ, не можетъ быть и рѣчи. Далѣе: на чемъ основывается нашъ философъ, когда говоритъ напр. о томъ, что животное „проникается сознаниемъ интеллектуальнаго и моральнаго превосходства своего господина“, что оно „разсматриваетъ его во всякомъ отношеніи какъ высшее существо“, что оно „полагается на доброту и справедливость человѣка, на правильность и цѣлесообразность его воли, хотя и не можетъ выкинуть въ мотивы послѣдней въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ“ и т. д.? Но пока все это не обосновано и не доказано данными естествознанія, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо условіяхъ, благопріятствующихъ или неблагопріятствующихъ развитію религіи у животныхъ, о чемъ такъ увлекательно и съ увѣренностію трактуетъ Гартманъ.

Затѣмъ, какія данныя имѣетъ философъ, когда берется рассуждать напр. о томъ, какимъ образомъ рабскій страхъ животнаго предъ превышающею силою человѣка возвышается до благоговѣнія, — какимъ образомъ послушаніе, вынужденное дрессировкой, дѣлается подчиненіемъ воли изъ благочестія и т. д. и т. д.? Правда, для засвидѣтельствованія высокихъ моральныхъ качествъ животныхъ, онъ ссылается и на фактъ, именно на тотъ фактъ, что „животное обнаруживаетъ уваженіе и благочестіе предъ своимъ господиномъ гораздо въ высшей степени, чѣмъ предъ его дитятею, хотя, можетъ быть, любовь его къ этому послѣднему гораздо больше“ (S. 7). Но вѣдь, въ глазахъ человѣка непредубѣжденнаго, указанный фактъ получаетъ совсѣмъ иное освѣщеніе, чѣмъ какое придастъ ему философъ. Не уваженіе и не благочестіе обнаруживаетъ животное предъ господиномъ, а вѣрнѣе — страхъ предъ его палкою, которая, конечно, въ рукѣ взрослого человѣка имѣетъ болѣе внушительный видъ, чѣмъ въ рукѣ дитяти.

Наконецъ, еще одинъ и послѣдній вопросъ. Основано-ли хотя на чемъ-нибудь то предположеніе Гартмана, будто-бы собака можетъ знать о превосходствѣ „духа и характера“ сво-

его господина? Если-же нѣтъ, то, конечно, онъ и не можетъ утверждать, „что собака, которой посчастливилось найти благороднаго господина, имѣетъ гораздо болѣе благопріятный объектъ для религіозныхъ отношеній, чѣмъ естественный человѣкъ—въ небесныхъ и земныхъ явленіяхъ“, потому будто-бы, что „последнія обнаруживаютъ ближе всего только превосходство силы, первый-же, кромѣ того, обнаруживаетъ еще такое-же превосходство духа и характера“.

Отмѣтимъ въ заключеніе еще одинъ фактъ, который прямо и рѣшительно противорѣчитъ Гартману. Въ заключеніе своего трактата о религіи животныхъ, Гартманъ утверждаетъ, что пробудить религіозное сознаніе въ животныхъ можетъ „только человѣкъ, пробужденный къ высшей духовной жизни, слѣдовательно—только тотъ человѣкъ, который между другими расположеніями болѣе или менѣе уже развилъ и свое религіозное расположеніе“ (S. 10). Но, говоря такимъ образомъ, почтенный философъ опускаетъ изъ вниманія тотъ именно фактъ, что тѣ-же самыя чувствованія, которымъ онъ приписываетъ религіозный характеръ, могутъ быть возбуждаемы въ домашнихъ животныхъ и современными намъ матеріалистами, которые и слышать не хотятъ объ „откровеніи духа“, и которыхъ поэтому никакъ нельзя заподозрить въ томъ, чтобы они развили въ себѣ религіозное расположеніе и пробудились къ высшей духовной жизни

Такимъ образомъ, даже если и согласиться съ Гартмановымъ крайне одностороннимъ опредѣленіемъ религіи, то и въ такомъ случаѣ всѣ разсужденія его о религіозномъ отношеніи домашнихъ животныхъ къ своимъ господамъ, отъ начала и до конца, являются, по меньшей мѣрѣ, недоказанными и безосновательными.

Послѣ этого невольно спрашиваешь себя: что-же могло побудить нашего философа такъ положительно и такъ подробно трактовать о религіи животныхъ, если нѣтъ для этого никакихъ достаточныхъ основаній? Ужь не изучилъ-ли онъ языкъ животныхъ, и не повѣдали-ли они ему свои завѣтныя вѣрованія, сокрытыя отъ взора обыкновенныхъ смертныхъ? Ничего такого нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Но философу нужно „приобрѣсти убѣжденіе въ однородности (Gleichartigkeit) духовной жизни

въ универсумѣ“ (S. 10—11); а для этой цѣли необходимо доказать, что „и въ отношеніи къ религіи, которая доселѣ считалась обыкновенно специфическимъ преимуществомъ человеческого духа“, въ жизни вселенной замѣчается только „количественное (graduelle) различіе“,—различіе по степени развитія. Только благодаря такой предвзятой мысли и могло явиться въ сочиненіи Гартмана разсужденіе на тему: „имѣютъ-ли религію животныя?“ *).

Сл. Шостынь.

*) Нельзя умолчать о слѣдующемъ знаменательномъ фактѣ: вслѣдъ за сочиненіемъ „Das religiöse Bewusstsein der Menschheit“ въ томъ-же 1882 году Гартманъ издалъ еще другое сочиненіе: „Die Religion des Geistes“. И что же? На первой-же страницѣ этого послѣдняго сочиненія онъ прямо говоритъ, что „животныя не имѣютъ еще никакой религіи“, что и „обитатели другихъ небесныхъ тѣлъ могутъ имѣть религію“ только тогда и по-скольку, „когда и по-скольку въ духовномъ отношеніи они подобны людямъ“ (S. 3). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ теперь возможности ближе изслѣдовать причины такого внутренняго противорѣчія въ нашемъ философѣ. Но и приведенныхъ здѣсь немногихъ словъ уже достаточно, чтобы пролить нѣкоторый свѣтъ на это обстоятельство. Именно, въ этихъ словахъ упомянуто одно необходимое условіе—*conditio sine qua non*—религіи. Условіе это касается религіознаго субъекта (иначе существа „обожжающаго“) и заключается, именно, въ томъ, что этотъ субъектъ въ духовномъ отношеніи долженъ быть подобенъ человеку. Только подъ этихъ условіемъ земныя существа, равно какъ и предполагаемые обитатели другихъ небесныхъ тѣлъ, могутъ имѣть религію. Но если такъ, если при этомъ Гартманъ рѣшительно отрицаетъ у животныхъ религію, то дѣлаетъ это очевидно потому, что теперь онъ отрицаетъ у нихъ и „духовное подобіе“ ихъ людямъ. Нельзя-ли видѣть въ этомъ признакъ того, что теперь Гартманъ самъ заподозрилъ уже истинность своего убѣжденія „въ однородности духовной жизни въ универсумѣ“.—убѣжденія, изъ-за котораго онъ такъ ратовалъ въ разсмотрѣнной нами 1-й главѣ прежняго своего сочиненія?..

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И.

ПИСЬМО XXXVII *).

О СКОРОТЕЧНОСТИ ВРЕМЕНИ И МУДРОМЪ РАСПОРЯЖЕНІИ ИМЪ.

Куда ни посмотрю, всюду вижу доказательства того, что я уже старъ. Приѣхалъ я въ свое подгороднее помѣстье (на дачу) и съ грустью толковалъ о тѣхъ издержкахъ, *которыя требовались для исправленія* пришедшаго въ ветхость строенія. Управляющій говорилъ, что издержки требуются не по его небрежности, что онъ дѣлаетъ все, *что нужно для поддержки дачи*, но что самыя постройки ветхи. Да, эта дача построена моими руками. Что же будетъ со мною, если ужъ кирпичи, ровесники мнѣ, такъ обветшали? Разсерженный, я схватился за первый поводъ къ тому, чтобы излить свою досаду. „А вотъ тутъ, говорю я, очевидно, что эти платаны **) содержатся небрежно. Листьевъ на нихъ пѣтъ; вѣтви искривлены и засохли. Какъ хилы и некрасивы на видъ стволы! Этого не могло бы быть, если бы ихъ кто-либо окапывалъ и поливалъ“. Управляющій клянется моимъ геніемъ хралителемъ ***), что онъ дѣлалъ все, что неустанно заботился о вся-

*) Ер. XII.

**) Платанъ или восточный кленъ,—яворъ.—большое, дико растущее дерево, которое у древнихъ, за красивый ростъ и прекрасную тѣнь, садилось въ великомъ множествѣ.

***) Подъ именемъ геніевъ римляне понимали боговъ, которые охраняютъ жизнь людей и благосостояніе нѣкоторыхъ мѣстъ и странъ. Каждому человѣку присвоили особаго генія, какъ охранителя въ продолженіи всей его жизни.

кой пользѣ, но что деревья эти уже стары. А вѣдь я, будь между нами сказано, ихъ садилъ, на моихъ глазахъ являлись первые на нихъ листья. „А кто тотъ отжившій старикъ?—спросилъ я, обратившись къ двери,—онъ по праву помѣстился тамъ: такъ смотритъ онъ уже вонъ изъ дверей *). Откуда ты взялъ его? Охота тебѣ брать къ себѣ какой-то чужой трупъ!“ А тотъ на это говоритъ: „Ты не узналъ меня? Я тотъ самый Феллцио, которому ты, обыкновенно, носишь игрушки. Я сынъ Филозита, управляющаго, твой любимецъ“.—„Да онъ совершенно сумасшедшій, сказалъ я. Еще маленькимъ мальчикомъ онъ сдѣлался моимъ любимцемъ...“ — „А очень можетъ быть: у него вѣдь теперь только падаютъ зубы“ **). Своей дачѣ я обязанъ тѣмъ, что она мнѣ показывала мою старость, куда бы я ни обращалъ свои взоры. Будешь любить ее и дорожить ею: она богата удовольствіями, если ты умѣешь ею пользоваться. Плоды особенно бываютъ пріятны, когда они на исходѣ: вся прелесть отроческаго возраста заключается въ концѣ его; пьяница наслаждается послѣднимъ глоткомъ вина,—тѣмъ глоткомъ, который влечетъ за собою опьяненіе и отягчаетъ человѣка. Всякое удовольствіе имѣетъ всю свою прелесть въ концѣ. Самый пріятный возрастъ тотъ, когда жизнь клонится къ закату, впрочемъ не стремительно приближается къ концу: она, даже стоя на послѣдней ступени, по моему мнѣнію, имѣетъ свои удовольствія, или для нея то самое является удовольствіемъ, что она не нуждается ни въ какихъ удовольствіяхъ. Какъ пріятно утѣшить и отбросить свои страсти!

Тяжело, скажешь ты, имѣть предъ глазами смерть. Во-первыхъ, она должна быть предъ глазами столько-же и у юности, сколько у старика; вѣдь насъ призываютъ *memento* не по классамъ возраста. Во-вторыхъ, нѣтъ такого старика, который смѣло не рассчитывалъ бы прожить одинъ день, а одинъ день—это часть жизни. Вся жизнь состоитъ изъ частей и представляетъ круги, изъ которыхъ самыя большіе включаютъ въ се-

*) Намежь на обычай римлянъ ставить покойниковъ въ атриумѣ лицомъ прямо противъ двери.

***) Отвѣтъ управляющаго дачей, въ которомъ заключается шутка. У семилѣтнихъ мальчиковъ, равно какъ и у стариковъ, падаютъ зубы.

объ меньшіе. Одинъ изъ нихъ обнимаетъ и опоясываетъ все, этотъ идетъ отъ дня рожденія до дня смерти; другой включаетъ въ себя годы юности; другой еще обхватываетъ все дѣтство; за тѣмъ идетъ самый годъ, заключаая въ себѣ все время, изъ сложенія которыхъ образуется жизнь. Мѣсяць ограниченъ тѣснѣйшимъ кругомъ, а самую маленькую окружность имѣетъ день. Но и эта проходитъ отъ начала до конца, отъ восхода солнца до заката. Поэтому Гераклитъ, который за темноту рѣчи получилъ себѣ прозвище *Скотинъ* *) говоритъ: „каждый день равенъ всякому другому“. Это понимаютъ различно. Одни именно говорятъ, что каждый день равенъ другому по количеству часовъ, и не ошибаются. Если сутки состоятъ изъ двадцати четырехъ часовъ, то необходимо, что все они равны между собою, потому что то, *на сколько уменьшается день, прибавляется къ ночи*. Другіе говорятъ, что одинъ день равенъ всемъ прочимъ по подобію. Самое продолжительное количество времени имѣетъ въ себѣ все то, что ты найдешь въ одномъ днѣ: свѣтъ и тьму и другія церемѣны. *Благодаря имъ*, день бываетъ то длиннѣе, то короче, такъ что измѣняется число часовъ, но не увеличивается. Поэтому каждый день нужно такъ располагать, какъ-бы онъ заключалъ въ себѣ цѣлый рядъ и полную сумму дней жизни. Пакувій **), обратившій Сирію (во время своего управленія) въ свою собственность, устраивая для себя погребальныя пиршества, какъ покойнику, уносимъ былъ на ложе послѣ ужина при рукоплесканіяхъ гостей и пѣніи подъ музыку: *βεβίωται, βεβίωται* ***). И каждый день погребалъ онъ себя такимъ образомъ. То, что тотъ дѣлалъ по дурнымъ побужденіямъ, будемъ мы дѣлать съ доброю цѣлію и, отправляясь спать, будемъ весело и радостно говорить:

„Отжилъ! Прехвѣль, что форгуною былъ мнѣ назначенъ, прошелъ я“.

*) Гераклитъ—одинъ изъ знаменитѣйшихъ философовъ Іонійской школы, жившій около 500 года до Р. Х. Ему дано было прозвище: *Σκώτατος*, что значитъ *темный*.

**) Пакувій—легать кн. Сенція въ Сирію послѣ смерти Германника, въ 19 году до Р. Х.

***) Отжилъ! Отжилъ!

Если-же Богъ прибавитъ намъ завтрашній день, то встрѣтимъ его съ радостію. Тотъ, кто спокойно ожидаетъ слѣдующаго дня, самый счастливый и беззаботный владыа надъ самимъ собою. Всякій, кто говоритъ: „я отжилъ“,—встаетъ ежедневно съ прибылью.

Но нужно закончить письмо. „Что-же, скажешь ты, такъ оно и прійдетъ ко мнѣ безъ всякаго приложенія (денежнаго подарка)?“ Не бойся! что-нибудь оно принесетъ съ собою. Почему же сказалъ я: „что-нибудь“? Оно принесетъ многое. Что можетъ быть прекраснѣе слѣдующаго изрѣченія, которое я шлю для передачи тебѣ: „дурно жить въ нуждѣ, но нѣтъ необходимости жить въ нуждѣ“. Какъ же нѣтъ? Тебѣ открыто всюду множество легкихъ и краткихъ путей къ свободѣ *). Будемъ благодарить Бога за то, что въ жизни никого нельзя задержать. Можно даже одержать побѣду надъ необходимостью. „Эти слова, скажешь ты, Эпикура. Что тебѣ за дѣло до чужаго?“—Что истинно, то мое. Я упорно буду навязывать слова Эпикура, чтобы тѣ, которые увлекаются словами и не цѣнятъ того, что сказано, а только—къмъ сказано, знали, что все прекрасное есть общее *достояніе*.

ПИСЬМО XXXVIII **).

СТЫДЛИВОСТЬ, ВЫРАЖАЮЩАЯСЯ КРАСКОЮ НА ЛИЦѢ, ПОЛУЧАЕТСЯ ОТЪ ПРИРОДЫ, СВОЙСТВЕННА ВСѢМЪ ВОЗРАСТАМЪ. ОСОБЕННО ЮНОШАМЪ, НЕ ЧУЖДА И МУДРОМУ; БУДУЧИ ПРИЗНАКОМЪ ДОБРЫХЪ ЧУВСТВЪ, ЭТО СВОЙСТВО ЧЕЛОВѢКА (КРАСНѢТЬ) БЫВАЕТЪ ИНОГДА ЗНАКОМЪ И ДУРНЫХЪ ЧУВСТВЪ.

Со мной бесѣдовалъ твой другъ, человекъ съ прекрасными природными задатками. Какими сокровищами сердца и ума онъ обладаетъ и сколь много онъ уже слѣлать успѣховъ—это показали его первыя рѣчи. Онъ далъ намъ первую пробу, которую *навѣрное* онъ будетъ оправдывать; ибо онъ говорилъ со мной не приготовившись, но захваченный врасплохъ. Когда онъ

*) Въ этихъ словахъ Сенека указываетъ на возможность закончить съ жизнью самоубійствомъ, которое съ точки зрѣнія стоиковъ, было, къ сожалѣнію, позволительно.

***) Ер. 11.

успокоился, то едва могъ подавить въ себѣ застѣнчивость (добрый знакъ въ юношѣ): столь сильно краска *) покрывала его лицо отъ самаго лба! Это свойство, сколько я догадываюсь, не оставить его и тогда, когда онъ укрѣпитъ свою волю и очиститъ себя отъ недостатковъ, пріобрѣтши разсудительность мудраго. Тѣлесные пороки или душевные не устраняются посредствомъ мудрости: все, что вложено и врождено намъ, ослабляется искусствомъ, а не побѣждается совершенно. У иныхъ, даже очень твердымъ характеромъ, людей пробивается потъ въ виду собравшагося народа, наравнѣ съ тѣмъ, какъ это бываетъ обыкновенно съ людьми утомленными и разгоряченными; у нѣкоторыхъ трясутся колѣни, когда имъ предстоитъ говорить публично; у другихъ стучать зубы, запинается языкъ, дрожатъ губы. Этого не можетъ удалить ни наставленіе, ни привычка: природа обнаруживаетъ здѣсь свою силу, и посредствомъ такихъ недостатковъ даже самымъ крѣпкимъ людямъ напоминаетъ о себѣ. Къ числу этихъ свойствъ природы принадлежитъ и краска румянца, которая даже у благоразумнѣйшихъ и достойнѣйшихъ людей внезапно разливается по лицу. Нагляднѣе же, понятно, это свойство замѣчается въ юношахъ, въ которыхъ и жизненной теплоты болѣе и болѣе нѣжная кожа: при всемъ томъ оно не чуждо людямъ, много поработавшимъ въ жизни, и старикамъ. Иные люди бываютъ страшны всего болѣе тогда, когда они покраснѣютъ, какъ будто вмѣстѣ съ краской стыда они теряютъ всякій стыдъ. Сулла тогда являлся наиболѣе свирѣпымъ, когда лицо его наливалось кровью. Трудно представить себѣ выраженіе лица болѣе привлекательное и ласкающее, чѣмъ у Помпея **); всегда кровь разливалась по его лицу, когда онъ являлся въ общество, особенно же во время рѣчей къ народу. Я помню, что Фабіанъ ***) , введенный въ собраніе сената въ качествѣ свидѣтеля, смутился, и удивительно какъ пристала ему эта краска смущенія! Произошло это не отъ слабости духа,

*) Объ этомъ свойствѣ чловѣка сказано у Менаандра: чловѣкъ, способный краснѣть, по моему мнѣнію, чловѣкъ честный. Катонъ говоритъ, что онъ болѣе любитъ юношей способныхъ краснѣть, чѣмъ блѣднѣть.

***) Саллустій о Помпѣй: по лицу—чловѣкъ честный, а по душѣ—безстыдный.

***) Фабіанъ Папирій, очень образованный римлянинъ I столѣт. послѣ Р. Хр., философъ, риторъ и изслѣдователь природы.

но отъ новизны дѣла, которая людей непривычныхъ, если не потрясаетъ, то волнуетъ, когда они предрасположены къ этому природною воспримчивостью своего тѣла. Какъ у нѣкоторыхъ кровь спокойная, такъ другіе обладаютъ легко возбуждающеюся, подвижной и быстро поднимающеюся въ лицо. Никакая мудрость не устранитъ этого свойства природы, какъ я сказала: иначе, если-бы она могла искоренять всѣ природные недостатки, то она имѣла-бы природу вещей подъ своею властью. Все, что даровано намъ обстоятельствами рожденія и тѣлесно-женіемъ, останется при насъ, хотя-бы духъ много и долго работалъ надъ собой. Ничто изъ этихъ прирожденныхъ свойствъ не можетъ быть удалено, равно какъ и вызвано. Художники сцены, воспроизводящіе подражательно душевныя состоянія, передающіе наглядно страхъ и трепетъ, изображающіе печаль, представляютъ чувство стыдливости такими знаками: склоняютъ голову, задерживаютъ слова, опускаютъ глаза и вперяютъ взоръ въ землю; *только* багрянца на лицѣ не могутъ они выразить: онъ не подчиняется запрещенію и не является по зову. Въ такихъ вещахъ мудрость ничего не общаетъ и ничего не достигаетъ: онѣ полноправны,—добровольно приходятъ, по своей волѣ уходятъ. Теперь нужно сдѣлать заключеніе моему шесъму: прійми его, и притомъ какъ полезное и спасительное, которое я желаю видѣть запечатлѣннымъ въ твоей душѣ:—„мы должны избрать какого либо добродѣтельнаго мужа, и всегда имѣть его предъ глазами, чтобы жить какъ-бы подъ его надзоромъ и все дѣлать у него на виду“. Это—предписаніе Эпикура, мой Луцилій; онъ дастъ намъ охранителя, руководителя, и не безъ основанія. Большая часть погрѣшностей пресѣкается, если у тѣхъ, у которыхъ на умѣ грѣхъ, есть вблизи свидѣтель. Для души необходимо имѣть кого-либо, къ кому она могла-бы относиться съ робкимъ почитаніемъ, нравственная сила примѣра котораго вноситъ освященіе и въ ея *собственную* сокровенную жизнь. О счастливѣ тотъ, который не только своимъ присутствіемъ исправляетъ, но даже и самую мысль о немъ, *родившеюся въ душу другаго!* Счастливѣ и тотъ, который такъ можетъ почитать кого-либо, что онъ уже при мысли о немъ собирается съ силами и улучшаетъ себя! Кто такъ въ

состояніи почитать кого-либо, самъ скоро сдѣляется достойнымъ почтенія. Итакъ, избери въ примѣръ Катона: если онъ кажется тебѣ слишкомъ суровымъ, избери мужа болѣе умѣреннаго настроенія—Лелія; избери того, и жизнь котораго, и бесѣда тебѣ нравятся; и нося предъ очами его душу и образъ, имѣй его всегда предъ собою или какъ твоего хранителя, или какъ образецъ. Намъ нуженъ, говорю, кто-либо, по образцу котораго нашъ характеръ выработывался-бы самъ собою. Безъ линейки криваго не выпрямишь.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Августа № 15. 1884 года.

Содержаніе: Опредѣленіе Святѣйшаго Синода. — Отношеніе г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода на имя Преосвященнѣйшаго Амвросія, епископа Харьковскаго и Ахтырскаго. — Предложеніе Преосвященнаго Амвросія епископа Харьковскаго и Ахтырскаго Харьковской духовной консисторіи. — Журналъ Сѣзда духовенства Кулинскаго училищнаго округа, бывшаго 6—7 іюня 1884 года. — Епархіальныя извѣщенія. — Отъ правленія Харьк. духов. семинаріи. — Извѣстія и замѣтки.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 6—12 іюня 1884 года за № 1156, о книгѣ протоіерея П. Солярскаго подъ названіемъ „Опытъ библейскаго словаря собственныхъ именъ“, съ журналомъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 26 минувнаго мая за № 411, журналъ Учебнаго Комитета, № 179, съ заключеніемъ Комитета, по прошенію заштатнаго протоіерея церкви Императорскаго С.-Петербургскаго университета Павла Солярскаго объ одобреніи для употребленія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ качествѣ пособія по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, составленной имъ книги, подъ названіемъ: „Опытъ библейскаго словаря собственныхъ именъ“ (въ четырехъ томахъ). Учебный Комитетъ полагаетъ: рекомендовать означенную книгу протоіерея Солярскаго (въ четырехъ томахъ) къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій, а также и въ церковныя бібліотеки. Приказали: Заключение Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія о книгѣ Солярскаго, подъ названіемъ: „Опытъ библейскаго словаря собственныхъ именъ“ (въ четырехъ томахъ), правленіямъ духовныхъ семинарій и епархіальнымъ благочиннымъ сообщить, съ приложеніемъ копій съ журнала Комитета, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

Отношеніе г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода на имя Преосвященнѣйшаго Амвросія, епископа Харьновскаго и Ахтырскаго отъ 5-го іюля 1884 года за № 3192.

Циркулярными распоряженіями отъ 4 ноября 1866 г. и 31 іюля 1882 г. за №№ 229 и 26, Министерство Внутреннихъ дѣлъ, просило гг. губернаторовъ ни подъ какимъ видомъ не допускать кладочискательствъ и неизбѣжнаго отъ того разрушенія памятниковъ древности и о непремѣнномъ доставленіи на разсмотрѣніе Императорской Археологической комиссіи всѣхъ необходимыхъ предметовъ древности. Между тѣмъ, какъ видно изъ отзыва означенной комиссіи, по нѣкоторымъ губерніямъ вовсе не доставлялись свѣдѣніи о находимыхъ древностяхъ, хотя изъ этихъ губерній вывозились даже за-границу различные найденные тамъ памятники старины, имѣющіе весьма важное значеніе въ научномъ отношеніи. По другимъ губерніямъ, городскія управы предпринимаютъ кладочискательства, поручая при томъ раскопки лицамъ совершенно невѣжественнымъ въ археологін.

Вслѣдствіе сего циркулярнымъ отношеніемъ отъ 31 мая текущаго года за № 11 товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ вновь просилъ гг. губернаторовъ наблюдать за точнымъ и непремѣннымъ соблюденіемъ на будущее время въ каждой губерніи помянутыхъ циркуляровъ за №№ 229 и 26 и сдѣлать настоятельное объ исполненіи ихъ распоряженіе.

Нынѣ предсѣдатель Императорской Археологической комиссіи, въ виду обнаруженнаго въ одной изъ епархій случая кладочискательства, указывая на вредъ, который такое кладочискательство, въ особенности еще поощряемое мѣстными властями, наноситъ научному изслѣдованію нашихъ древностей, требующему и серьезной подготовки и самаго тщательнаго вниманія къ ходу раскопокъ, проситъ меня, въ видахъ единства дѣйствій гражданскихъ и духовныхъ властей по этой части и въ интересахъ отечественной старины, сдѣлать одинаковое съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ распоряженіе относительно раскопокъ на церковныхъ земляхъ.

Имѣя въ виду, что Императорская Археологическая комиссія, на основаніи § 6 Высочайше утвержденаго положенія о ней, „обязана слѣдить за всѣми дѣлающимися въ государствѣ открытіями предметовъ древности, о которыхъ извѣщаютъ комиссію также и мѣстная начальства, и если не представляется затрудненія, то пересылаютъ и самыя находимыя древности на ея разсмотрѣніе“, долгомъ поставляю о вышензложенномъ сообщить Вашему Преосвя-

щенству, для объявленія сихъ свѣдѣній духовенству ввѣренной Вамъ епархіи, къ надлежащему въ потребныхъ случаяхъ руководству и исполненію.

Предложеніе Преосвященнаго Амвросія, епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, Харьковской духовной консисторіи.

Для приготовленія учителей церковнаго пѣнія въ церковно-приходскія школы изъ состоящихъ нынѣ на службѣ діаконовъ, псаломщиковъ и воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, желающихъ занять псаломщицкія и діакопскія мѣста, учреждены мною пѣвческіе классы при Харьковскомъ архіерейскомъ домѣ, подъ руководствомъ регента архіерейскаго хора Ведринскаго и іеромонаха Романа.

Желая безъ замедленія приступить къ исполненію Высочайшей воли относительно открытія новыхъ и наилучшаго устройства уже существующихъ церковно-приходскихъ школъ и признавая церковное пѣніе однимъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ преподаванія въ сихъ школахъ, я предлагаю консисторіи сообщить духовенству Харьковской епархіи слѣдующія свѣдѣнія относительно новоучрежденныхъ классовъ церковнаго пѣнія и пользованія оными.

1) Означенные классы будутъ открыты съ 1-го сентябріа текущаго года.

2) Желашіе обучаться въ нихъ церковному пѣнію должны подавать прошенія на мое имя.

3) Обучившіеся пѣнію въ сихъ классахъ будутъ испытываемы въ епархіальномъ училищномъ Совѣтѣ и получать отъ него свидѣтельства на право преподаванія пѣнія въ церковно-приходскихъ школахъ.

4) Діаконы и псаломщики, заявляющіе о своемъ знаніи церковнаго пѣнія съ цѣлью поступленія въ учителя онаго, должны являться въ означенные классы для испытанія и получить отъ Совѣта свидѣтельство, безъ чего священники, завѣдывающіе церковно-приходскими школами, не должны допускать никого къ преподаванію пѣнія въ школахъ, изъ опасенія развести въ нихъ пѣніе искаженное.

5) Приходскіе священники могутъ отпускать діаконовъ и псаломщиковъ въ Харьковъ для обученія пѣнію, распорядившись, по сношеніи съ благочинными, назначеніемъ благонадежныхъ лицъ для исполненія ихъ должностей, и выдавать имъ свидѣтельства

объ отпускѣ, съ прописаніемъ цѣли, для которой они отпущены. Свидѣтельства сіи они должны представлять при прошеніяхъ о принятіи въ классы пѣніи и на сихъ свидѣтельствахъ въ послѣдствіи будутъ дѣлаемы регентомъ архіерейскаго хора отмѣтки, когда кто поступилъ и сколько времени обучался въ классахъ пѣніи.

6) Для бѣдныхъ людей, не имѣющихъ средствъ содержаться въ Харьковѣ во время обученія пѣнію на свой счетъ или проживать у родственниковъ, будутъ открыты десять вакансій на бесплатное помѣщеніе и содержаніе пищею при архіерейскомъ домѣ.

7) Хорошо обучившимся церковному пѣнію будетъ дѣлаемо предпочтеніе предъ другими въ опредѣленіи на діаконскія и псаломщицкія мѣста, тамъ, гдѣ будутъ открыты церковно-приходскія школы.

Журналъ Съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго 6/7 іюня 1884 года.

1. 6 іюня. 1. Уполномоченные отъ духовенства Купянскаго училищнаго округа, собравшись въ засѣданіе къ 10 час. утра, въ числѣ 25 лицъ, на основаніи опредѣленія Св. Синода отъ 13 и 20 декабря 1867 г., изъясненнаго въ § 21 уст. дух. уч., по молитвѣ, избрали, посредствомъ закрытой баллотировки, председателемъ—священника Михаила Чернявскаго и дѣлопроизводителями священниковъ: Андрея Базилевича и Георгія Грекова.

2. Затѣмъ, председатель провѣрилъ наличность уполномоченныхъ, явившихся на съѣздъ, и оказалось, что всѣ явившіеся въ количествѣ 28 лицъ, въ томъ числѣ и запоздавшіе къ началу засѣданія, предъявили законныя права на участіе въ засѣданіи.

3. Читана программа занятій Съѣзда и принята къ обсужденію въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ она предложена правленіемъ училища.

4. Читаны журналы предыдущаго Съѣзда духовенства, бывшаго 9 и 10 іюня прошлаго 1883 года. При чтеніи перваго журнала собраніе выразило желаніе знать о томъ, полученъ-ли штрафъ съ уполномоченнаго церковей 24 десятка, опредѣленный предыдущимъ Съѣздомъ духовенства. При чемъ было заслушано объясненіе уполномоченнаго 24 десятка, священника Елпсея Крыжановскаго, о томъ, что онъ за болѣзнію не могъ явиться на Съѣздъ, о чемъ и доносилъ мѣстному благочинному, протоіерею Гаврилову, для распоряженія о командированіи на Съѣздъ кандидата, но благочинный тоже за болѣзнію не извѣстилъ своевременно послѣдняго, почему никто и не явился на Съѣздъ отъ 24 десятка. Признавая объясненіе причинъ неявки священника Крыжановскаго достаточнымъ и его самого не виновнымъ, а

также имѣя въ виду, что деньги отъ церквей 24 десятка, подлежащія взносу на образованіе фонда по устройству общежитія, все-таки не представлены въ правленіе Купянскаго училища, постановили: священника Елесея Крыжановскаго отъ 10 руб. штрафа освободить, а деньги, причитающіяся ему на проѣздъ въ г. Купянскъ въ 1883 г. и неизрасходованныя имъ, взыскать отъ всѣхъ церквей 24 десятка чрезъ благочиннаго, протоіерея Осодора Любарскаго.

5. Читаны смѣты прихода и расхода на 1885 годъ, и по тщательномъ разсмотрѣніи таковыхъ, во всѣхъ статьяхъ и пунктахъ приняты безъ измѣненія. При чтеніи смѣты расхода на 1885 годъ уполномоченный священникъ Петръ Григоровичъ, въ виду того, что онъ, воспитывая ежегодно въ разныхъ училищахъ 5 душъ дѣтей, неоднократно обращался въ правленіе Купянскаго училища о принятіи хотя одного изъ сыновей на полное или половинное содержаніе, и просьбы его оставляемы были безъ уваженія, возбуждалъ вопросъ о томъ, чѣмъ правленіе училища руководствуется при распределеніи стипендій бѣднымъ ученикамъ и дѣйствительно-ли таковыя выдаются дѣтямъ бѣдныхъ родителей или сиротамъ. На это членъ правленія училища священникъ Николай Базилевичъ выяснилъ, что правленіе училища, при назначеніи пособія изъ церковно-епархіальныхъ суммъ бѣднымъ ученикамъ, руководствуется: 1) успѣхами ученика просителя; 2) бѣдностію просителя, показанною въ официальныхъ свѣдѣніяхъ, доставляемыхъ благочинными или совѣтами благочинническими; 3) частными свѣдѣніями, при большомъ стеченіи равныхъ по бѣдности просителей, если таковыя имѣются, и что ни одна изъ просьбъ отца Григоровича не была уважена правленіемъ училища въ виду того, что всѣ стипендіи всегда отдаются исключительно сиротамъ, а въ отчетномъ году болѣе 20 лицамъ совершенно отказано въ пособіи, почему и предложили собранію разсмотрѣть вѣдомость объ ученикахъ, получающихъ денежное пособіе, и убѣдиться самому собранію, насколько правильно поступаетъ правленіе училища въ распределеніи пособій. По прочтеніи означенной вѣдомости, одинъ изъ уполномоченныхъ, въ виду большаго удовлетворенія нуждамъ бѣдному и многосемейному духовенству училищнаго округа, выразили желаніе увеличить число стипендій, а другіе остановились на той мысли, что, для облегченія всѣхъ нуждающихся по воспитанію дѣтей, гораздо необходимѣе увеличить взносы отъ церквей и духовенства на устройство общежитія, такъ какъ нужда въ послѣднемъ всѣми сознава и неотложна, а всей суммы на устройство общежитія собрано только 6436 р. 76 к. Въ виду разногласившихъ мнѣній по возбужденнымъ вопросамъ, для лучшаго уясненія, председателемъ предложено было перерывъ на 5 минутъ. По возобновленіи занятій засѣданія и послѣ всесторонняго и продолжительнаго обсужденія возбужденныхъ вопро-

совъ, большинствомъ 19 голосовъ противъ 9 постановили: 1) въ рѣшеніи вопроса объ увеличеніи стипендій для бѣдныхъ учениковъ училища: а) увеличить число половинныхъ стипендій 10-ю, а полныхъ 5-ю, въ томъ числѣ одну въ память умершаго смотрителя Купянскаго училища Артемія Горбатовскаго, много лѣтъ потрудившагося на пользу училища, всего на сумму 1001, по 91 р. на каждый благочиннической округъ, предоставивъ духовенству самому распредѣлить указанную сумму или по количеству или по качеству приходоу; б) просить правленіе училища, при распредѣленіи стипендій бѣднымъ ученикамъ, имѣть въ виду исключительно успѣшность ученика и тѣ оффиціальныя свѣдѣнія, которыя доставляются благочинническими совѣтами, но при равныхъ условіяхъ просителей—отдавать преимущество дѣтямъ священниковъ, какъ болѣе принимающихъ участіе по пысканію средствъ на содержаніе училища. 2) Въ рѣшеніи вопроса объ усиленіи взносовъ на устройство общежитія удвоить съ 1885 г. взносъ, опредѣленный въ 1882 году на устройство общежитія, какъ отъ церкви округа, такъ и отъ духовенства, т. е. отъ церквей по 10 руб., а отъ причтоу съ каждой десятины церковной земли по 4 коп., и съ причтоу, не получающихъ земли, по 2 руб., по прежнему порядку впредь за годъ.

6. Слушали дополнительную смѣту расхода, всѣ статьи которой признали правильными и утвердили таковую.

7. Посредствомъ закрытой подачи голосовъ избрали комиссію для провѣрки вѣнчиковыхъ вѣдомостей изъ трехъ священниковъ Александра Ковалевскаго, Василя Мангулина и Дмитрія Баженова, съ тѣмъ, чтобы избранные къ окончанію занятій сѣзда представили въ засѣданіе докладъ о результатѣ своего разсмотрѣнія вѣнчиковыхъ вѣдомостей. Собраніе закрыто въ 3 часа дня. На семь журналѣ резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Амвросія, Епископа Харьковскаго послѣдовала такова: «Юня 16. Постановленіе объ обложеніи церквей и причтоу новыми взносами 1) не входило въ программу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію сѣзда, 2) сдѣлано безъ справокъ о количествѣ существующихъ стипендій и взносовъ отъ церквей на потребности училища и устройства общежитія, и потому утверждено быть не можетъ. Остальное утверждается».

II. Въ вечернемъ засѣданіи уполномоченные, въ числѣ 28 лицъ, собравшись въ 6 часовъ вечера по молитвѣ, приступили къ очереднымъ занятіямъ.

1. Читанъ былъ проектъ журнала утренняго засѣданія и принятъ безъ измѣненія.

2. Слушали докладъ членовъ комиссіи по провѣркѣ вѣнчиковыхъ вѣдомостей за 1883 г. Причемъ комиссіа обратила вниманіе сѣзда на то, что, не смотря на неоднократныя замѣчанія провѣрочныхъ комиссій, раскрашенные вѣнчики выписываются и продаются въ настоящее время въ

большомъ количествѣ. Въ отчетномъ году таковыхъ продано болѣе 10000. Желательно-бы было, чтобы раскрашенные вѣнчики по Купянскому училищному округу были изъяты вовсе изъ употребленія. Въ виду недостаточности суммъ для бѣдныхъ воспитанниковъ училища съ одной стороны, а съ другой, для увеличенія таковыхъ суммъ, постановили: изъять изъ употребленія раскрашенные вѣнчики въ церквахъ Купянскаго училищнаго округа по израсходованіи ихъ, а отцовъ благочинныхъ просить впредь не выписывать таковыхъ.

3. Слушали докладъ ревизіоннаго комитета, по повѣркѣ экономическаго отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммы по содержанію Купянскаго духовнаго училища въ истекшемъ 1883 г., ассигнованной изъ мѣстныхъ источниковъ. Постановили: докладъ приложить къ дѣламъ сѣзда.

4. Слушали заявленіе чрезъ уполномоченнаго священника Іоанна Жуковскаго отъ благочиннаго 3 Старобѣльскаго округа священника Николая Федорова о томъ, что 9 февраля н. г. имъ назначенъ благочинническій сѣздъ духовенства, на который не явилось 19 членовъ причта, и не представили, согласно постановленію сѣзда Купянскаго училищнаго округа 1882 года, утвержденному епархіальнымъ начальствомъ, слѣдующихъ съ неявившихся штрафныхъ денегъ. Въ виду того, что сѣзды духовенства Купянскаго училищнаго округа всячески заботятся о скорѣйшемъ устройствѣ общежитія при училищѣ и изыскиваютъ для образованія фонда самыя разнородныя источники, постановили: смиреннѣйше просить Его Преосвященство о побужденіи неявившихся на благочинническій сѣздъ внести въ скорѣйшемъ времени слѣдующія съ нихъ штрафныя деньги.

5. Слушали заявленіе священника Василя Рождественскаго о томъ, что образовавшійся приходъ въ селѣ Рудевомъ, Старобѣльскаго уѣзда, не причисленъ ни къ какому десятку причтовъ Купянскаго училищнаго округа, и, слѣдовательно, отъ молитвеннаго дома сего прихода не поступаетъ никакихъ взносов въ пользу уполномоченныхъ епархіальныхъ и окружныхъ училищныхъ сѣздовъ, равно какъ и причтъ не участвуетъ въ выборахъ уполномоченныхъ, между тѣмъ въ 13 десяткѣ, къ которому прилагается и село Рудево, только 9 причтовъ; поему не найдетъ ли собраніе необходимымъ причислить молитвенный домъ села Рудева къ 13 десятку причтовъ, съ тѣмъ чтобы взносъ въ пользу уполномоченнаго онаго десятка производился съ настоящаго 1884 года. Постановили: причислить молитвенный домъ села Рудева къ 13 десятку причтовъ Купянскаго училищнаго округа, съ тѣмъ, чтобы взносъ въ пользу уполномоченнаго онаго десятка производился съ настоящаго 1884 года.

6. Приступили къ избранію членовъ временнаго ревизіоннаго комитета по повѣркѣ экономическаго отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ

по содержанію Купявскаго духовнаго училища въ 1884 году. Принимая во вниманіе, что члены комитета протоіерей Северіанъ Сулима и священникъ Петръ Версовичъ и Дмитрій Бородаевъ, провѣрившіе отчетность по училищу за 1883 г., выполнили свои обязанности совершенно удовлетворительно, единогласно постановили: избрать ихъ для провѣрки отчетности и за 1884 годъ.

7. Слушали заявленіе п. д. смотрителя училища, священника Іоанна Левандовскаго о томъ, что сарай для дровъ до настоящаго времени не страховался отъ огня, почему просилъ собраніе ассигновать сумму для его застрахованія. Постановили: застраховать отъ огня дровяной сарай, взявъ потребную сумму изъ остаточныхъ суммъ отъ 1883 года.

8. Съѣздъ духовенства, глубоко сознавая заслуги умершаго смотрителя Купявскаго духовнаго училища Артемія Копоновича Горбатовскаго, отечески и съ любовію заботившагося почти 35 лѣтъ о дѣтяхъ духовенства, единодушно постановилъ: открыть добровольную подписку для пріобрѣтенія портрета на масляныхъ краскахъ, теперь-же въ собраніи (на что собрано 27 рублей) и пригласить къ тому и остальное духовенство Купявскаго училищнаго округа адресовать свои пожертвованія чрезъ посредство мѣстныхъ отцовъ благочинныхъ, которые благоволятъ прислать собранныя деньги въ правленіе Купявскаго училища, правленіе-же распорядится привести желаніе въ исполненіе, а по окончаніи занятій Съѣзда отпрavitъ панихиду объ упокоеніи души его. На семь журналъ резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Амвросія, Епископа Харьковскаго, послѣдовала такая: «Іюня 16. Изъять изъ обращенія раскрашенные вѣнчики Съѣздъ не имѣетъ права. О взысканіи штрафовъ правленіе училища обратится къ мѣстному благочинному съ тѣмъ, чтобы о послѣдующемъ онъ донесъ мнѣ, а о причисленіи церкви села Рудева къ ближайшему десятку отнесется въ консисторію. Остальное утверждается».

III. Іюня 7. Уполномоченные въ числѣ 28 лицъ, явившись въ собраніе въ 8 часовъ утра, по молитвѣ, приступили къ окончанію своихъ занятій.

1. Читанъ журналъ вечерняго засѣданія и принятъ безъ размѣненія.—
2. Согласно желанію нѣкоторыхъ уполномоченныхъ возбужденъ вопросъ о томъ, считаетъ-ли собраніе необходимымъ и возможнымъ сдѣлать прибавку жалованья всему наличному училищному персоналу. Но въ виду разнорѣчивыхъ мнѣній, вопросъ подвергнутъ былъ закрытой баллотировкѣ и большинствомъ 19 противъ 9 рѣшенъ отрицательно.—3. Время собранія будущаго очереднаго Съѣзда назначается на 11 іюня 1885 года. На семь журналъ резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Амвросія, Епископа Харьковскаго послѣдовала такая: «Іюня 16. Смотрѣно».

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ 14 сего іюля, на имя капитула російскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, Всемилостивѣйше сопричсленъ, за 50-ти-лѣтнюю отлично-усердную службу въ священномъ санѣ, къ *ордену св. Владиміра 3-й степени* протоіерей Преображенской церкви гор. Валокъ Аноллоній *Солодовниковъ*.

— Окончившій богословскій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, діаконъ Григорій *Назаревскій* опредѣленъ помощникомъ настоятеля къ Николаевской церкви села Гипловки, Богодуховскаго уѣзда.

— Надзиратель Купянскаго духовнаго училища, студентъ Харьковской духовной семинаріи, Андрей *Пономаревъ*, опредѣленъ настоятелемъ къ Покровской церкви села Алексѣевки, Валковскаго уѣзда.

— Священникъ Косма *Огульковъ* утвержденъ въ должности законоучителя при Верхне-Писаревскомъ народномъ училищѣ, Волчанскаго уѣзда.

— Помощникъ настоятеля Свято-Владимірской церкви села Лознаго, Старобѣльскаго у., Михаилъ *Загоровскій* перемѣщенъ помощникомъ настоятеля къ Успенской церкви слоб. Стрѣльцовки, того-же уѣзда.

— Окончившій курсъ ученія въ Купянскомъ духовномъ училищѣ Григорій *Сумма* опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика къ Крестовоздвиженской церкви села Новаго, Валковскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Крестовоздвиженской церкви села Новаго, Валковскаго уѣзда, діаконъ Іоаннъ *Аксенюковъ* уволенъ по прошенію за штатъ.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: къ Владимірско-Богородичной церкви села Кочетка, Зміевского уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Конаревъ*; къ Вознесенской церкви села Лизина, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянинъ Макеймъ Пивеновъ *Хмелевскій*; къ Вознесенской церкви слободы Шпотной, того-же уѣзда, крестьянинъ Петръ *Шпота* и къ Вознесенской церкви города Харькова купецъ Алексѣй Васильевъ *Судиковъ*.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а:

Въ слоб. *Семеренкахъ*, Ахтырскаго уѣзда—*священническое*.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Правленіе Харьковской духовной семинаріи симъ объявляетъ, что по случаю исправленія семинарскаго корпуса послѣ пожара переэкзаменовки и пріемныя испытанія желающихъ поступить въ семинарію начнутся со 2-го, а классныя занятія съ 5-го числа октябрия мѣсяца сего года.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Церковно-приходскія школы.—Отзывы печати о вновь утвержденныхъ правилахъ о церковно-приходскихъ школахъ.—Циркуляры г. министра народнаго просвѣщенія о церковно-приходскихъ школахъ и объ обязанностяхъ классныхъ наставниковъ гимназій.—Сельско-хозяйственныя школы.—Эксплоатація религіозными предметами и книгами религіознаго содержанія.—Отъ пѣвческой придворной капеллы.—Раскольники-пропагандисты.—Средство противъ раскола.—Поученіе преосвященнаго Никанора о происхожденіи и значеніи штунды.—Русскій языкъ въ школахъ Прибалтійскаго края.—Одинъ изъ способовъ экономіи въ церковномъ хозяйствѣ.—Проектъ празднованія 50 лѣтняго служенія въ святительскомъ санѣ преосвященнѣйшаго митрополита Исидора.—Вопросъ о пенсіяхъ домашнихъ учительницъ.—Высочайшая благодарность.

Вопросъ о мѣрѣ участія Церкви въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія, такъ долго занимавшій духовную и свѣтскую печать и служившій поводомъ къ нареканіямъ на русское духовенство, какъ мало способное и еще менѣе расположенное къ дѣлу учительства въ народной школѣ, наконецъ рѣшенъ Высочайшею властію. Государю Императору благоугодно было, въ 13-й день іюня сего года, утвердить правила о церковно-приходскихъ школахъ и выразить при этомъ надежду, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія. А Святѣйшимъ Синодомъ, въ указѣ отъ 21 іюня, подробно выяснено высокое значеніе обязанности православнаго духовенства учить народъ. Обязанность эта по существу своему не есть что-либо новое. Она принадлежитъ къ существеннымъ правамъ и обязанностямъ пастырскаго служенія, возлагаемымъ на служителей Церкви словомъ Божиимъ и каноническими постановленіями.—Святѣйшій Синодъ напоминаетъ пастырямъ русской Церкви 10 правило VII вселенскаго собора о томъ, что имъ „паче всего подобаетъ учить отроковъ, читая имъ Божественное писаніе, ибо для сего и священство получили“. Напоминаніе благовременное, хотя пастыри Церкви никогда не отрицались отъ исполненія этой обязанности. Если же они не всегда исполняли ее въ должной мѣрѣ, то главнымъ образомъ потому, что силою обстоятельствъ были ограничены въ своей просвѣтительной дѣятельности. Теперь всѣ ограниченія исчезли, духовенству открыто широкое поприще для просвѣщенія юныхъ поколѣній въ церковныхъ школахъ, предстоить на опытѣ доказать свою способность и ревность къ дѣлу учительства и тѣмъ оправдать довѣріе возлюбленнаго Монарха. А епархіальному начальству предлежитъ трудная обязанность организовать церковныя школы такъ, чтобы онѣ

исполнѣ соответствовали своему назначенію, опредѣлить дѣйствительную въ нихъ потребность въ той или другой мѣстности, особенно на ряду съ министерскими и земскими, открыть новыя средства къ ихъ содержанію, такъ какъ настояція средства идутъ на другія народныя школы, установить объемъ и методъ преподаванія, избрать надежныхъ учителей и учительницъ и пр. Извѣстія о мѣропріятіяхъ епархіальной власти въ этомъ дѣлѣ и о ходѣ его въ той или другой епархіи получаютъ особый интересъ. Будемъ ожидать ихъ отъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и съ своей стороны считаемъ долгомъ сказать о началѣ дѣла о церковно-приходскихъ школахъ въ Харьковской епархіи.

Немедленно по полученіи указа Святѣйшаго Синода и Высочайше утвержденныхъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, Преосвященнѣйшій Амвросій, епископъ Харьковскій, обратился съ воззваніемъ къ духовенству Харьковской епархіи, призывая его къ усиленному труду по начальному образованію народа, и потребовалъ обстоятельныхъ и точныхъ свѣдѣній о существующихъ уже въ Харьковской епархіи церковно-приходскихъ школахъ, а также и о школахъ грамотности. Признавая затѣмъ важное образовательное значеніе церковнаго иѣнія и желая съ самаго же начала поставить его на твердыхъ основаніяхъ, Преосвященный сдѣлалъ особое по сему предмету распоряженіе, которое напечатано выше, — въ официальномъ отдѣлѣ „Епархіальнаго Листка“. Имѣетъ съ тѣмъ рѣшено открыть образцовую церковно-приходскую школу при Заиковской Александро-Невской церкви при содѣйствіи настоятеля этой церкви о. Николая Сокольскаго, который имѣетъ быть и законоучителемъ въ школѣ. Она будетъ находиться на окраинѣ города, населенной бѣдными людьми, гдѣ еще нѣтъ никакой школы. Мѣсто оказывается самымъ удобнымъ для церковной школы и мысль сдѣлать ее образцомъ для другихъ церковно-приходскихъ школъ нельзя не признать весьма счастливою.

2-го августа приглашены были Его Преосвященствомъ въ особое собраніе 12 духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, близко стоящихъ къ учебному дѣлу, извѣстныхъ любовью къ нему и знакомыхъ съ потребностями населенія Харьковской епархіи, въ числѣ ихъ — директоръ народныхъ училищъ Харьковской губерніи. Послѣ прочтенія указа Святѣйшаго Синода, объясненія особенной потребности первоначальнаго образованія народа въ духѣ вѣры и благочестія, указанія на знаменательныя слова Государя Императора, которыя обязываютъ духовенство къ сугубой ревности въ исполненіи высо-

каго призванія въ этомъ великомъ дѣлѣ,—прочитаны были Его Преосвященствомъ правила о церковно-приходскихъ школахъ и открытъ, на основаніи § 22 правилъ, Харьковскій епархіальный училищный Совѣтъ подъ предѣдательствомъ ректора мѣстной семинаріи, протоіерея Іоанна Кратирова. Въ составъ членовъ Совѣта вошли слѣдующія лица: протоіерей Сумеонъ Илларионовъ, протоіерей Андрей Дюковъ, протоіерей Андрей Щелкуновъ, протоіерей Александръ Федоровскій, священники: Тимошей Буткевичъ и Стефанъ Любицкій, директоръ народныхъ училищъ Харьковской губерніи Н. Г. Жаворонковъ, имѣющій права члена по § 22 правилъ, инспекторъ Харьковской семинаріи К. Истомино и преподаватели оной С. Пономаревъ и С. Ооменко. Предположены къ избранію въ члены Совѣта и нѣкоторыя другія лица, которыя не могли быть приглашены въ настоящее собраніе по отсутствію ихъ изъ гор. Харькова.

Обсужденіе вопросовъ, вызванныхъ чтеніемъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, и другія дѣла отложены до слѣдующаго собранія.

Въ заключеніе собранія прочитанъ былъ поданный Его Преосвященству рапортъ протоіерея Зміевского уѣзда селенія Кочетка Владиміро-Богородичной церкви Алексѣя Илларионова о томъ, что 30 іюля сего года домовладѣльцы селенія Кочетка: ректоръ Варшавскаго университета, Николай Алексѣевичъ Лавровскій, заслуженный профессоръ Харьковскаго университета Александръ Ивановичъ Полюбецкій и Карлъ Петровичъ Реймерсъ представили ему 200 р. при заявленіи, въ которомъ просятъ присоединить означенныя деньги къ капиталу, назначенному на устройство церковно-приходской школы въ селеніи Кочеткѣ. Донося о семъ Преосвященнѣйшему Амвросію, о. протоіерей испрашиваетъ архипастырскаго благословенія этимъ лицамъ, ревнующимъ о распространеніи народнаго образованія въ духѣ православной Церкви. Къ этому донесенію о. протоіерей лично отъ себя приложилъ 100 руб. на первыя потребности Харьковскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта. Изъявленіе благодарности жертвователямъ Преосвященнѣйшій Амвросій принялъ на себя.

Этою краткою замѣткою редакція, по предложенію Его Преосвященства, полагаетъ начало особому отдѣлу подъ заглавіемъ „Церковно-приходскія школы“. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы постановленія епархіальнаго училищнаго Совѣта, которыя будутъ признаны Его Преосвященствомъ обязательными для духовенства Харь-

ковской епархіи, или заслуживающими опубликованія въ интересахъ учебнаго дѣла, свѣдѣнія о церковно-приходскихъ школахъ въ Харьковской епархіи, корреспонденціи, замѣтки и всякія сообщенія отъ участниковъ въ дѣлѣ народнаго образованія и постороннихъ лицъ. Доколѣ этого отдѣлъ будетъ касаться учебнаго дѣла въ церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи, онъ будетъ имѣть мѣсто въ „Листкѣ для Харьковской епархіи“; а когда явится потребность въ обсужденіи вопросовъ, имѣющихъ значеніе для церковно-приходскихъ школъ всей православной русской Церкви, тогда будетъ отведено для него особое мѣсто въ церковномъ отдѣлѣ журнала.

— Высочайше утвержденныя правила о церковно-приходскихъ школахъ газета „Новое Время“ (№ 3017) встрѣчаетъ статью, въ которой отмѣчаетъ, прежде всего, тѣ черты новаго закона, что церковно-приходскія школы положено открывать преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ никакихъ училищъ не имѣется, и что тамъ, гдѣ уже учреждены гражданскимъ вѣдомствомъ школы, не принадлежащія къ числу приходскихъ, духовенству предоставляется открывать свои школы не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи архіереевъ съ подлежащимъ начальствомъ. Въ этихъ чертахъ новаго закона газета усматриваетъ признаки того „единодушія между всѣми лицами и учрежденіями, призванными къ служенію дѣлу“ народнаго просвѣщенія, котораго желаетъ законодатель „для достиженія полнаго успѣха въ просвѣщеніи народа“. О недостаткѣ этого единодушія до сихъ поръ заставляли думать, напр., переходъ и прежде издавна существовавшихъ при церквахъ школъ изъ вѣдѣнія духовенства въ вѣдѣніе земства, причемъ дѣятельность духовныхъ лицъ, даже какъ только законоучителей, была стѣснена въ школахъ, основанныхъ этими самыми лицами. Газета потомъ признаетъ „заслуживающимъ особаго вниманія“ то обстоятельство, что новый законъ подъ надзоръ и покровительство духовенства ставитъ всѣ открываемыя по деревнямъ и поселкамъ, входящимъ въ составъ прихода, домашнія крестьянскія школы грамотности. Такимъ образомъ, по мнѣнію газеты, узаконяется существованіе такихъ малыхъ школъ, которыя доселѣ даже преслѣдовались учебнымъ начальствомъ; преподаваніе въ нихъ разными грамотѣями изъ отставныхъ солдатъ, чиновниковъ и т. п., можетъ послѣ этого уиорядочиться до нѣкоторой степени. „Для дѣла распространенія въ народѣ грамотности домашнія крестьянскія школы могутъ сослужить полезную службу, равно какъ сослужать такую же службу и предполагаемые нынѣ при церковно-приход-

скихъ школахъ, такъ называемые, самостоятельныя ежедневныя уроки для взрослыхъ и воскресныя школы для лицъ, не имѣющихъ возможности пользоваться ученіемъ ежедневно". Свою статью по поводу новаго закона о церковно-приходскихъ школахъ газета заключаетъ словами, къ которымъ духовенство наше должно отнестись только серьезно, не усматривая въ нихъ недовѣрія къ силамъ вновь призываемыхъ къ дѣлу народнаго учительства: „русскому духовенству, — говоритъ газета, — предстоитъ теперь доказать своею дѣятельностію, что оно способно заняться дѣломъ народнаго образованія“.

— Обнародованы два циркуляра г. министра народнаго просвѣщенія къ попечителямъ учебныхъ округовъ. Въ первомъ изъ нихъ г. министръ касается новыхъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ.

Церковно-приходскія школы, сказано, между прочимъ, въ циркулярѣ, ввѣряемая ближайшему вѣдѣнію и руководству православнаго духовенства, которое съ первыхъ временъ основанія Русскаго государства стояло во главѣ распространенія образованія въ народѣ, несомнѣнно окажутъ весьма полезное вліяніе среди сельскаго и городскаго населенія нашего обширнаго отечества.

Министерство народнаго просвѣщенія вполне сознаетъ, что развитіемъ и совершенствованіемъ народныхъ училищъ Россія и за послѣднее время во многомъ обязана духовенству, потому что до начала шестидесятыхъ годовъ священно и церковно-служители были почти единственными учителями сельскихъ школъ: они не только учили дѣтей, но и поддерживали школы своими скудными средствами. Духовенство и словомъ, и дѣломъ старалось распространять въ народѣ довѣріе къ училищамъ, открываемымъ на средства земствъ и городскихъ обществъ и учреждаемымъ на сумму казны. Многія образцовыя одноклассныя и двухклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія возникли благодаря почину и живому участию священниковъ, слово которыхъ оказываетъ почти всегда дѣйственное вліяніе на паству. Министерство можетъ указать на многихъ духовныхъ лицъ, которыя стоятъ доселѣ почетными блюстителями и попечителями сельскихъ училищъ, поддерживая ихъ нравственно и помогая матеріально. Сотни училищъ открыты только потому, что прежде священно и церковно-служители обучали у себя на дому дѣтей и тѣмъ подготовляли грамотное населеніе. Въ виду всего этого, министерство всегда относилось съ особымъ сочувствіемъ къ дѣятельности духовенства на поприщѣ народнаго

образованія, и не далѣе какъ въ 1879 году бывшій министръ народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой, въ циркулярѣ, разосланномъ по дирекціямъ народныхъ училищъ, выражалъ, „что духовенство, призываемое на означенное поприще и долгомъ пастырства, и волею Монарха, и историческимъ значеніемъ православной Церкви въ судьбахъ отечественнаго просвѣщенія, всегда можетъ и по своему умственному развитію и по близости къ народу оказывать въ семъ отношеніи тѣмъ большія услуги, чѣмъ благоприятнѣе будутъ условія для народа образовательной дѣятельности самого духовенства и чѣмъ полнѣе будетъ готовность помогать ему на этомъ поприщѣ со стороны какъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ и сословныхъ учреждений. Питая, продолжаетъ графъ Д. А. Толстой, такую увѣренность и, въ видахъ обезпеченія надлежащаго направленія сего образованія, проникаясь мыслью о необходимости дѣятельнѣйшаго въ ономъ участія со стороны православнаго духовенства, я считаю непремѣнною обязанностию ввѣреннаго миѣ министерства всѣми зависящими способами содѣйствовать духовенству въ такомъ участіи и располагать его къ оному, будучи убѣжденъ, что труды, подлежащіе духовенству на поприщѣ школьнаго образованія народа, не останутся впредь безъ матеріальнаго, въ соотвѣтственной мѣрѣ, постояннаго вознагражденія изъ суммъ казны“.

Вѣрное своимъ преданіямъ и своему назначенію, министерство народнаго просвѣщенія съ радостью внемлетъ настоящему призыву духовенства къ усиленію его дѣятельности въ трудахъ учительства, возложеннаго на него самимъ божественнымъ Основателемъ Церкви. Уже по этому одному министерство увѣрено, что органы его по управленію народными училищами: попечители учебныхъ округовъ, директоры, инспекторы, уѣздные и губерніскіе училищные совѣты — отнесутся съ особымъ вниманіемъ къ церковно-приходскимъ школамъ и всегда будутъ готовы оказывать духовенству содѣйствіе къ открытію, совершенствованію и размноженію сихъ школъ. Народныхъ училищъ такъ мало сравнительно съ населеніемъ и протранствомъ обширной Имперіи, что возникающія церковно-приходскія школы восполняютъ потребность въ обученіи народа, который охотно будетъ ввѣрять дѣтей школѣ, устроенной подъ сѣнью Церкви. Всѣ призванные служить высокой цѣли просвѣщенія народа должны быть первыми доброжелателями, самыми искренними друзьями и пособниками школы, которая руководится непосредственно іерархами и пастырями православной Церкви.

Я не сомнѣваюсь, что чины министерства народнаго просвѣщенія, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ управленій, въ сознаниі необходимости полнаго единодушія въ дѣлѣ просвѣщенія народа, будутъ содѣйствовать духовенству въ его благихъ начинаніяхъ всѣми зависящими отъ нихъ способами. Школа—естественная союзница Церкви, и въ свѣтомъ дѣлѣ ея веденія не можетъ быть ни розни, ни пререканій; всякое недоразумѣніе, еслибы оно гдѣ случилось и по какому либо случаю возникло, должно быть разрѣшаемо въ духѣ христіанской любви и мира съ устраненіемъ всѣхъ расчетовъ тщеславія, гордости и себялюбія, которыя въ каждомъ дѣлѣ предосудительны, а въ настоящемъ были бы и прямо преступны. Всякій, болѣе или менѣе причастный къ дѣлу народнаго образованія, пусть постоянно имѣетъ въ виду, что и нынѣ существующія училища, и возникающія церковно-приходскія, должны стремиться къ одной общей цѣли—къ обученію и просвѣщенію подростающаго поколѣнія на незыблемыхъ основахъ вѣры и въ духѣ всецѣлой преданности Престолу и отечеству.

Въ другомъ циркулярѣ г. министра народнаго просвѣщенія дѣло идетъ о расширеніи круга обязанностей классныхъ наставниковъ въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, коимъ ввѣрена ближайшая забота о нравственномъ и умственномъ преуспѣяніи учениковъ ихъ класса. Такая серьезная и весьма плодотворная въ дѣлѣ воспитанія юношества задача, сказано въ циркулярѣ, налагаетъ на классныхъ наставниковъ, избираемыхъ изъ числа преподавателей, имѣющихъ въ классѣ наибольшее число уроковъ, обязанность не щисль всѣми мѣрами не только объ успѣхахъ учениковъ своего класса, но и о воспитаніи ихъ въ твердыхъ началахъ религіи и нравственности, развивая въ нихъ чувства преданности Престолу, любви къ отечеству и уваженія къ закону. Безъ сомнѣнія, высокая цѣль воспитанія молодаго поколѣнія не можетъ ограничиваться формальнымъ наблюденіемъ за учениками въ стѣнахъ заведенія, а должна вызывать постоянную заботу о всѣхъ сторонахъ ихъ жизни внѣ заведенія и неуклонное наблюденіе за дѣтьми и юношами, ввѣренными заботливости правительства. Классные наставники, будучи призваны, преимущественно предъ другими преподавателями, воспитывать учениковъ, должны идти рука объ руку съ радѣющими о благѣ своихъ дѣтей родителями, помогая имъ своими опытными совѣтами и указаніями и опираясь на ихъ содѣйствіе, а въ особенности должны заботиться о тѣхъ дѣтяхъ и молодыхъ людяхъ, которые лишены возможности жить съ родите-

лицъ и помѣщаются у родственниковъ, у знакомыхъ или квартиро-содержателей. Если юноша, оставляемый у сихъ послѣднихъ лицъ, нуждается въ устройствѣ его матеріальнаго благосостоянія, то еще болѣе для него необходимы надзоръ и нравственная помощь со стороны класснаго наставника и гимназическаго начальства. Безъ этой помощи, молодой человѣкъ легко можетъ впасть въ различные заблужденія и даже быть вовлекаемъ злонамѣренными лицами въ преступныя общества, чему, къ прискорбію родителей и всѣхъ благомыслящихъ людей и къ укору для мѣстныхъ учебныхъ начальствъ, уже имѣется много примѣровъ. Это вовлеченіе въ преступныя общества болѣею частію случается помимо собственной воли неопытныхъ юношей: они попадаютъ на погибельные пути при посредствѣ злодѣевъ, которые не гнушаются никакими темными средствами для уловленія легковѣрной молодежи, оставленной безъ руководства и надзора старшихъ. Посему директоры, инспекторы и особенно классные наставники должны преимущественно обращать вниманіе на учениковъ старшихъ классовъ, живущихъ у родственниковъ и въ особенности у знакомыхъ и на квартирахъ. Каждый классный наставникъ долженъ возможно чаще посѣщать такихъ учениковъ и знать условія ихъ жизни, среду, ихъ окружающую, лицъ, которыя ихъ посѣщаютъ, слѣдить за ихъ занятіями, чтеніемъ и проч.

Для достиженія правильнаго надзора за учениками, живущими не у родителей, въ циркулярѣ изложенъ рядъ правилъ, изъ коихъ особое вниманіе обращаетъ на себя пунктъ 7-й. По этому правилу, если классный наставникъ, при посѣщеніи учениковъ, помѣщающихся у родственниковъ, знакомыхъ и квартиро-содержателей, удостовѣрится, что кто-либо изъ учащихся находится тамъ въ неблагопріятныхъ воспитательныхъ условіяхъ, то не медля докладываетъ объ этомъ директору, которому предоставляется право въ подобныхъ случаяхъ обязать родителей безотлагательно перемѣстить дѣтей къ другимъ лицамъ, съ вѣдома начальства заведенія. Начальникъ заведенія, поясняется далѣе, имѣетъ нравственную обязанность располагать родителей помѣщать дѣтей на благоустроенныхъ ученическихъ квартирахъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства, въ коихъ находятся сами родители, не соотвѣтствуютъ воспитательнымъ цѣлямъ. Случаи эти могутъ быть рѣдки, но тѣмъ не менѣе возможны. Какъ ни высока идея родительскаго воспитанія, но она нерѣдко разбивается о дѣйствительность, и мы видимъ, что дѣлу разумнаго родительскаго воспитанія часто препятствуютъ собствен-

ная неразвитость, общественная служба, попеченія о хозяйствѣ, свѣтскія отношенія, развлеченія, горе и неудачи, заботы о насущномъ пропитаніи. Школа должна въ этихъ случаяхъ приходить на помощь семьѣ, какъ бы ни были, при такихъ обстоятельствахъ, тяжки труды официальныхъ воспитателей.

Далѣе рекомендуется попечителямъ, при выборѣ директоровъ и инспекторовъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно при удостое-ніи преподавателей почетныхъ и денежныхъ наградъ, прежде всего имѣть въ виду тѣхъ классныхъ наставниковъ, которые неуклонно и съ наибольшимъ успѣхомъ слѣдили за воспитаніемъ и нравственнымъ развитіемъ учениковъ, вникая во всѣ стороны ихъ жизни, а также пользоваться, по мѣрѣ возможности, указаніемъ правила о назначеніи класснымъ наставникамъ за исполненіе этихъ обязанностей особаго вознагражденія изъ спеціальныхъ суммъ, обративъ вмѣстѣ съ тѣмъ особое вниманіе классныхъ наставниковъ на то, что они, наравнѣ съ директорами и инспекторами, будутъ подлежать отвѣтственности, если во ввѣренномъ имъ классѣ обнаружится на ученикахъ пагубное вліяніе превратныхъ идей, внушаемыхъ злонамѣренными людьми, или даже сами молодые люди пріймутъ участіе въ какихъ-либо преступныхъ дѣяніяхъ и таковыя поступки ихъ не будутъ своевременно обнаружены заведеніемъ.

— Министерство государственныхъ имуществъ предполагаетъ въ наступающемъ учебномъ году, кромѣ выдачи денежныхъ субсидій частнымъ лицамъ, которыя пожелаютъ открывать пизшія сельско-хозяйственныя школы, открыть нѣкоторыя правительственныя школы для подготовленія образцовыхъ практическихъ сельско-хозяйственныхъ работниковъ („Москов. Вѣд.“). 2-го октября, съ разрѣшенія министерства государственныхъ имуществъ, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, послѣдуетъ открытіе сельско-хозяйственной школы, въ пособіе которой отъ казны будетъ отпускаться ежегодно по 2,000 руб. По сообщенію „С.-Петербург. Вѣд.“, министерство государственныхъ имуществъ предполагаетъ сверхъ того устроить въ одной изъ мѣстныхъ губерній школу образцоваго смолочуренія, въ которой крестьяне-смолокуры пріобрѣли-бы познанія и навыкъ къ добыванію скипидара и искусно-известковой соли, имѣющей сбытъ за границу.

— Эксплоатація религіозныхъ предметовъ и книгъ религіознаго содержанія въ послѣдніе два года достигла большаго развитія. Въ большихъ городахъ расхаживаютъ по домамъ греки, армяне, персы и съ успѣхомъ выманиваютъ у легковѣрныхъ крупныя

суммы; фигурировали они нѣсколько разъ и въ камерахъ мировыхъ судей. Только съ помощію энергичнаго содѣйствія полиціи возможно, если не уничтожить, то уменьшить зло. Въ приказѣ г. с.-петербургскаго градоначальника объявляется, что управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ призналъ „необходимымъ воспретить розничную продажу на улицахъ, площадяхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, а равно и чрезъ ходебщиковъ или офеней, брошюры подъ заглавіемъ „Сонъ Пресвятой Богородицы въ градѣ Виеліемѣ“, напечатанной въ Одессѣ двумя изданіями. Не мѣшало бы это распоряженіе распространить и на пѣкоторые другіе предметы и, кромѣ столицъ, не допускать разнымъ проходимцамъ обирать народъ въ провинціяхъ. О дѣятельности такъ называемыхъ іерусалимскихъ грековъ въ глуши деревень можно судить по официальному сообщенію изъ Литовской епархіи, въ которомъ говорится, что эти выходцы бродятъ по деревнямъ Сокольскаго благочинія, собирая пожертвованія въ пользу Гроба Господня: принимаютъ на обѣдни, увѣряя при томъ, что кто дастъ 12 руб., то для того въ Іерусалимѣ сами свѣчи зажгутся и жертвователю будетъ святымъ. Приношенія записываютъ въ книгу. Дающихъ 1 руб. награждаютъ образками или крестиками въ 5 коп., говоря при этомъ, что эти образки или крестики не для продажи. Мало того, они продаютъ образа, писанные на холстѣ, въ родѣ плащаницы, самой низкой работы; за эти плащаницы они просятъ отъ 12 до 40—50 рублей. Цѣнность плащаницъ такъ высока потому, что они присланы яко бы отъ храма Гроба Господня, и кто покупаетъ сѣи плащаницы, тому отпущены все грѣхи въ настоящей жизни и за гробомъ. Не нужно такому лицу ни ходить въ церковь, ни исповѣдываться, ни исполнять таинствъ и обрядовъ церкви, онъ освобождается отъ страшнаго суда Божія; довольно, по его смерти, покрыться этой плащаницей и человекъ переходитъ прямо въ рай. Одинъ изъ этихъ торгашей задержанъ и оказался армяниномъ Эриванской губерніи.

— Управление придворной пѣвческой капеллы, съ разрѣшенія господина министра Императорскаго двора, объявляетъ, что согласно съ Высочайше утвержденнымъ 17-го марта 1884 года положеніемъ, регентскій классъ при капеллѣ будетъ преобразованъ, съ сентября 1884 года, на слѣдующихъ основаніяхъ:

§ 1. Желающіе получить регентское образованіе принимаются въ регентскій классъ, въ качествѣ вольноприходящихъ учениковъ, изъ лицъ всехъ сословій православнаго исповѣданія не моложе 14-ти лѣтъ отъ роду, окончившіе курсъ въ учебномъ заведеніи не ниже

двукласнаго училища, и обладающіе музыкальнымъ слухомъ, знаніемъ нотъ въ скрипичномъ и басовомъ ключахъ, имѣющіе знакомство съ церковнымъ пѣніемъ и съ первоначальною степенью игры на скрипкѣ, въ размѣрѣ игры съ голосовыхъ пѣвческихъ партій.

§ 2. Пріемъ въ регентскій классъ производится ежегодно отъ 1-го до 5-го сентября; занятія-же продолжаются по іюнь мѣсяцъ. Прошенія о принятіи въ классъ должны быть присланы до 1-го сентября (съ приложеніемъ свидѣтельства учебнаго заведенія согласно § 1-му) на имя начальника придворной капеллы, и по его распоряженію просители подвергаются испытанію въ музыкальныхъ способностяхъ и знаніяхъ, требуемыхъ для поступленія въ классъ (см. § 1).

§ 3. Полный регентскій курсъ продолжается пять лѣтъ, изъ которыхъ первый годъ предназначается на приготовительный курсъ, а остальные четыре года на теоретическіе курсы.

§ 4. Въ приготовительномъ курсѣ преподаются: элементарная теорія музыки и понятія о гармоніи, сольфеджіо (пѣніе съ листа), церковное пѣніе и первоначальная степень игры на фортепіано.

§ 5. Въ 1-мъ и 2-мъ теоретическихъ курсахъ, по одному году на каждый, преподаются: А) Главные предметы: гармонія, сольфеджіо, понятія о контрапунктѣ и церковное пѣніе. Б) Обязательные предметы: игра на фортепіано и скрипкѣ и игра съ голосовыхъ партитуръ.

§ 6. Въ 3-мъ и 4-мъ теоретическихъ курсахъ, по одному году на каждый, преподаются: А) Главные предметы: контрапунктъ, канонъ, fuga, изученіе формъ музыкальныхъ сочиненій и церковное пѣніе высшаго курса. Б) Обязательные предметы: исторія церковной музыки и музыки вообще, игра съ партитуръ, управленіе хоромъ и знаніе правилъ сольнаго пѣнія.

§ 7. Для поступленія на 1-й и 2-й теоретическіе курсы требуется знаніе предметовъ приготовительнаго курса; а для поступленія на 3-й и 4-й теоретическіе курсы—предметовъ первыхъ двухъ теоретическихъ курсовъ.

§ 8. Вольноприходящіе ученики регентскаго класса должны имѣть свои скрипки съ принадлежностями, камертонъ, учебники и ноты, необходимыя для прохожденія курса.

§ 9. За обученіе въ регентскомъ классѣ взимается сто рублей въ годъ, съ уплатою изъ нихъ къ 1-му сентября—50 руб. и къ 1-му января—50 руб.

§ 10. Ученикамъ, удовлетворительно выдержавшимъ испытаніе и получившимъ изъ главныхъ предметовъ не менѣе 4-хъ (при

пяти балльной системѣ), а изъ прочихъ предметовъ не менѣе 3-хъ, выдаются отъ придворной капеллы свидѣтельства трехъ разрядовъ: а) ученикамъ, прошедшимъ подготовительный курсъ—свидѣтельство 3-го разряда на званіе регентскаго помощника; б) ученикамъ, прошедшимъ подготовительный, первый и второй теоретическіе курсы—свидѣтельство 2-го разряда на званіе регента, и в) прошедшимъ полный курсъ—свидѣтельство 1-го разряда на званіе учителя церковнаго пѣнія и теоріи музыки.

§ 11. Не обучавшіеся въ регентскомъ классѣ, но имѣющіе право на поступленіе въ оный (см. § 1) допускаются, по ихъ желанію, съ 1-го сентября по 1-е іюня, съ разрѣшенія начальника придворной капеллы, къ испытанію на полученіе свидѣтельствъ, соответствующихъ ихъ познаніямъ, и съ уплатою за свидѣтельство 1-го разряда—25 рублей, 2-го разряда—20 рублей и 3-го разряда—15 рублей.

§ 12. Ученики регентскаго класса обязаны исполнять всѣ дисциплинарныя правила, установленныя начальникомъ капеллы.

— Раскольники-пропагандисты не останавливаются предъ разными полезными для нихъ выдумками. Въ протоколахъ совѣта Андреевскаго братства читаемъ небезынтересныя въ этомъ отношеніи донесенія нѣкоторыхъ священниковъ Кавказской епархіи. Одинъ изъ нихъ, рассказывая о посѣщеніи Ханской станицы старообрядческимъ джепископомъ Силуаномъ, замѣчаетъ, что раскольники съ цѣлью придать больше значенія своему владыкѣ, распустили въ народѣ слухъ, что онъ возлагалъ на Царя корону, когда Тотъ короновался. Другой священникъ, сообщая о мѣрахъ, принимаемыхъ раскольниками станицы Червленной къ тому, чтобы удержать своихъ единовѣрцевъ отъ перехода въ православіе, говоритъ, между прочимъ, что они „черезъ своихъ клеветовъ пускаютъ въ народъ молву, будто есть особое распоряженіе высшей власти, что въ Червленной не будетъ православной церкви. Простецы, конечно, вѣрятъ такому нелѣпному слуху, а безъ церкви, они говорятъ, что-же мы будемъ дѣлать? Вслѣдствіе такого слуха и колеблются многіе присоединиться къ православной церкви и даже многіе изъ офицеровъ, принявшіе православіе въ прежнее время, боятся пристать къ единовѣрцамъ“.

— Самымъ обыкновеннымъ и наиболѣе надежнымъ средствомъ борьбы съ расколомъ служатъ бесѣды съ раскольниками. Весьма естественно, что онѣ оканчиваются торжествомъ защитниковъ православія и потому защитники раскола крайне ихъ не долюбиваютъ

и всячески отъ нихъ уклоняются. При этомъ не обходится безъ комическихъ сценъ, въ родѣ той, на которую рѣшился представитель раскольниковъ села Крестовоздвиженскаго (что близъ Орѣхова и Зуева) И. И. Зыковъ во время бесѣды, предложенной 24 іюня протоіереемъ Пятницкой, въ Охотномъ ряду, церкви І. Г. Виноградовымъ. Зыковъ, письменно изъявившій согласіе бесѣдовать съ о. Виноградовымъ, уклонился, по словамъ „Моск. Вѣд.“, отъ бесѣды подѣ слѣдующимъ предлогомъ. Явившись въ собраніе и подавая бумагу, онъ сказалъ: „Вотъ прочтите, что тутъ написано, или я самъ прочту“, и сталъ читать, чтобы бесѣда была мирная, основательная, чтобы говорить одному и не перебивать другому, пока предметъ будетъ вполне до конца осмотрѣнъ и „фактически, и канонически, и юридически“. Отецъ Виноградовъ, оговорившись относительно послѣдней фразы Зыкова, замѣтилъ, что онъ безъ бумаги высказалъ тотъ-же планъ и тѣ-же условія бесѣды и просилъ Зыкова, какъ безпоповца, прямо приступить къ дѣлу, т. е. сказать, соответствуетъ ли общество безпоповцевъ въ своемъ настоящемъ положеніи во всемъ тому ученію, которое изложено въ уважаемой ими книгѣ „Большомъ Катихизисѣ“? Зыковъ настаивалъ, что онъ только тогда будетъ бесѣдовать, когда отецъ Виноградовъ подпишется подѣ письменнымъ условіемъ, составленнымъ Зыковымъ. Отецъ Виноградовъ замѣтилъ, что онъ надеется, что и безъ подписи письменнаго „условія“ соблюдетъ должный порядокъ. Зыковъ положилъ предѣ отцомъ Виноградовымъ на „Большой Катихизисѣ“ свое „условіе“ и требовалъ, чтобы оно было подписано, „иначе я—говорить, уйду и будьте здоровы!..“ Отецъ Виноградовъ, обратясь къ собранію, спросилъ: находятъ-ли оно нужнымъ подписывать условіе Зыкова? Послышались дружные голоса: „не надо, не надо: онъ хитритъ, онъ увертывается!..“ Зыковъ конфузится, беретъ дрожащею рукою свое условіе и уходитъ снова говоря: „прощайте, будьте здоровы!..“ Еще разъ просили Зыкова не настаивать на подписаніи условія и отвѣчать на вопросъ о церкви; но онъ съ озлобленіемъ сказалъ, что онъ не хочетъ говорить и ушелъ.

— Въ „Нов. Тел.“ напечатано поученіе, недавно сказанное преосвященнымъ Никаноромъ, епископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ, о происхожденіи и значеніи штунды въ жизни русскаго народа. „Не народъ завелъ штунду, а интеллигенція, говоритъ преосвященный Никаноръ. Мы завели штунду. Да, штунду, сперва безпринципную, штунду отрицанія, сперва въ тѣсномъ интеллигентномъ кругѣ. Посмотрите, развѣ это была не штунда—это изгнаніе постовъ, это из-

гнаніе святыхъ иконъ изъ жилищъ, это посягательство на церковные праздники, это исключеніе всего народнаго изъ жизни интеллигентныхъ круговъ, это благоговѣнное преклоненіе предъ благодѣтельностью европейской культуры, эта глубокая гражданская скорбь о томъ, что все коренное русское такъ плохо, что вліяніе православной Церкви такъ слабо, что русское духовенство такъ не нравственно и такъ неможно, а воздѣйствіе его на народъ такъ ничтожно, или даже вредно? Да и прежде, въ одномъ-ли интеллигентномъ кругѣ это было? Не спускалась ли эта пока безпринципная штунда, вопреки народному чувству, вопреки чувству родителей, въ нѣдра училищъ, даже народныхъ, въ нѣдра войскъ? Не думали-ли мы, не думаемъ-ли и теперь именно культивировать, просвѣтить, исправить и на путь настоящей гражданственности направить этотъ темный, по нашимъ думамъ, край виѣдреніемъ въ него якобы европейской культуры, которую яко-бы несуть на своихъ раменахъ инородныя колоніи? Да, въ этихъ видахъ виѣдрили мы сюда въ землю, всю политую русскою кровію, инородцевъ, которымъ, за отрицаніе почти всего христіанскаго, тѣсно стало жить въ отечествѣ! И они жили у насъ законно и честно, по своему, подъ покровительствомъ предоставленныхъ имъ великихъ льготъ, тогда какъ въ тоже время старожилое казачество, отстаившее свою кровію для святой Руси эту искони славянскую землю, было даже закрѣпощено, что, конечно, произвело упадокъ духа въ коренномъ русскомъ народонаселеніи. И коренные русскіе, не безъ подобострастія глядя около себя на инородцевъ, приглядѣлись, что сіи послѣдніи живутъ хорошо, въ почетѣ, что порядки ихъ разумны и для нихъ весьма полезны, что они все грамотные, тогда какъ для русскаго человѣка 50 лѣтъ тому назадъ грамотность была роскошь, довольно непозволительная. Поприглядѣлись и стали подражать“.

Но чему же стали подражать русскіе? Чему научили ихъ инородцы, которыхъ „мы виѣдрили въ землю, политую русской кровію“, — инородцы, которымъ, „за отрицаніе почти всего христіанскаго, стало тѣсно въ отечествѣ“? Въ отвѣтъ на эти вопросы, преосвященный Никаноръ передаетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ путешествій по епархіи. „Вотъ я ѣзжу по этимъ степямъ и гляжу. Странно. Не выучились русскіе люди у иностранцевъ именно тому, чему было желательно, чтобы выучились. Нигдѣ, рѣшительно нигдѣ, у русскихъ не вижу, не усматриваю, хотя и гляжу пристально и вслушиваюсь прилежно, ни улучшеннаго скотоводства, ни

посадки деревъ, ни улучшенныхъ водоемовъ, ни орошенія полей, ничего истинно полезнаго, европейски культурнаго. За нѣсколько верстъ простымъ глазомъ отличаешь колонию отъ русскаго селенія. Та издали блеститъ бѣлизною построекъ, строгимъ порядкомъ въ ихъ распланировкѣ и замѣтною, чуть не городскою зажиточностію. Русское же селеніе, наоборотъ, издали сказывается неупорядоченностію, раскиданностію хатъ, часто скудностію, внутри, нерѣдко, сарайнымъ запахомъ. Не мое дѣло, не стану продолжать. Что же занято у колонистовъ? Заняты мелочи, повидимому, незначительныя. Именно тамъ, гдѣ центры штунды, тамъ нѣмецкій короткій покрій платья, тамъ русскій и коренной малороссійскій покрій платья совсѣмъ исчезъ. Тамъ стриженныя или даже бритыя не только бороды,—у малороссовъ бороды подстригались искони,—но и усы... Тамъ и прочія, повидимому, мелочи, внѣшнія отличія, сглаживающія, однако, человекъ до того, что и признать въ немъ русскаго человекъ трудно. Но поразительно, что тамъ и церкви, православныя церкви, построены не по древле-византійскому, искони православному типу, а по типу нѣмецкихъ кирхъ. Штундисты и будто-бы молokane, какъ и скопцы, которые теперь развелись здѣсь по заднимъ концамъ чуть не въ каждой деревнѣ, завѣдомо,—тѣ всегда одѣты въ нѣмецкій покрій и глядятъ не русскими людьми“.

Чтожь, говорятъ иные, народъ самъ виноватъ. Если онъ подчиняется вліянію инородцевъ, значитъ, нравственная сила на ихъ сторонѣ. Но относиться такимъ образомъ къ обезличиванію и развращенію народа могутъ только люди, которые готовы служить въ семи ордахъ семи королямъ и которые, подобно цыгану, фигурирующему въ извѣстномъ малороссійскомъ анекдотѣ, готовы объявить себя за ту вѣру, „яка тобі треба“. Исторія посмотритъ съ другой точки зрѣнія. Исторія укажетъ на привилегированное положеніе нѣмецкихъ колонистовъ, которымъ они такъ долго пользовались, да еще и теперь пользуются и которое дало имъ возможность забрать въ свои руки коренное населеніе, жившее бокъ-о-бокъ съ зарубежными выходцами...

И чуть не молніею эта штунда бѣжитъ отъ Херсона до Кременца, и чрезъ искони благочестивую Бѣлоруссію до финскихъ благъ и до скалъ Урала... Это грозное явленіе, конечно, находитъ себѣ и пособниковъ даже въ интеллигентныхъ лицахъ. Пока штунда въ тѣсномъ интеллигентномъ кругѣ была только отрицаніемъ всякаго религіознаго принципа, до тѣхъ поръ она въ средѣ народа была явленіемъ совершенно чуждымъ, не сроднымъ народному чувству.

Но когда эта интеллигентная штунда соединилась съ религіознымъ принципомъ, хотя и крѣпко, но не вполне отрицающимъ христіанство,—принципомъ, который будто Евангеліемъ оправдываетъ слишкомъ многія отрицанія древняго строгаго свято-отеческаго христіанства,—тогда, о! такое пріятное вѣроученіе, освобождающее отъ стѣсненій апостольской Христовой вѣры, такое вѣроученіе пришло по вкусу и народу, который уже цѣлые вѣка видитъ виблреніе штунды вездѣ, не только вдали отъ себя, въ средѣ интеллигенціи, но и внутри себя въ самой народной средѣ.

Въ концѣ концовъ выходитъ, что на нашихъ глазахъ интеллигентный человѣкъ, пренебрегая свято-отеческою русскою вѣрою и рабски кланяясь европейской культурѣ, перерождается изъ истинно-русскаго человѣка въ космополита-европейца. Видимъ и дальше, что культивированный нами даже простой русскій человѣкъ перерождается на нашихъ-же глазахъ изъ русскаго въ европейца-же по всему, по внѣшнему виду, по обличію лица и по внутреннему строю души, по вѣрѣ, по міросозерцанію, по отрицанію многоаго, если не всегда, самаго кореннаго русскаго.

Что же дѣлать? Нужно бороться съ „духомъ времени“, нужно всѣмъ и каждому, въ домашней и общественной жизни, твердо отстаивать неприкосновенность исконно русскихъ началъ...

„Обращаемся къ духовенству, къ пастырямъ церкви, къ нашимъ братіямъ и служителямъ Христовымъ“,—взываетъ преосвященный Никаноръ. „Воспряните. Не видите-ли, что времена тревожны, что переходчива даже вѣра въ умахъ народа? Долго нашъ народъ нерушимо хранилъ свою родную вѣру по крѣпкому вѣянію общенароднаго духа. Увы! теперь подули иные вѣтры со всѣхъ сторонъ. Подули и на народъ. Станьте-же твердо противъ этихъ вѣтровъ. Боритесь. Просвѣщайте народъ свѣтомъ вѣры. Воодушевляйте духомъ вѣры посредствомъ того-же просвѣщенія, святолѣннаго богослуженія, стройнаго обще-церковнаго пѣнія, просвѣтленіемъ и закрѣпленіемъ русскаго народнаго сознанія.

Обращаемся къ интеллигентному кругу. Вспомните, что вы русскіе. Не служите идеалу космополита-европейца. Признайте святую православную вѣру Христову, хоть какъ важнѣйшій историческій факторъ въ русской жизни. Кому полезно подрывать ее? Почему многіе думаютъ, что охраненіе, поддержаніе, развитіе вѣры въ умахъ и сердцахъ народа есть дѣло только духовенства? Пора бросить это гибельное заблужденіе. Не ясно ли, что поддержаніе православія есть дѣло общее, дѣло государственныхъ людей, во-первыхъ?...

Не ясно-ли, что тамъ, гдѣ мы теряемъ въ твердости православія, тамъ теряемъ въ твердости и государственной? Не видимъ-ли, что на русской землѣ въ послѣднее тридцатилѣтіе одно зловѣщее явленіе смѣняется другимъ? Кто можетъ радоваться этому? Кто изъ сыновъ отечества можетъ умывать здѣсь руки? Еще болѣе, кто смѣетъ рыться въ корняхъ народнаго древа? Вѣдь если оно склонится къ упадку, то первыми же тѣхъ, кто подрываетъ его, задавить самымъ наклономъ своимъ. Но Богъ спасетъ свою Русь святую.

Обращаемся къ купеческому, обращаемся къ мѣщанскому сословію. Всѣ привыкли думать, что именно въ вашихъ семьяхъ, въ вашихъ домахъ, у вашихъ очаговъ, въ вашихъ сердцахъ гнѣздится самый крѣпкій русскій духъ... Поднимите же ваши русскія головы. Не стыдитесь не только быть русскими, но и показывать всѣмъ, что вы настоящіе русскіе. Отчего вы глядите такъ пугливо, приглядываясь къ Европѣ? Куда дѣвались русскіе костюмы, русскія обличія? Зачѣмъ прячутся русскіе нравы и обычаи, русская привязанность къ церковной обрядности, къ праздникамъ, къ постамъ святымъ?

Обращаемся ко всѣмъ русскимъ, кто насъ слышитъ и услышитъ. Не уговариваю васъ любить любовью Христовою всѣхъ живущихъ между нами инородцевъ. Эта любовь всасывается въ благодушное русское сердце вмѣстѣ съ матернимъ молокомъ. Дай Богъ, чтобъ и свои, и чужіе, и русскіе, и инородцы были счастливы въ русской землѣ. Но помните все, что крѣпость Россіи—русскій духъ. Не инородцы, а другіе создали русское государство. А крѣпость русскаго духа—православная вѣра была, есть и будетъ, пока будетъ крѣпокъ русскій духъ“.

Итакъ, по убѣжденію церковнаго іерарха, „поддержаніе православія есть дѣло общее“, и никто не смѣетъ „рыться въ корняхъ народнаго древа“...

— „Русь“ указываетъ, какъ обходятъ въ Прибалтійскомъ краѣ законы и какими пріемами пользуются наши прибалтійскіе соотечественники, чтобы избѣжать изученія русскаго языка въ школахъ. Напр. въ одномъ аристократическомъ женскомъ учебномъ заведеніи, вопреки закону, въ нѣкоторыхъ классахъ едва-ли не половина дѣвицъ вовсе не учится по-русски!..—„Почему“?—„Да многія ученицы такъ болѣзненны, что учиться русскому языку рѣшительно не въ состояніи“.—„Почему-же болѣзненность мѣшаетъ имъ въ данномъ случаѣ заниматься именно русскимъ языкомъ и не мѣшаетъ изученію другихъ предметовъ курса?“—Одна воспитанница страдаетъ хроническимъ катарромъ желудка, другая подвержена про-

студѣ и частымъ головнымъ болямъ,—и за все это отвѣчаетъ обыкновенно русскій языкъ!.. И смѣшно, и печально!.. Но къ довершенію смѣшной стороны дѣла, болѣзненность удостовѣряется въ такихъ случаяхъ медицинскими свидѣтельствами, на основаніи которыхъ получается (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ получалось) разрѣшеніе не учиться по-русски! Министерство народнаго просвѣщенія всегда прилагало большія заботы, чтобы подвинуть успѣхи русскаго языка и русскаго преподаванія въ остзейскихъ школахъ. Но министерскія распоряженія обходились въ прежнее время, даже при содѣйствіи попечителей. Такъ, положительный фактъ, что предметникъ нынѣшняго попечителя, баронъ Штакельбергъ, сдѣлалъ словесное распоряженіе, чтобы русская исторія преподавалась въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ не по-русски, а по-нѣмецки. Понятно, что такая мѣра (исполняемая въ настоящее время открыто, но принятая, какъ видитъ читатель, нѣкоторымъ образомъ негласно) естественно повела, прежде всего, къ упадку въ заведеніяхъ русскаго языка. На какомъ высокомъ уровнѣ стоитъ въ край преподаваніе русскаго языка, можно судить по слѣдующимъ забавнымъ примѣрамъ:

Если учитель-остзеецъ увѣряетъ своихъ учениковъ, что слово „козелъ“, напримѣръ, имѣетъ въ родительномъ надежѣ „козела“, или, говоря по-русски, выражается такъ: „Я вставаю рано, обыкновенно въ шестомъ часѣ“, то, конечно, такой преподаватель не много научитъ по-русски... Не удивительно поэтому, если и въ классныхъ тетрадяхъ учениковъ, питомцевъ подобнаго педагога, будутъ встрѣчаться фразы въ родѣ слѣдующихъ: „въ малышиныхъ книжкахъ бывають часто величайшія добродѣтели“, или: „я вынулъ стекло (Glas — стекло, стаканъ) пива“, или: „король, окруженный своими дворниками“ (Höfbling—придворный)..

— Въ числѣ писемъ къ Пиннокентію, архіепископу Херсонскому и Таврическому, мы встрѣтили письма къ нему барона Александра Боде, автора нѣсколькихъ сочиненій, между прочимъ—исслѣдованія „о винодѣліи“. Въ этомъ письмѣ авторъ, между прочимъ, пишетъ: „позвольте мнѣ обратить особое ваше вниманіе на 137 страницу моего сочиненія о винодѣліи; тамъ вы увидите, какимъ отвратительнымъ образомъ готовится красное вино въ просвѣщенной Европѣ. Должно бы изгнать это вино изъ общаго, а въ особенности изъ церковнаго употребленія. Вѣроятно Св. Синодъ возьметъ по этому предмету самыя рѣшительныя мѣры, какъ скоро будетъ имѣть въ виду это отвратительное и пагубное приготовленіе церковнаго вина. Россія имѣетъ уже теперь, слава Богу, довольно

красныхъ винъ собственнаго произрастенія, такъ что можно обойтись безъ иностранныхъ“.

Не имѣя подъ руками названнаго сочиненія, и вообще не имѣя подробныхъ свѣдѣній по предмету, о которомъ говорится въ приведенномъ письмѣ, мы позволили бы себѣ указать здѣсь на другую сторону затрогиваемаго предмета, именно финансовую. Любопытно было бы знать, сколько расходуется духовнымъ вѣдомствомъ во всей Россіи на покупку вина для совершенія Евхаристіи. Вѣроятно — сумма не малая, можетъ быть, нѣсколько милліоновъ рублей. Если бы вмѣсто иностраннаго вина пріобрѣталось повсемѣстно для богослуженія вино крымское и кавказское (которое въ послѣднее время, говорятъ, скунается иностранцами и, привезенное чрезъ Францію и Германію въ Россію, перепродается, подъ именемъ бордосскаго и испанскаго, по удешаженной цѣнѣ) то, намъ кажется, образовалась бы экономія церковныхъ суммъ по крайней мѣрѣ въ полмилліона. Если бы благочинническіе совѣты, епархіальные преосвященные и самъ Св. Синодъ благоволили если не узаконить, то рекомендовать этотъ способъ экономіи церковныхъ суммъ: образовавшіяся такимъ способомъ сбереженія съ большою пользою могли бы быть обращены на какія-либо церковныя или общественныя учрежденія, одинаково полезныя какъ для Церкви, такъ и для государства. (Ц. В.).

— „Петерб. Лист.“ сообщаетъ, что въ средѣ столичнаго духовенства возникла мысль ознаменовать добрымъ дѣломъ имѣющее исполниться въ ноябрѣ 1884 года пятидесятилѣтнее служеніе во святительскомъ санѣ высокопреосвященнаго митрополита Исидора, съ какою цѣлью и начата подписка. Имѣя въ виду, что при многихъ даже приходскихъ церквахъ нѣтъ квартиръ для заштатныхъ священно-церковно-служителей, ихъ вдовъ и сиротъ, а для служащихъ при казенныхъ заведеніяхъ положительно нигдѣ нѣтъ, и что тоже происходитъ и въ уѣздныхъ городахъ и селахъ,—предполагается собранную сумму употребить на устройство 2 отдѣльныхъ домовъ: одного въ Петербургѣ для столичнаго духовенства и другаго внѣ столицы для уѣдно-городскаго и сельскаго. Устройство дома въ уѣздѣ мотивируется тѣмъ, что сельскія вдовы, оставшіяся безъ пристанища, прибываютъ въ Петербургъ, гдѣ содержаніе стоитъ втрое, а квартиры въ пять разъ дороже, нежели въ уѣздѣ; къ тому-же онѣ попадаютъ въ несходную имъ среду, расстаются со своимъ небольшимъ хозяйствомъ (корова, куры, огородъ), а къ здѣшнимъ занятіямъ привычки не имѣютъ и принуждены бываютъ зачастую прибѣгать къ попрошайничеству.

Въ столичномъ домѣ квартиры, согласно проекту, должны состоять отъ одной до трехъ комнатъ: кухни или особыя при каждой квартирѣ, или отдѣльныя для каждаго этажа. При сельскомъ домѣ должны быть постройки, необходимыя для сельскаго хозяйства (коровники), разведены огороды, покосы. Имѣльцы этихъ домовъ пользуются только однимъ помѣщеніемъ, бесплатно или съ платою уменьшенною сравнительно съ другими частными квартирами; она вносится или церквами, при которыхъ служили заштатные или мужья вдовъ, или самими нанимающими. Всѣ эти лица сохраняютъ за собою пенсіи и другія получаемыя денежныя пособія отъ церквей. Мѣста для постройки домовъ уже имѣются въ виду: въ столицѣ—при Ямской церкви, а внѣ ея—въ Новой или Старой Ладогѣ и мн. др. церквахъ, владѣющихъ пустопорожными землями.

— Въ комиссію прошеній поступаетъ обыкновенно множество ходатайствъ домашнихъ учительницъ о назначеніи имъ пенсій внѣ правилъ за педагогическія ихъ занятія. Ходатайства эти вызываются тѣмъ, что просительницы, не смотря на продолжительное время своихъ занятій по обученію дѣтей въ частныхъ домахъ, не могутъ однако по закону получить пенсіи изъ спеціального на этотъ предметъ пенсіоннаго капитала, состоящаго въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія вслѣдствіе несоблюденія ими въ продолженіе службъ предписанныхъ закономъ правилъ относительно обязанностей ихъ предъ учебнымъ начальствомъ. Въ предупрежденіе на будущее время такихъ нежелательныхъ для домашнихъ учительницъ послѣдствій, нынѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія признано необходимымъ установить, чтобы учебныя начальства женскихъ гимназій печатали на оборотѣ выдаваемыхъ окончившимъ курсъ аттестатовъ правила и обязанности домашнихъ наставницъ и учительницъ. По сообщенію „Русск. Курьера“, правила эти, между прочимъ, заключаются въ слѣдующемъ: 1) воспитанница женской гимназій, удостоенная званія домашней наставницы или учительницы, обязана обмѣнить аттестатъ объ окончаніи курса на особое свидѣтельство, выдаваемое изъ канцеляріи попечителя учебнаго округа; для этого должно представить предсѣдателю попечительнаго совѣта гимназій прошеніе на имя попечителя округа и при немъ аттестатъ гимназій и метрическое свидѣтельство съ собственноручными копіями и 12 р. за напечатаніе свидѣтельства; 2) прошеніе это съ документами отсылается въ канцелярію попечителя округа предсѣдателемъ педагогическаго совѣта гимназій, отъ котораго затѣмъ воспитанница получаетъ подѣ

росписку установленное свидѣтельство на званіе домашней наставницы или учительницы; 3) лица, не обмѣнившія аттестаты на свидѣтельства отъ округа, не пользуются правами службы на пенсію, если поступятъ въ частный домъ для воспитанія дѣтей, или на казенное мѣсто въ учебное заведеніе; 4) при опредѣленіи въ частный домъ, домашняя наставница или учительница должна предъавить свидѣтельство директору училищъ и уѣздному предводителю дворянства того уѣзда, гдѣ будетъ находиться на жительствѣ, что соблюдается каждый разъ при поступленіи въ другой домъ; 5) по окончаніи каждаго года занятій воспитаніемъ дѣтей въ частномъ домѣ, наставница или учительница обязана представлять директору училищъ отчетъ о своихъ занятіяхъ и одобрительныя о себѣ свидѣтельства отъ уѣзднаго предводителя дворянства и отъ лицъ, у коихъ исполняла обязанности своего званія; и 6) точное соблюденіе сихъ правилъ даетъ домашнимъ наставницамъ и учительницамъ право, по выслугѣ въ семь званіи 20 лѣтъ, воспользоваться пенсіей или поступить въ домъ призрѣнія дѣвицъ благороднаго званія на казенное содержаніе; несоблюдшія сихъ правилъ тѣмъ самымъ лишаются права на пенсію.

— Изъ Старобѣльска, Харьковской губ., въ „Южный Край“ пишутъ: Живущія въ слободѣ Бѣловодскѣ мѣщанки Корсюченкова и Рябова удостоились Высочайшей благодарности Государя Императора за постройку часовни въ память мученически скончавшагося Императора Александра II. Часовня эта, построенная исключительно на средства этихъ двухъ обывательницъ, не поражаетъ, правда, затѣливостью архитектуры, но внутреннею своею обстановкою производитъ весьма пріятное впечатлѣніе на посѣтителя. На восточной сторонѣ часовни, повыше дверей, поставлена икона Спасителя, сидящаго во главѣ съ Іоанномъ Предтечею слѣва, и Божіею Матерью справа. Направо отъ этой иконы стоитъ икона Маріи Магдалины, а налѣво — Александра Невскаго. Послѣднія двѣ иконы, на которыхъ святые изображены во весь ростъ, отдѣланы чрезвычайно изящно. Часовня отдѣлена весьма красивой оградой, и такъ какъ она стоитъ на самомъ видномъ мѣстѣ въ слободѣ (на срединѣ улицы, прилегающей къ базарной площади), она можетъ служить лучшимъ украшеніемъ для слободы, а главное эта часовня явится постояннымъ напоминаніемъ о въ Божѣ почившемъ Царѣ-Освободителѣ. Надо замѣтить, что, помимо Монаршей благодарности, жертвовательницы имѣютъ благодарность и отъ односельчанъ.

Съ 1-го Сентября текущаго 1884 года

БУДЕТЬ ИЗДАВАТЬСЯ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ДУХОВНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПАСТЫРСКІЙ СОБЕСѢДНИКЪ

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1. Слова, бесѣды и поученія на воскресные и праздничные дни.

Слова, бесѣды и поученія могутъ быть печатаемы и въ видѣ отдѣльныхъ приложений къ журналу, чтобы по истеченіи года изъ нихъ составлялись отдѣльные сборники проповѣдей.

2. Статьи о вѣрѣ и нравственности христіанской, о событіяхъ библейской и церковной исторіи, преимущественно русской Церкви, о богослуженіи, законоположеніяхъ и постановленіяхъ православной Церкви, о проповѣдничествѣ, изъясненія нѣкоторыхъ мѣст священнаго писанія и вообще статьи о предметахъ, относящихся къ кругу духовнаго просвѣщенія.

Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться преимущественно статьи, пригодныя для чтенія при въбогослужбныхъ соборѣдованіяхъ съ народомъ.

3. Историческіе очерки раскола и сектантства, замѣтки и краткія сообщенія по сему предмету.

4. Постановленія и распоряженія по духовному вѣдомству—какъ общія, такъ и мѣстныя, имѣющія руководственное значеніе для духовенства.

5. Церковное обозрѣніе. Лѣтопись текущихъ событій современной церковно-общественной жизни. Разныя извѣстія.

6. Очерки и характеристки изъ быта духовенства и религіозно-нравственной жизни народа, наблюденія и замѣтки касательно народныхъ вѣрованій, обычаевъ, и т. п.

7. Корреспонденціи.

8. Критика и библиографія. Обзоръ текущей литературы—духовной и свѣтской въ ея отношеніи къ Церкви, духовенству и религіозно-нравственной жизни народа.

9. Объявленія.

Особенность нашего журнала будетъ заключаться въ томъ, что при выполненіи широкой и разнообразной его программы мы уже будемъ имѣть въ виду прежде всего задачи и потребности пастырскаго служенія. Изъ самой программы журнала можно уже видѣть, что онъ будетъ имѣть практическое направленіе, что въ немъ найдутъ мѣсто только статьи, замѣтки, извѣстія, представляющія въ томъ или другомъ отношеніи живой интересъ для духовенства. Страницы нашего изданія открыты для всякаго рода сообщеній изъ области церковно-пастырской дѣятельности, чтобы такимъ образомъ „Пастырскій Собесѣдникъ“ могъ служить, между прочимъ, и органомъ пастырскаго общенія. Изъ другихъ повременныхъ изданій газетъ и журналовъ мы также будемъ заботливо отмѣчать все, имѣющее какую либо важность или интересъ съ церковно-пастырской точки зрѣнія. Позволяемъ себѣ надѣяться, что „Пастырскій Собесѣдникъ“ найдетъ нравственную поддержку среди духовенства и будетъ встрѣченъ съ такимъ же вниманіемъ и сочувствіемъ, какъ и другія наши изданія, посвященные также пастырству.

„Пастырскій Собесѣдникъ“ будетъ выходить ОДИНЪ РАЗЪ ВЪ НЕДѢЛЮ, въ размѣрѣ до двухъ печатныхъ листовъ большаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкой (съ 1-го сентября 1884 года по 1-е сентября 1885 года) за годъ—ПЯТЬ руб. За полгода по 1-е марта 1885 года) ТРИ руб.

Требованія адресовать: въ г. ВОРОНЕЖЪ, редактору-издателю журнала „ПАСТЫРСКІЙ СОБЕСѢДНИКЪ“ *Василію Абрамовичу МАВРИЦЕВУ*.

отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

Съ разрѣшенія Епархіальнаго пачальства Совѣтомъ училища отпечатаны программы предметовъ, преподаваемыхъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ. Желающіе имѣть таковыя обращаются непосредственно въ канцелярію Совѣта.

НЕДАВНІЯ КНИЖКИ:

1. Антихристіанство и Антихристъ по ученію Христа и Апостоловъ. Доктрино-экзегетическое изслѣдованіе *Николая Виноградова*. Стр. I—V.—80. ц. 60 копѣекъ.

2. *Его-же*: Ученіе Св. Евангелія и Апостоловъ о воскресеніи мертвыхъ. Стр. I—VI.—65. ц. 50 коп.

Получать можно въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга.

АДРЕСЪ АВТОРА: Люблино, Московско-Курской жел. дороги. Учителю Перервинскаго Дух. Училища Николаю Виноградову.

Инспекторъ народныхъ училищъ Волчанскаго уѣзда Харьк. губ.

симъ объявляетъ, что въ двухклассномъ образцовомъ училищѣ въ сл. Ивановкѣ, Волчанскаго, уѣзда имѣется свободное мѣсто преподавателя Закона Божія. Вознагражденіе: 250 р. въ годъ при готовой квартирѣ съ отопленіемъ. Желающіе занять это мѣсто имѣютъ подать прошеніе или на имя Директора народныхъ училищъ или Инспектора народ. уч. Волчанскаго уѣзда.

Въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ второе изданіе соч. доцента Кіевской Духовной Академіи *Арсенія Царевскаго*, бывшаго смотрителя Черкаскаго (дух. уч.):

„Уроки по Закону Божію, способствующіе усвоенію пространнаго Христіанскаго Катихизиса Православной Церкви“

(выпускъ первый). Сочиненіе это Св. Синодомъ и многими Архидіаконами одобрено для церковныхъ бібліотекъ и признано очень полезнымъ для отбогослужбныхъ бесѣдъ. Цѣна 1 руб. 15 коп.

Вмѣстѣ съ симъ предлагается подписка на слѣдующіе ЧЕТЫРЕ выпуска этого сочиненія, которые вмѣстѣ съ первымъ составятъ пять книгъ не менѣе, какъ въ 1000 стр. in 8°. Желающіе приобрѣсть всѣ эти выпуски благоволятъ прислать автору въ г. Кіевъ 3 р. сер., въ томъ числѣ 1 руб. за 1-й и по 50 коп. за каждый послѣдующій выпускъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1884 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~И~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.